

ФИЛОСОФИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

2017 — Т. I, № 1

PHILOSOPHY

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

2017 · VOLUME I · № 1

PHILOSOPHY

2017 I (1)

THE STATE AND THE REVOLUTION

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru · REGISTRATION: ЭЛ № ФС 77-68963
ROOM 417A, 21/4 STARAYA BASMANNAYA STR., 105066 MOSCOW, RUSSIA · +7(495) 7729590 * 12032

EDITORS

Editor-in-Chief: Vladimir Porus (NRU HSE, Moscow)
Deputy Editor: Alexander Marey (NRU HSE, Moscow)
Executive Secretary: Maria Marey (NRU HSE, Moscow)
Typographer: Nikola Lečić (NRU HSE, Moscow)
Copy Editor: Ilia Pavlov
Russian Proofreader: Maria Trusova

EDITORIAL BOARD

Olga Alieva (NRU HSE, Moscow) · Natalya Dolgorukova (NRU HSE, Moscow) ·
Diana Gasparyan (NRU HSE, Moscow) · Viktor Gorbatov (NRU HSE, Moscow) ·
Yulia Gorbatova (NRU HSE, Moscow) · Stefan Hessbrüggen (NRU HSE, Moscow) ·
Irina Makarova (NRU HSE, Moscow) · Alexander Mikhailovsky (NRU HSE, Moscow) ·
Sergey Nikolsky (IPH RAS, Moscow) · Alexander Pavlov (NRU HSE, Moscow) ·
Petr Rezvykh (NRU HSE, Moscow) · Pavel Sokolov (NRU HSE, Moscow) ·
Maria Shteynman (RSUH, Moscow) · Andrey Teslya (PNU, Khabarovsk) ·
Anastasia Ugleva (NRU HSE, Moscow)

INTERNATIONAL ADVISORY BOARD

Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing) · Roger Berkowitz (Bard College, New York) · José Luis Villacañas Berlanga (Universidad Complutense de Madrid) ·
Alexander Filippov (NRU HSE, Moscow) · Vladislav Lektorsky (IPH RAS, Moscow) ·
Teresa Obolevich (Pontifical University of John Paul II, Krakow) · Boris Pruzhinin (Review “Voprosy filosofii”, Moscow) · Alexey Rutkevich (NRU HSE, Moscow) · Tatiana Schedrina (MSPU, Moscow) · Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow)

ФИЛОСОФИЯ

2017 — Т. I, № 1

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru · РЕГИСТРАЦИЯ: ЭЛ № ФС 77-68963
СТАРАЯ БАСМАННАЯ 21/4, 105066 МОСКВА (КОМ. 417А) · +7(495) 7729590 * 12032

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Владимир Порус (НИУ ВШЭ, Москва)
Заместитель главного редактора: Александр Марей (НИУ ВШЭ, Москва)
Ответственный секретарь: Мария Марей (НИУ ВШЭ, Москва)
Технический редактор: Никола Лечич (НИУ ВШЭ, Москва)
Литературный редактор: Илья Павлов
Корректор: Мария Трусова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ольга Алиева (НИУ ВШЭ, Москва) · Диана Гаспарян (НИУ ВШЭ, Москва) ·
Виктор Горбатов (НИУ ВШЭ, Москва) · Юлия Горбатова (НИУ ВШЭ, Москва) ·
Наталья Долгорукова (НИУ ВШЭ, Москва) · Ирина Макарова (НИУ ВШЭ, Москва) ·
Александр Михайловский (НИУ ВШЭ, Москва) · Сергей Никольский (ИФ РАН, Москва) ·
Александр Павлов (НИУ ВШЭ, Москва) · Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва) ·
Павел Соколов (НИУ ВШЭ, Москва) · Андрей Тесля (ТОГУ, Хабаровск) ·
Анастасия Углева (НИУ ВШЭ, Москва) · Штефан Хессбрюгген (НИУ ВШЭ, Москва) ·
Мария Штейнман (РГГУ, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хосе-Луис Вильяканьяс Берланга (Университет «Комплутенсе», Мадрид) ·
Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин) · Тереза Оболевич
(Папский университет Иоанна Павла II, Краков) · Роджер Берковиц (Бард-колледж,
Нью-Йорк) · Алексей Руткевич (НИУ ВШЭ, Москва) · Александр Филиппов (НИУ ВШЭ,
Москва) · Татьяна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва) · Владислав Лекторский (ИФ РАН,
Москва) · Борис Пружинин (журнал «Вопросы философии», Москва) ·
Татьяна Щедрина (МПГУ, Москва)

CONTENTS

[Inaugural Address]	7
[Editorial Address]	9

STUDIES

DALMACIO NEGRO PAVÓN Pravitel'stvo i gosudarstvo: dva tipa myshleniya [The Government and the State: Two Ways of Thinking]	13
RICHARD BOURKE Staryy poryadok i Revolyutsiya [The Old Regime and the Revolution]	34
GUL'NARA BAYAZITOVA O ponyatii "République" u Fransua Otmana i Zhana Bodena [On the Concept of "the Republic" in François Hotman's and Jean Bodin's Works]	57
ANDREY TESLYA Federalizm M. P. Dragomanova [The Federalism of M. P. Dragomanov]	72

TRANSLATIONS

ALESSANDRO PASSERIN D'ENTREVES Ponyatiye Gosudarstva. Vvedeniye v politicheskuyu teoriyu [The Notion of the State. An Introduction to Political Theory]	93
---	----

BOOK REVIEWS

MARIA MAREY "Respublikanizm" i "Pravitel'nost'": dva sposoba myshleniya o gosudarstvennom upravlenii ["Republicanism" and "Governmentality": Two Ways of Thinking About Government]	113
GREG YUDIN Retsenziya: Yu. Habermas. Strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery (2016) [Book Review: Habermas, J. Strukturwandel der Öffentlichkeit (2016)]	123

ACADEMICAL LIFE

[Conference Announcement: "The Modes of Thinking, the Ways of Speaking"]	137
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
От редакции	9

ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДАЛМАЦИО НЕГРО ПАВОН Правительство и государство: два типа мышления	13
РИЧАРД БУРК Старый порядок и Революция	34
ГУЛЬНАРА БАЯЗИТОВА О понятии «République» у Франсуа Отмана и Жана Бодена	57
АНДРЕЙ ТЕСЛЯ Федерализм М. П. Драгоманова	72

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

АЛЕССАНДРО ПАССЕРЕН Д'АНТРЕВ Понятие Государства. Введение в политическую теорию	93
---	----

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

МАРИЯ МАРЕЙ «Республиканизм» и «Правительность»: два способа мышления о государственном управлении	113
ГРИГОРИЙ ЮДИН Рецензия на книгу: Хабермас. Структурная трансформация сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества (2016)	123

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

Анонс VIII международной конференции Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения»	137
---	-----

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Новый журнал, за издание которого взялась Школа философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», предназначен не только специалистам, но всем читателям, интересующимся широким спектром философских проблем. Потребность именно в таком издании очевидна. Фактически большая часть выходящей на русском языке философской периодики имеет дисциплинарный характер и адресована «узким специалистам». В этом, конечно, есть известные преимущества, продолжением которых, однако, являются недостатки: оторванность специализированных журналов от запросов вузовских преподавателей философии, размытость границ полемики по общим проблемам современной философии в ее связи с наукой, политикой, культурой, экономикой и т. д., нарастающая эзотеричность философских концептов, разрабатываемых для специальных дискурсов и др. Подчеркнуто скромное название «Философия» выбрано нашим журналом вполне сознательно, и мы надеемся, что наши читатели воспримут его *cum grano salis*, то есть не бросят нам упрек в несбыточных планах охвата буквально всей философской проблематики. Мы хотим выстраивать издательскую политику как «наведение мостов» между различными сферами философских исследований, не углубляясь в дебри нюансов, но сохраняя необходимый профессиональный уровень, чтобы движение по этим «мостам» имело осмысленный и целенаправленный характер.

Мы прямо говорим о наших намерениях: журнал «Философия» ставит целью войти в ряд философских периодических изданий международного уровня. Пока это — горизонт, но мы постараемся приблизить его линию к пределам досягаемости. Помимо формальных требований к публикуемым материалам и к работе редколлегии (с ними читатель познакомится на нашем сайте) на достижение этой цели будет работать главный принцип, которым мы будем руководствоваться. Он крайне прост: единственным, достаточным и необходимым условием публикации материалов в нашем журнале является их качество, соответствующее критериям научного профессионализма. Никаких иных (идеологических, политических, групповых, корпоративных и им подобных) предпочтений журнал оказывать не будет. Во всем прочем он будет следовать обычным в научной периодике правилам.

Мы призываем наших авторов к максимальной смелости и оригинальности, границами для которых могут быть только требования научной этики, здравого смысла и научной добросовестности. Мы очень хотели бы видеть наш журнал местом встречи интеллектуалов, где господствует стремление к новизне, соединенное с уважением к культурным и духовным традициям.

Мы будем рады видеть среди своих авторов научную молодежь. Мы хотели бы, чтобы молодые авторы увидели в публикациях в нашем журнале, прежде всего,

возможность проявить себя как оригинальных исследователей. Мы постараемся помочь им в этом, сколько это будет в наших силах.

Мы хотели бы особо привлечь внимание наших потенциальных авторов к жанру философской критики, к сожалению, почти исчезнувшему в нашей философской литературе. Этот жанр, некогда бывший едва ли не основным в отечественной философии, прежде всего предполагает эксплицитную полемику между представителями различных направлений, идейных течений, методологических и гносеологических концепций. Мы попытаемся вернуть этому жанру его значимость и роль в развитии философской мысли.

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Вольтер был прав. И потому мы призываем наших авторов к стилистической раскованности (не разнужданности!): пишите свои статьи так, чтобы их чтение доставляло радость, хотя бы она и смешивалась с желанием возражать и спорить.

Мы надеемся на успех нового журнала. Пожелаем ему долгой и нескудной жизни.

Первый номер нашего журнала посвящен политической философии. В центре внимания авторов практически всех материалов оказывается блок понятий, связанных с государством в его историческом развитии, с революцией и революционным опытом, наконец, с республикой как особым способом политической организации людей. Теоретические и методологические аспекты осмысления государства стали главной проблемой в статье Далмацио Негро Павона (Кор. Академия соц. и полит. наук, Мадрид), которая перекликается с впервые переведенным на русский язык фрагментом «Понятия государства» итальянского философа и политолога Алессандро Пассерена д'Антрев. Эта же проблематика занимает центральное место и в рецензиях Марии Марей (НИУ ВШЭ) и Григория Юдина (НИУ ВШЭ). Исследования Ричарда Бурка (Ун-т королевы Марии, Лондон), Гульнаны Баязитовой (ТюмГУ, Тюмень) и Андрея Тесли (ТОГУ, Хабаровск), напротив, более ориентированы на историю философской и, шире, общественной мысли как в Европе XVI–XIX веков, так и в России позапрошлого столетия. Эти два взгляда — историко- и теоретико-философский — не только не противоречат, но и дополняют друг друга, позволяя комплексно осмыслить основные проблемы, занимавшие лучшие умы Европы на протяжении столетий и столь актуальные сейчас.

ОТ РЕДАКЦИИ

По технической части редакция приняла довольно редкое в области гуманитарных наук решение: для верстки журнал «Философия» использует $\text{T}_\text{E}\text{X}$. Для генерирования PDF материала мы используем современную инкарнацию $\text{L}_\text{a}\text{T}_\text{E}\text{X}$, а весь библиографический аппарат обрабатываем с помощью `biblatex`.

Помимо того, что такое решение делает наше издательское дело причастным к миру высоких идеалов цифровой типографии, которыми $\text{T}_\text{E}\text{X}$ справедливо гордится, мы пошли на такой шаг и потому, что обработка материала в упомянутых системах усиливает редакторское усердие и ответственность, особенно в плане цитирования. Наше желание — достичь максимальной однообразности и аккуратности библиографических ссылок, их полного соответствия отечественным и иностранным стандартам, а также добиться выполнения всех современных требований международных цифровых академических библиотек и баз данных.

В духе открытого доступа к материалам нашего журнала, для верстки мы используем гарнитуры, доступные под свободными лицензиями: Computer Modern Unicode и шрифты от Greek Font Society.

Редакция надеется, что в техническом и типографском плане журнал «Философия» Школы философии НИУ ВШЭ послужит вдохновением для более широкого использования в гуманитарном мире системы $\text{T}_\text{E}\text{X}$, а также всех других цифровых ресурсов, распространяющихся под свободными лицензиями.

Порядок и Революция:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

STUDIES

ДАЛМАЦИО НЕГРО ПАВОН*

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ГОСУДАРСТВО: ДВА ТИПА МЫШЛЕНИЯ**

Аннотация: Противопоставление правительства и государства традиционно считается одной из основных проблем современной политической философии. Правительство (*Government*) в этой паре трактуется как естественный институт, вырастающий в силу самой природы вещей и потребности человеческих сообществ в управлении. Классическим, по мнению Негро Павона, примером стран, сохранивших Правительство и не развивших у себя государство, являются Великобритания и Соединенные Штаты Америки, где суверенитет исторически сохраняется в первом случае за короной, во втором же — за народом. Государство (*State*), соответственно, предстает искусственным организмом, впервые возникшим в Европе периода поздней Реформации, то есть, в первой половине XVII века. В данной статье автор анализирует правительство и государство как два различных способа мыслить политически. Логика правительства связывается им с римской традицией *civitas*, гражданской общины, в то время, как логика государства — с греческим полисом, таким, как он был описан Аристотелем. Подчеркивается, что правительство придерживается, как правило, естественной религии, то есть, принимает ту, которую исповедуют управляемые ими. Государство, в свою очередь, неизбежно создает свою собственную, политическую религию. В развитой форме высшим божеством в такой религии является непосредственно само государство, как оно было определено Томасом Гоббсом — смертный бог, *deus mortalis*. Обращается внимание на то, что государству, как и Церкви, имманентно присуща революция, являющаяся свойственным ему способом его развития — в отличие от естественного характера правительства, которое развивается, как правило, эволюционно, государство может развиваться только скачками.

Ключевые слова: правительство, государство, революция, политическая теология, Шмитт, Гоббс.

I

1. Типы мышления отражают тот факт, что все исторично¹, поскольку человеческое существо, «животное реальностей», — это историческое

*Негро Павон Далмацио, член Королевской академии социальных и политических наук (Мадрид, Испания), dapera@gmail.com.

**© Негро Павон, Д. © пер. с исп.: Чернина, Л. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Конечно, не в смысле историцизма, антиисторической интеллектуальной теории, которая претендует на предсказание будущего. Об образах мышления см.: Leisegang, 1928; Whitehead, 1944; Negro, 1996. См. также: Negro, 2015b. К. Манхейм также рассуждал о стилях мышления в Mannheim, 1957 (рус. пер.: Манхейм, Вольфсон, Дранов, 2000).

животное. Его мышление есть мышление вещами, его познание реальности, которое зиждется на традиции, исторично², а его концепции представляют собой ментальное отражение характерных черт исторического опыта. Такие характеристики человека, как «религиозное животное», «эстетическое животное», «политическое животное», «социальное животное», «экономическое животное», «техническое животное» и т. п. или их эквиваленты *homo religiosus*, *homo aestheticus*, *homo politicus*, *homo socialis*, *homo oeconomicus*, *homo technicus* и т. п. представляют собой атрибуты животного или человека, которого можно назвать *homo historicus*.

2. На идее Творения основаны исключительно библейские культуры и цивилизации: для остальных — вселенная либо нетварная, либо сотворила сама себя³. Поэтому иудаизм все еще ждет Мессию, а ислам, будучи религией политической, а по Безансону, возможно, даже языческой, продолжает держаться за исторический момент своего основания. Фигура Христа же, по словам Романо Гвардини, наоборот исключительно и сугубо историческая, так что историческое сознание существует только в культуре, определенной христианством, положения которого проникнуты историзмом. «Вторжение священного» с появлением Христа «изменило ход истории» (Ж. Даниелу). Драма искупления, в которой Христос противостоит всему подражательному насилию как последний и всеобщий козел отпущения (Girard, 1972⁴), а история спасения благодаря триединому Богу мыслится как эсхатологический рубеж человечества, — это земные события. Отсюда утверждение Карла Шмитта: «Крест — это форма истории».

Главенствующий закон истории Европы и других христианских стран и народов представляет собой следствие исторического сознания, со времен Французской революции атакуемого этатистским лаицизмом и

² «Единство „реальной“ жизни в соответствии с традицией составляет суть истории как формы реальности, — пишет Субири. — Для истории принципиально важен момент реальности; только в том случае, когда передается образ „реальной“ жизни, мы получаем историю. Животное реальностей функционирует не только на индивидуальном и социальном уровне — оно также и „одновременно“ является историческим животным» (Zubiri, 1986: 1^a v, B, b, 3, p. 299).

³ «Для греков [и других культур и цивилизаций] существуют небо и земля; для христианина небо и земля составляют мир, центр нашей жизни, в отличие от места, где базируется другая жизнь. Поэтому христианская схема вселенной заключается в дуализме не „неба и земли“, но „мира и души“» (Zubiri, 1951; Zubiri, 1940: 161).

⁴ Рус. пер.: Жирар, Дашевский, 2000. О Жираре см.: González, 2016.

мультикультурализмом⁵.

Этот закон, который управляет и всемирной историей, по мнению Ранке, представляет собой *постоянное напряжение, или контраст, между духовной и мирской властью*.

3. Правительство и Государство представляют собой две концептуальные формы Политического — сущности⁶, равной Священному. Институциональные формы Политического описываются в виде терминов и категорий, определяющих право принимать решения и власть отдавать приказы. Так, принимает решения тот, кто обладает *auctoritas*, и повелевает тот, кто обладает *potestas*.

3.1. Политическое скрывается за Государством, — говорил Карл Шмитт, косвенным образом привлекая внимание к путанице между Правительством и Государством, приводящей к множеству ошибок. Чтобы избежать этой путаницы, он обычно добавляет к существительному «Государство» прилагательное «модерное». Это несколько более точно⁷, но Эрнст Форстхофф был излишне оптимистичен, когда писал: «...современная наука покончила с излишне свободным употреблением термина „Государство“, свойственным науке до начала нынешнего столетия. Сегодня уже нельзя говорить о Государстве египтян, ацтеков, греков и римлян, как это часто случалось в исторических сочинениях XIX в., когда Моммзен мог написать, например, „Римское государственное право“» (Forsthoff, 1975). Однако тот же Жюльен Фройнд, возможно, самый выдающийся из учеников Шмитта, по-видимому, не обратил внимания на трудности, которые влечет за собой употребления слова «Государство» для обозначения любой формы Политического.

3.2. Традиция восходит к Макиавелли, которому обычно приписывают изобретение Государства. Боден добавил к нему суверенитет, а Гоббс ввел в науку образ Великого Левиафана, позаимствовав его из книги Иова. На самом деле, *lo Stato* Макиавелли не имеет ничего общего с государством Гоббса, не говоря уже о том, что Макиавелли —

⁵Я рассматриваю мультикультурализм как расплывчатый деструктивный продукт цивилизаций, распространившийся в североамериканских университетах под влиянием социалистического интернационализма, националистического принципа самоопределения наций и расистской идеологии. Президент Обама, связав себя с радикальным лаицизмом, заключившим, в свою очередь, союз с исламом против христианства, использует мультикультурализм, чтобы исключить Соединенные Штаты из христианского мира: «мы не христианская нация».

⁶См. Freund, 2003.

⁷Бертран де Жувенель определил, что модерное государство начинается, по крайней мере, с Французской революции (Jouvenel, 1976).

теперь это начинают признавать — не изобрел и понятия «государственных интересов»⁸. Он всего лишь нотариально засвидетельствовал автономию политики своего времени от религии, морали и права. При этом, поскольку речь шла о политике, он, сам того не понимая, отразил апогей имманентности, который обусловил или скорее предопределил все последующее мышление — рационализм, в том числе политическое мышление, которое превратилось в мышление государственное.

4. Правительство всегда существует как естественный или нормальный институт Политического, и в исторической форме оно, вероятно, было, есть и будет Правительством без Государства. Государство — это исключение. Его никогда не было и сейчас нет в Англии, несмотря на безмерную экспансию Правительства. Еще очевиднее это в случае с Соединенными Штатами. Хотя в этих странах и используется слово «Государство», на самом деле речь идет о *Government*. Не вдаваясь в детали, скажем, что в этих случаях нет разницы, фундаментальной там, где есть Государство, между публичным и частным правом: оба они входят в категорию *common law*. Более того, невозможно отличить и публичную мораль от частной, и в Англии сувереном продолжает быть Корона, а в Северной Америке — народ.

Наоборот, Государство — это институт, или временная либо преходящая форма Политического. Это «великое изобретение», как называет его Гоббс — автор фундаментальной, по сей день, теории государства⁹. Машина — продукт науки Нового времени¹⁰, которая нуждается в машинисте, правительстве с маленькой буквы. Не будучи естественной, она, по словам Шмитта, представляет собой лишь форму Политического, свойственную конкретной исторической эпохе — Новому и Новейшему времени (C. Schmitt, 1998)¹¹.

5. Человеческое действие стремится приспособливаться к институтам, а институты обуславливают мышление. Как Правительство, так и Государство производят каждый свой особенный способ мышления.

⁸В тексте *razón del Estado*, испанский перевод итальянского выражения *raggione dello Stato*, ввод которого в обращение приписывается Джованни Ботеро — прим. ред.

⁹«Государство и Национальное государство — западное изобретение» (Cavanaugh, 2004: 2. О науке см. Arana, 2012; *Falsos saberes. La suplantación del conocimiento en la cultura contemporánea*, 2012.

¹⁰См. C. Schmitt, 2005.

¹¹История слова «государство» развивалась, прежде всего, в Германии, и рассуждения о нем основывались на теории германского государства. См. например: Weber, 1932: 1, 2, pp. 12 ss.. А. Менцель излагает идеи разных мыслителей о государстве в 3-й и 4-й части книги Menzel, 1929.

При Правительстве и Государстве в роли институтов Политического политические действия и соответствующее мышление не совпадают. Достаточно вспомнить о том, что Государство монополизирует политику, а значит, монополизирует или обуславливает также политическую свободу. Поэтому не совпадают образ мысли Правительства и образ мысли Государства, которые представляют собой ответ на разный исторический опыт: *Правительство отвечает на образ действий и мыслей, политически соответствующий Праву, которое вырастает из общественной реальности, а Государство — на навязанный, искусственный образ мысли, который обуславливает действие, а за ним и мышление.* Поэтому политически в условиях Государства можно действовать только в тех рамках, которые поставлены государственным законодательством.

Политические концепции противоречивы, и эти два фундаментальных способа политического мышления противостоят друг другу как политическое мышление, которое можно назвать сообразным природе вещей, и аполитичное государственное мышление, последним крупным теоретиком которого был Кельзен.

6. Майкл Оукшот различал три политических традиции: традицию разума и природы (*Reason and Nature*), традицию воли и изобретения (*Will and Artifice*), традицию разумной воли (*Rational Will*).

6.1. Две первых традиции имеют греческое происхождение. Антропологические основы первой заложил Платон в последнем письме: человек — животное «неплохое, но легко меняющееся», — из-за изменчивых желаний, добавил бы Жирар. Эта традиция преобладала, практически не имея соперников, пока Гоббс не вернул к жизни традицию воли и изобретения, базирующуюся на предпосылке о естественном состоянии как о войне, выйти из которой можно только благодаря договору. С тех пор политическое действие и политическая мысль обычно концентрируются вокруг этих двух традиций, среди которых преобладает традиция воли и изобретения — государственная традиция.

6.2. Отцы Церкви называли естественным состоянием положение, сложившееся после изгнания из рая, — человек в нем грешен, но не дурен. Гоббс, очарованный наукой, вообразил энтропическую модель естественного состояния, когда в Европе шла первая великая гражданская война, начавшаяся по религиозным причинам. Будучи протестантом, он считал само собой разумеющимся, что природа человека испорчена, а сам человек эгоистичен и склонен вредить другим (*homo homini lupus*), а также что людьми руководил страх насильственной смерти и они жили без религии, морали, закона и политики, в борьбе всех против всех

(*bellum omnes omnia*), в которой царило право сильнейшего. Они придумали *pactum societatis* и одновременно, чтобы его закрепить, *pactum subjectionis*, благодаря которым можно было поддерживать мир страхом перед властью Государства и его законами и которыми были учреждены институты Общества и Государства.

6.3. *Auctoritas, non veritas facit legem* («Власть, а не истина устанавливает законы») — это фундаментальный принцип теории государства Гоббса, который превратил принуждение в необходимое свойство Права, превратившегося со временем больше в инструмент принуждения, нежели защиты.

Гоббс истолковывал традицию воли и изобретения как тенденцию, которая радикальным образом изменила ход европейской цивилизации. Страх играл в ней ключевую роль как основа структуры Государства. Если нет Государства, страх не является ни основанием, ни принципом Правительства, хотя крайний деспотизм и тираническое правительство могут существовать — правда, лишь в меру таланта и морали правителей.

7. Государство онтологизировалось в протестантском мире (Оукшот приписывает эту заслугу Гегелю) с момента Французской революции, в которой Нация пришла на смену Монархии¹². Тогда рациональная воля объединилась с волей и изобретением в *volonté générale* Руссо, благодаря чему была заложена новая традиция, приведшая к новым онтологизациям и деонтологизациям. С известными оговорками ее можно свести к знаменитой гегелевской триаде Семья-Общество-Государство.

У Гегеля Семья была онтологически естественной, Государство — онтологически искусственным, а Общество — искусственным концептом, с основанием *in re* (отдельные члены семей в мире труда). Во Франции Сен-Симон и его секретарь и ученик Огюст Конт воспринимали Общество как единственную реальность, а гегельянец Лоренц фон Штайн под влиянием Сен-Симона считал Французскую революцию последней из политических революций и первой из социальных: на смену Политическому должно было прийти Социальное. Исходя из этого, он онтологизировал Общество, в которое включал и семью, и свел гегелевскую триаду к дуализму «Государство – Общество». Маркс, ученик

¹²Речь идет о Государстве-Нации. Следовало бы сказать «Нация-Государство», подобно тому как до революции правильным термином была бы «государственная монархия», поскольку Государство представляло собой всего лишь инструмент королей. См. Cavanaugh, 2004 и другие работы этого автора.

ex lectione Гегеля, Штайна и Сен-Симона, испытавший также влияние англичан Джона Миллара и Адама Фергюсона, а также классических экономистов и Бентама, считал Государство сверхструктурой, аппаратом власти доминирующего класса и, в конце концов, свел гегелевскую триаду вечных форм этичности к экономическому Обществу как единственной реальности. Началось правление *Rational Will*, породившее, с одной стороны, мышление утопическое, а с другой — идеологический способ мышления, окончательно вынудивший традицию *Reason and Nature* к занятию защитной позиции.

Эта традиция сохранилась в *Government* англо-саксонского типа благодаря пуританской революции 1640–1649 гг., подтвержденной революцией 1688 г. и еще, почти век спустя, американской революцией. Традиция *common law* продолжает в этих странах средневековое «всевластие права» (*omnipotentia iuris*) римского происхождения.

II

8. Европа сформировалась в Средние века как наследница Афин, Рима и Иерусалима, вобрав в себя их традиции¹³. В латинской и германской Европе преобладала римская традиция *Civitas*, в которой город как публичное или общее имущество, *res publica*, был собственностью горожан сельского происхождения, а *Urbs*, или Город, — объединением или юридическим лицом¹⁴. Отсюда важность права, которое родилось из социальных отношений, из *социальной реальности* в качестве регулятора отношений. Управление общим имуществом — это республиканский принцип.

8.1. В Средние века различали, *не разделяя*, вечное, или трансцендентное, и временное, или имманентное, — сверхъестественное, как начали говорить с XIII в., и естественное. Политическое было сферой естественного народа, мирян, *laicos* (от греческого *laos*), как мирское, институализированное в Правительствах, основанных на изречении Исидора Севильского, который пользовался огромным влиянием в течение всего Средневековья: *rex eris si recte facias; si non facias, non eris* («Ты будешь королем [*rex*], если будешь поступать правильно [*recte*]; а иначе не будешь»). В королевствах и некоторых городах, в Империи, а также в Папской области власть формально была выборной, республиканской,

¹³См. об этом так же в книге Dawson, 1945.

¹⁴О различии между Грецией и Римом, отмеченном еще Ранке и решающем для европейской политической истории, см. Ors, 1979: III; Vague, 1992.

для нее большую важность имело право сопротивления, невозможное ни юридически, ни фактически в любом Государстве, какая бы форма правления там ни была. Правительства управляли естественным народом как политической общностью, ограниченной территориально, но входящей в *communitas*, то есть духовную общность верных закону Христа, единственного и истинного Правителя мира¹⁵, охватывавшую всю Европу. *Universitas*, или *res publica christiana*, подобно *Civitas Dei in terram* («граду Божьему на земле») возглавляемая Папой и императором, управлялась, как и в Риме, правом (*ius*), которое теперь понимали как основы порядка, установленного Богом. Церковь, хранительница Истины, оберегала право, по словам св. Августина, в соответствии с естественным законом, *in corde conscripta* («отпечатанном в сердце»). Право представляло собой небогооткровенную часть божественного закона, в соответствии с библейской концепцией истины как *эмун* — истины сердца.

8.2. Право, которое предполагало, что *libertas* (свобода) — это эквивалент *natura* (природы), представляло собой атмосферу, пронизывавшую все виды отношений и не ставившую под вопрос политическую свободу как свободу коллективную, хотя ее реализация и была ограничена политическим народом, то есть меньшинством. Поэтому политическая жизнь в узком смысле была не так уж важна. Короли, подчиненные *omnipotentia iuris*, не могли издавать законов. Их суверенитет ограничивался судебными функциями, а исполнительной властью они обладали в весьма ограниченных масштабах, поскольку сила политической власти заключается в казне, а налоги были тогда неизвестны и у королей было не больше средств, чем у их подданных. При *omnipotentia iuris* законодательную власть имели в церковной сфере (каноническое право) только Папа в качестве преемника святого Петра, *vicarium Christi*, и император, но только как *катехон* — защитник христианства перед лицом Антихриста¹⁶. Все конфликты того времени относились к сфере юрисдикции, за исключением ересей, которые имели идеологический характер.

8.3. Церковный способ мышления преобладал без каких-либо противоречий. После того как святой Августин отверг гражданскую, или

¹⁵Это важное понятие обсуждается в книге: Guénon, 2003. Ср. точку зрения православного христианства: Christias, 2014.

¹⁶См. Grossheutsch, 1996. Ср. недавнюю работу, написанную с православной точки зрения: Christias, 2014.

политическую, теологию, считая ее язычеством, окончательно возобладали юридическая теология, и политическое мышление в узком смысле, объединенное с юридическим, практически утратило всякое значение.

Поэтому политическая жизнь стала занятием свободных людей, не связанных иными узами, кроме уз *этоса*, а именно нормами учтивости и, в конечном итоге, естественным правом — порядком, который образовывал общее право. Святой Исидор в «Этимологиях» отмечал, что закон «должен быть возможным, как с точки зрения природы, так и с точки зрения обычаев родины», и судьи искали применимый закон, изучая обычаи с помощью людей, которые составляли собой суд, воплощавший народное представление о правосудии¹⁷. Таким образом, Церкви, хранительнице Истины естественного порядка, учрежденного Божественным творением, в силу ее *auctoritas* отводилась функция *directio* над душами, а Правительству в силу его *potestas* — функция *correctio* тела¹⁸. Эта ситуация стала изменяться по мере того, как получали известность и распространение греческие тексты.

9. И действительно, Государство начало формироваться в эпоху Возрождения под влиянием идеи полиса — греческого города.

9.1. Греки полагали, что полис — это живое существо, индивидуация природы и граждан, то есть горожан, с помощью *φίλις*, уз крови. Поэтому горожане принадлежали полису, в отличие от ситуации в Риме. В политической жизни, то есть в жизни полиса, участвовали те, кто располагал досугом, то есть олигархическое меньшинство, которое управляло им как *κοινωνία*, или этической общностью. Поэтому полисы управлялись *этосом* — приложением универсальной морали к религии, — который регулировал обычаи, а функция правительства состояла в том, чтобы *приспособить* порядок полиса — политический порядок — к естественному порядку как к справедливому или божественному. Поэтому справедливость как моральная добродетель имела для них большее значение, чем право. Осмысляя эти верования, Платон заложил политическую философию как политическое искусство, отрасль медицинского, призванную излечивать болезни, которые поражают полис, когда он не придерживается естественного порядка.

9.2. Швейцарский историк Вернер Неф, который не видел различия между Правительством и Государством, описывал последнее как новую

¹⁷См. Sabine, 1994: XII.

¹⁸Ср. Senellart, 1995. Наоборот, М. Виоли отмечает значение политических концепций: Violi, 1994. Его позицию разделяет Покок: Посонок, 2002. Ср. Horvat, 2016.

историческую сущность, которая «впервые почти за тысячелетие не чувствует себя членом Запада, а живет своей жизнью по собственной воле и в согласии с собственными интересами, а люди, являющиеся его членами, тоже впервые осмеливаются заявлять о своем эгоизме и превращать его в критерий жизни» (Naeff, 2005: II, p. 35). Неф следует за Паулем Иоахимсеном, воспринимавшим Государство как подражание полису, — согласно верованиям предков, вошедшим в моду в эпоху Возрождения, живому существу, в котором природа живет так же, как и древняя φύσις¹⁹. Следовательно, история Государства представляет собой рассказ о восстановлении полиса как живого существа, которое в конце концов привело к онтологизации государственности. Альваро д'Орс говорил, что Государство — это реванш Греции против Рима.

9.3. Совершенно очевидно влияние и других элементов. Среди них особую роль играют нации, которые начали складываться в Средние века в качестве территориальных объединений, выходявших за феодальные границы. Они возникали в ходе процесса, описанного Токвилем и, в определенной степени, Карлом Марксом, когда аристократическое положение — статус европейских народов — в виде исключения из правил истории человечества превратились в демократическое положение — статус общества, — поскольку сформировался средний класс, составляющий самую суть нации.

Пьер Манан больше других современных политических мыслителей настаивает на том, что естественной историко-политической формой Европы является нация, поскольку Государство захватило или узурпировало положение, которое раньше занимали монархии, за исключением Англии и Соединенных Штатов. Это приводит к следующему наблюдению: единственные, кроме нации, историко-политические формы,

¹⁹Хорошим примером служит случай Джордано Бруно, поскольку развенчание мифа благодаря христианству, историческая природа которого неразрывно связана с трансцендентностью, несовместимо с древним верованием, которое предполагает, что божественность, источник жизни, коренится в Природе. Христианство не развенчивает миф о движении: благодаря Творению возникает время, ведь весь тварный мир существует во времени. Но оно отказывается от представления о божественной сущности Природы и жизни, которая из нее рождается. Божественное не имеет истории, потому что оно вечно (*Исх.* 3:4), что не распространяется на Природу, которая, следовательно, тоже исторична — хотя и не так, как «изображает» наука, потому что временной характер Природы настолько велик, что она кажется вечной. Так думали греки, особенно Парменид, а Гераклит относился к этой идее со скепсисом. Современная астрономия утверждает, что вселенная вместе со всем содержимым постоянно расширяется. Избитую историю о Галилее следует толковать, основываясь на этих предпосылках.

известные до настоящего момента по всему миру, суть город, королевство и империя (Manent, 2001: IV). Таковы четыре естественных формы, сформировавшихся в ходе истории, в отличие от государственности, которая искусственна и поэтому антиисторична — что не мешает ей, впрочем, иметь собственную историю.

Фундаментальное значение имеет другая историко-политическая форма, без которой невозможно понять историю европейской культуры и цивилизации. Пожалуй, лучше всего назвать ее Христианством, потому что распространенный термин «Западная цивилизация» вводит в заблуждение. Речь идет о Церкви — институте, который, образно говоря, монополизировал различные формы христианства, имеющего три основных направления: римско-католическое, греко-православное и протестантское, возникшее из первого.

10. В другом месте Манан пишет: «Политическое развитие Европы можно понимать только как историю ответов на вопросы, поставленные Церковью — формой человеческой ассоциации совершенно нового вида, — подчеркивает Манан, — причем каждый ответ, в свою очередь ставит новые, ранее неизвестные проблемы, требующие новых решений. Ключ к европейскому развитию — это *теолого-политическая проблема*» (Manent, 1987: I, pp. 19–20)²⁰. Церковь — основная предшественница Государства. Анархист Прудон говорил, что государство — младший брат Церкви. И действительно, невозможно представить себе Государство без Римской Церкви, облеченной в политическую форму Папства.

10.1. Диалектика между тем, кто обладает *auctoritas*, и тем, кто обладает *potestas*, существует повсеместно. Огюст Конт обозначил ее как «основополагающий вопрос политики». Но попав против собственной воли под влияние государственного мышления, он приписал *auctoritas* ученым, а Ленин, по его примеру, — авангарду пролетариата и т. д.

Папство — это фигура, в которой ярче всего видны контраст и напряжение, существующие между духовной и мирской властью в Европе. Папа обладал политической автономией как мирской владыка церковных земель, и после долгой борьбы за инвеституру папство структурно превратилось в Государство. Оно имело в своем распоряжении то, что, фактически, было налогами — немислимыми в Средние века, так как

²⁰Х. Беллок в 1937 г. писал: «Мой тезис таков: христианская культура и цивилизация, которую многие века обобщенно называли Европой, была основана Католической Церковью, созданной и вдохновленной социальными традициями греко-римского мира и вдохнувшей в этот великий организм новую жизнь» (Belloc, 1945: 8).

они не являлись правовым концептом, — а также армию, бюрократию, право центральной власти, суверенитет, который был уже не средневековым, и многое другое.

Обратимся к замечательной книге Г. Дж. Бермана «Западная традиция права: эпоха формирования» (Berman, 1983)²¹ и другим работам этого автора. Берман отмечает, что Уильям Оккам, которого обвиняют в самых разных вещах, прекрасно понимал, что означало папское протогосударство для Церкви и Империи — двух институтов, которые, по словам Данте, освещали средневековый мир подобно Солнцу и Луне. Оккам, будучи «реакционным» мыслителем, разумеется, совершенно не представлял себе Государства, в отличие от Макиавелли, но он предвидел, что оно может стать злейшим врагом Церкви. На самом деле позднее церковный способ мышления подвергся воздействию государственного способа мышления.

10.2. Другими предшественниками государственности были протогосударство, которое выстроил на Сицилии Фридрих II (1194–1250), централизовав политическую власть и введя налоги, и синьории городов центральной и северной Италии, начиная с XIII в. В этих республиках яснее, чем в Папском государстве, видны были элементы, составляющие государственность (*ibid.*)²². Одной из этих республик была Флоренция — родина Макиавелли.

11. Государство — это продукт истории. В этом смысле оно имеет основание *in re*, как можно заметить на примере конкретного исторического развития, о котором мы не будем говорить здесь по очевидным причинам.

11.1. Государство как осознанная идея — возможно, самая большая из известных инноваций, за исключением разве что Вавилонской башни, которая так и не стала реальностью. Среди прочего оно ставит основополагающий вопрос, подчинится ли человечество технике, то есть техническому способу мышления, или сохранит способность контролировать ее и пользоваться ею, не теряя человечности. На самом деле, важнейшая из существующих проблем — это принцип морфотехнического мышления, который этолог Конрад Лоренц сформулировал следующим образом: «Все, что можно сделать, *должно* быть сделано» (Lorenz, 1985: I, p. 20). Это вопрос религиозный, моральный, политический, юриди-

²¹Рус. пер.: Берман, Никонов, 1998.

²²Эти две формы прекрасно описаны в книге: García-Pelayo, 1968. См. также: García-Pelayo, 1959.

ческий и, не в последнюю очередь, эстетический. Политически он был сформулирован Гоббсом, еще одним реакционным мыслителем, который противостоял миллениаризму пуритан, претендовавших на то, что они способны устроить Царство Божие на земле с помощью политики.

11.2. На самом деле Гоббс ничего не придумал. Как отметил Лео Штраус, он «мыслитель преимущественно антиполитический» (Meier, 1991: Fn. 2²³). Переводчик «Истории» Фукидида, «Истории полисов» и *Machtpolitik* и читатель «Града Божьего» св. Августина, он ограничивался тем, что излагал в научном духе исторические и интеллектуальные элементы, необходимые для возведения Града Человеческого (Manent, 1994) — Государства как состояния мира, окончательного состояния человечества, о котором мечтали утописты и идеологи, такие как Конт или Маркс. Хаксли и Оруэлл увидели его иначе — как конформизм под властью техники, для которой нейтральность составляет саму ее природу²⁴.

11.3. История полна парадоксов, и контрреволюционер Гоббс начал перманентную политическую революцию: революция имманентно присуща Государству, как и Церкви, хотя последняя гораздо более радикальна в этом вопросе. Церковь — «это институт перманентный *par excellence*, и она подразумевает принцип перманентной революции»²⁵. С этого момента две революции происходят параллельно: революция имманентности и революция трансцендентности. Парадоксальным образом Француз-

²³Рус. пер.: Майер, Коринц, 2012.

²⁴См. С. Schmitt, 1983: II, 2, pp. 182 ss.) и другие работы этого автора, вдохновленные теорией Бенжамена Констана о формирующей власти как нейтральной власти.

²⁵Kallscheuer, 1994: 3, S. 51: «Без перманентной революции Государства нет и не могло бы быть». Этот автор находит отражение революционного характера Церкви в рассуждениях св. Августина и рационализме св. Фомы. Если структуры, на которые опирается Государство, демократические, то «демократическое Государство — это то же самое, что перманентная революция» (Koch, 1973: 10, 1, S. 99–100). В книге Коха Государство рассматривается как перманентная революция (политики обновления, о которой говорит Покок). С другой стороны, этот автор вместе с Г. Асмуссеном (Asmussen, 1970:) утверждает, что власть — это «пустой звук» (*Leertitel*), который «наполняется привнесенными условиями», что ставит проблему метафизики власти, которая приводит к ее сакрализации. На самом деле, политической власти присуща сакральность. Об этом говорит и Гуго Краббе: «Власть укрепляет ... укорененная в нашей духовной жизни ... Могущество власти (*Gewalt*) не нуждается для признания во внешнем величии» (Krabbe, 1919: III, VII, B, S. 63). Наивно утверждать, что Политическое, как и власть, само по себе может быть безбожным, поскольку из власти, подразумевающей обязательства, источник повинения, рождается религиозность, которая может быть связана с идеологией, светской религией или политикой. Религиозность Государства, *deus mortalis*, присуща его нейтралитету до такой степени, что напоминает неподвижное божество (*meos*) Аристотеля.

ская революция представляла собой контрреволюцию, направленную против революции трансцендентности. Говоря словами Рене Жирара, она была контрнаступлением полемического мифического *логоса* Гераклита против *логоса* любви св. Иоанна с целью вернуть территорию, утраченную мифом в результате демистификации, которую провело христианство (Girard, 1978: II, IV)²⁶. И если Церковь с этого момента, кажется, застыла на месте, то Государство движется вперед.

11.4. Эрнст Кассирер начал свою знаменитую книгу «Миф о государстве» (Cassirer, 1997) такими словами: «Преобладание мифического мышления над рациональным в некоторых наших современных политических системах бросается в глаза». Государство — великий миф современности, корень или причина других мифов. Сам Гоббс называл его «смертным богом» (*deus mortalis*). Мифотворчество Государства — это мифотворчество техники, с помощью которой миф возрождает способность начинать новый *эон*. Государство, устроенное как технический аппарат, грозит параличом исторической жизни, если оно продолжит нейтрализовать все и вся в соответствии со своей природой. Вера во всемогущество и всеведение смертного бога лежит в основе коллективизма и постоянного разрушения поведенческих традиций.

11.5. Богиня Фортуна капризна, и предсказать будущее невозможно. Мы не можем знать, что бы было, если бы не существовало Государства. Очевидно, что *deus mortalis* привнес в политику революционный дух (Negro, 2014), который сам себя оправдывает и сам себя легитимирует, и что государственная традиция не сравнима с христианской, что она совершенно иная, по сравнению с традициями негосударственных форм мирской власти. Приведенная цитата из Гоббса — *auctoritas non veritas legis habet rationem* — это девиз и знамя Государства. Будучи *deus mortalis*, оно на всем протяжении своей истории мечтало свести на нет разницу между духовной и мирской властью, вобрав *auctoritas* в *potestas*, чтобы превратиться в единственную Власть. Власть, рационализированная законодательством — правом самого Государства, — это *potestas*, не обусловленная *auctoritas*. В этом фундаментальном смысле история Государства началась с протестантизмом.

12. Евангелие от Иоанна начинается такими словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков».

²⁶Рус. пер.: Жирар, 2016.

12.1. Слово, *логос* библейского Бога — это *auctoritas* и *potestas*. В историческом мире это не одно и то же. Церковь сохранила за собой *auctoritas*, став хранительницей Истины Слова, и признала автономию мирской *potestas*. Первым серьезным конфликтом стал спор о двух мечях между папой Геласием и византийским императором в V в.²⁷ Вторым — упомянутая борьба за инвеституру, в ходе которой Церкви удалось добиться отделения духовного от мирского.

12.2. Из лаицизма вышло Возрождение, и протестантизм стал восстанием против него. В результате этого восстания Государство подчинило себе Церковь там, где Реформа утвердилась. В католических странах Церковь сохранила по крайней мере формальную независимость, гарантом которой выступала ее теологическая зависимость от Папы. Тем не менее, по мере укрепления государственной власти, особенно во Франции, церкви начали национализироваться, не порывая связей с Папой. Тот сохранял свою *auctoritas*, но кардинал Беллармин выработал учение о равновесии между двумя властями — Церковью и Государством — как между двумя идеальными обществами, при котором Церковь обладала косвенной *potestas* над государством. Но это — плохое решение проблемы *auctoritas*²⁸. Действительно, в XVIII в. оно привело к уравниванию между Троном и Алтарем, причем Трон занял первое место. Церковь признавала суверенитет полномочием Государства в политических вопросах, а абсолютная монархия признавала полномочия Церкви в исправлении морали и обычаях народа, как и в протестантских странах.

12.3. Боден считал семью и собственность одним из пределов суверенитета. Французская революция объявила Церковь светской ассоциацией, авторитет которой признают только верующие, а Государство стало вмешиваться в семью через гражданский брак, образование, социальное обеспечение и пр., сохранив влияние на Церковь в обществе. Наконец, тоталитарное государство присвоило себе *auctoritas* и *potestas*, вытеснив Церковь, по меньшей мере, из публичного пространства. В настоящий момент существует тенденция к тому, что государственный способ мышления, мышления искусственного, гарантирующего спасение в этом мире, вытесняет церковное мышление, которое лишь содействует спасению в мире грядущем.

²⁷Геласий I (492–496) и Анастасий I (491–518). Святой Павел говорил о двух мечях Церкви — мече молитвы и мече проповеди.

²⁸К. Шмитт говорит: «Не бывает *potestas indirecta*. Церковь обладает *auctoritas*, причем совершенно прямой. Формула *potestas indirecta* — это попытка уйти от настоящей проблемы *auctoritas*, причем попытка неудачная» (C. Schmitt, Ors, 2004: 32, S. 146).

13. Подытожим четырьмя соображениями, которые послужат примером того, к чему приводит различие в способах мышления Правительства и Государства.

13.1. Правительство — это форма личного управления: форма Политического, родившаяся спонтанно благодаря принципу разделения труда, когда правят конкретные люди, которые *устраивают* или придают форму общей жизни. Государство — это форма неличного управления, обезличенная, которая бюрократически *организует* функцию управления и законодательно — жизнь коллектива.

13.2. Государство нуждается в собственной, то есть гражданской или политической, религии — идеологии, которая легитимирует ее *auctoritas* и *potestas*. В самой развитой форме — тоталитарно-технократической — оно абсорбирует все прочие идеологии и биоидеологии вплоть до геноцида. Напротив, религия, которая легитимирует *potestas* Правительства, — это персональная религия правителей, обычно совпадающая с религией, определяющей *этнос* этого народа. А если правители сами по себе не религиозны, им следует вести себя, как если бы они были религиозны, советовал Макиавелли.

13.3. Железный закон олигархии — это трансцендентальный закон политики: *любое правительство олигархично*²⁹. Структуры Государства благоприятствуют установлению перманентной олигархии (в виде бюрократии) и ее трансформации в политическую касту, действующую в интересах олигархии, неразрывно связанной с государственностью. Структуры Правительства не защищают от этого железного закона. Но они более гибкие, так что, например, выбор новых представителей, их деятельность, возраст и смерть упрощают процесс смены олигархий.

13.4. Когда общество находится в демократическом состоянии, Правительство может быть демократическим, если оно безоговорочно признает политическую или коллективную свободу через представительство мажоритарного типа и императивный мандат. Гомогенизирующее и уравнивающее государство, наоборот, в конечном итоге представляет собой тоталитарную технократию Токвиля, построенную на пропорциональных электоральных системах, фальсифицирующих представительство, а также благоприятствующих олигархии и ее увековечиванию как касты.

²⁹См. Negro, 2015a.

ЛИТЕРАТУРА

- Берман Г. Д.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. Н. Р. Никонова. — М. : Изд-во МГУ — НОРМА, 1998.
- Жирав Р.* Насилие и священное / пер. с фр. Г. М. Дашевского. — М. : НЛО, 2000.
- Жирав Р.* Вещи, сокрытые от создания мира / пер. с фр. А. Лукьянова, О. Хмельевской. — М. : Издательство Библейско-Богословского Института св. ап. Андрея, 2016.
- Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического» / пер. с нем. Ю. В. Коринца. — М. : Скимень, 2012.
- Манхейм К.* Эссе о социологии культуры / пер. Л. Ф. Вольфсон, А. В. Дранова. — М., СПб. : Университетская книга, 2000.
- Arana J.* Los sótanos del universo. La determinación social y sus mecanismos ocultos. — Madrid : Biblioteca Nueva, 2012.
- Asmussen H.* Sobre el poder. — Alcoy : Ed. Marfil, 1970.
- Bello H.* La crisis de nuestra civilización. — 3^a ed. — Buenos Aires : Sudamericana, 1945.
- Berman H. J.* Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. — Harvard University Press, 1983.
- Braque R.* La vía romana. — Madrid : Gredos, 1992.
- Cassirer E.* El mito del Estado. — Madrid : Fondo de Cultura Económica, 1997.
- Cavanaugh W. T.* Killing for the Telephone Company: why the Nation-State is not the Keeper of the Common Good // Modern Theology. — 2004. — Apr.
- Christias P.* Platon et Paul au bord de l'abîme. Pour une politique katéchontique. — Paris : Vrin, 2014.
- Dawson C.* Los orígenes de Europa. Introducción a la historia de la sociedad europea. — Madrid : Pegaso, 1945.
- Falsos saberes. La suplantación del conocimiento en la cultura contemporánea / ed. por J. Arana. — Madrid : Biblioteca Nueva, 2012.
- Forsthoff E.* El Estado de la sociedad industrial. — Madrid : Instituto de Estudios Políticos, 1975.
- Freund J.* L'Essence du politique. — Paris : Dalloz, 2003.
- García-Pelayo M.* El Reino de Dios. Arquetipo político. — Madrid : Revista de Occidente, 1959.
- García-Pelayo M.* Del mito y de la razón en la historia del pensamiento político. — Madrid : Revista de Occidente, 1968.
- Girard R.* La violence et le sacré. — Paris : Grasset, 1972.
- Girard R.* Des choses cachées depuis la fondation du monde. — Paris : Grasset, 1978.
- González H. D.* René Girard, maestro cristiano de la sospecha. — Madrid : Fundación Emanuel Mounier, 2016.

- Grossheutschi F.* Carl Schmitt und die Lehre von Katechon. — Berlin : Duncker & Humblot, 1996.
- Guénon R.* El rey del mundo. — Madrid : Paidós Ibérica, 2003.
- Horvat J.* Return to Order. From a Frenziel Economy to an Organic Christian Society. — 4th ed. — York (Pennsylvania) : York Press, 2016.
- Jouvenel B. de.* Les Débuts de l'Etat moderne. Une histoire des idées politiques au XIXe siècle. — Paris : Fayard, 1976.
- Kallscheuer O.* Gottes Wort und Volkes Stimme. Glaube, Macht, Politik. — Frankfurt a. M. : Fischer, 1994.
- Koch N.* Staatsphilosophie und Revolutionstheorie. Zum deutschen und europäischen Selbstbestimmung und Selbsthilfe. — Hamburg : Holstein, 1973.
- Krabbe H.* Die moderne Staatsidee. — Aalen : Scientia Verlag, 1919.
- Leisegang H.* Denkformen. — Berlin : W. de Gruyter, 1928.
- Lorenz K.* Decadencia de lo humano. — Barcelona : Plaza & Janés, 1985.
- Manent P.* Histoire intellectuelle du libéralisme. Dix leçons. — Paris : Calkmann-Lévy, 1987.
- Manent P.* La cité de l'homme. — Paris : Fayard, 1994.
- Manent P.* Cours familiar de philosophie politique. — Paris : Fayard, 2001.
- Mannheim K.* Ensayos sobre sociología de la cultura. — Madrid : Aguilar, 1957.
- Meier H.* Carl Schmitt, Leo Strauss und der Begriff des Politischen. Zu einem Dialog unter Abwesenden. — Stuttgart : Metzler Verlag, 1991.
- Menzel A.* Beiträge zur Geschichte der Staatslehre. — Wien, Leipzig : Hölder. Pichler-Tempsk, 1929.
- Naeff W.* La idea del Estado en la Edad Moderna. — Granada : Comares, 2005.
- Negro D.* Modos del pensamiento político // Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas. — 1996. — N° 75.
- Negro D.* Il dio mortale. Il mito dello Stato tra crisi europea e crisi della politica. — Piombino : Il Foglio, 2014.
- Negro D.* La ley de hierro de la oligarquía. — Madrid : Encuentro, 2015a.
- Negro D.* Sobre el modo histórico de pensar // Ibidem. — 2015b. — N° 92.
- Ors Á. d'.* Sobre el no-estatismo de Roma // Ensayos de teoría política. — Pamplona : Eunsa, 1979.
- Pocock J. G. A.* El momento maquiavélico. El pensamiento político florentino y la tradición republicana atlántica. — Madrid : Tecnos, 2002.
- Sabine G. H.* Historia de la teoría política. — México y Madrid : Fondo de Cultura, 1994.
- Schmitt C.* El defensor de la Constitución. — Madrid : Tecnos, 1983.
- Schmitt C.* El Estado como concepto concreto vinculado a una época histórica // Veintiuno. — 1998. — N° 39.
- Schmitt C., Ors Á. d'.* Briefwechsel / hrsg. von M. Herrero. — Berlin : Duncker & Humblot, 2004.

- Schmitt C. El Estado como mecanismo en Hobbes y en Descartes // Razón Española. — 2005. — N° 131.
- Senellart M. Les arts de gouverner. Du regimen médiéval au concept de gouvernement. — Paris : Seuil, 1995.
- Viroli M. Dalla politica alla ragion di stato. La scienza del governo tra XIII e XVII secolo. — Roma : Donzelli, 1994.
- Weber A. La crisis moderna de la idea de Estado en Europa. — Madrid : Revista de Occidente, 1932.
- Whitehead A. N. Modos de pensamiento. — Buenos Aires, 1944.
- Zubiri X. Sócrates y la sabiduría griega. Vol. 2. — Escorial, 1940.
- Zubiri X. Naturaleza, Historia, Dios. — Madrid : Ed. Nacional, 1951.
- Zubiri X. Sobre el hombre. — Madrid : Sociedad de estudios y publicaciones, 1986.

Negro Pavon, D. [Negro Pavón, D.] 2017. "Pravitel'stvo i gosudarstvo: dva tipa myshleniya" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 1 (1), 13–33.

DALMACIO NEGRO PAVÓN

MEMBER OF THE ROYAL ACADEMY OF THE SOCIAL AND POLITICAL SCIENCE (MADRID, SPAIN)

THE GOVERNMENT AND THE STATE: TWO WAYS OF THINKING

Abstract: The opposition between the State and the Government is traditionally considered as one of the principal problems of the Modern Political Philosophy. The Government in this pair usually means the natural Institution that grows from the nature self of the human society, which requires an administration. The classical example of such nations which have a Government instead of the State, according to the author, is the United States and Great Britain. In the first case, the real Sovereign is the People, in the second — the Crown. In compliance with it, the State is the artificial organism, which appeared for the first time in Europe in the middle of XVII century. The author analyses the Government and the State as two diverse modes of thinking the Political things. He deduces the Government's logic from the Roman civitas, while the State's logic, according to him, is the heir of the Greek polis, as Aristotle described it. The author emphasizes that the Government usually practices the natural religion, whereas the State creates its own, political one. In its higher form a such religion has only one superior god, and this is the State itself (Thomas Hobbes defined the State as a "mortal god").

Keywords: State, Government, Church, Revolution, Schmitt, Hobbes, Political Theology.

REFERENCES

- Arana, J., ed. 2012a. *Falsos saberes. La suplantación del conocimiento en la cultura contemporánea* [in Spanish]. Madrid: Biblioteca Nueva.
- . 2012b. *Los sótanos del universo. La determinación social y sus mecanismos ocultos* [in Spanish]. Madrid: Biblioteca Nueva.
- Asmussen, H. 1970. *Sobre el poder* [in Spanish]. Alcoy: Ed. Marfil.

- Belloc, H. 1945. *La crisis de nuestra civilización* [in Spanish]. 3rd ed. Buenos Aires: Sudamericana.
- Berman, H. J. 1983. *Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. Harvard University Press.
- Brague, R. 1992. *La vía romana* [in Spanish]. Madrid: Gredos.
- Cassirer, E. 1997. *El mito del Estado* [in Spanish]. Madrid: Fondo de Cultura Económica.
- Cavanaugh, W. T. 2004. "Killing for the Telephone Company: why the Nation-State is not the Keeper of the Common Good." *Modern Theology* (April).
- Christias, P. 2014. *Platon et Paul au bord de l'abîme. Pour une politique katéchontique* [in French]. Paris: Vrin.
- Dawson, Ch. 1945. *Los orígenes de Europa. Introducción a la historia de la sociedad europea* [in Spanish]. Madrid: Pegaso.
- Forsthoﬀ, E. 1975. *El Estado de la sociedad industrial* [in Spanish]. Madrid: Instituto de Estudios Políticos.
- Freund, J. 2003. *L'Essence du politique* [in French]. Paris: Dalloz.
- García-Pelayo, M. 1959. *El Reino de Dios. Arquetipo político* [in Spanish]. Madrid: Revista de Occidente.
- . 1968. *Del mito y de la razón en la historia del pensamiento político* [in Spanish]. Madrid: Revista de Occidente.
- Girard, R. 1972. *La violence et le sacré* [in French]. Paris: Grasset.
- . 1978. *Des choses cachées depuis la fondation du monde* [in French]. Paris: Grasset.
- González, H. D. 2016. *René Girard, maestro cristiano de la sospecha* [in Spanish]. Madrid: Fundación Emanuel Mounier.
- Grossheutschi, F. 1996. *Carl Schmitt und die Lehre von Katechon* [in German]. Berlin: Duncker & Humblot.
- Guénon, R. 2003. *El rey del mundo* [in Spanish]. Madrid: Paidós Ibérica.
- Horvat, J. 2016. *Return to Order. From a Frenzied Economy to an Organic Christian Society*. 4th ed. York (Pennsylvania): York Press.
- Jouvenel, B. de. 1976. *Les Débuts de l'Etat moderne. Une histoire des idées politiques au XIXe siècle* [in French]. Paris: Fayard.
- Kallscheuer, O. 1994. *Gottes Wort und Volkes Stimme. Glaube, Macht, Politik* [in German]. Frankfurt a. M.: Fischer.
- Koch, N. 1973. *Staatsphilosophie und Revolutionstheorie. Zum deutschen und europäischen Selbstbestimmung und Selbsthilfe* [in German]. Hamburg: Holstein.
- Krabbe, H. 1919. *Die moderne Staatsidee* [in German]. Aalen: Scientia Verlag.
- Leisegang, H. 1928. *Denkformen* [in German]. Berlin: W. de Gruyter.
- Lorenz, K. 1985. *Decadencia de lo humano* [in Spanish]. Barcelona: Plaza & Janés.
- Manent, P. 1987. *Histoire intellectuelle du libéralisme. Dix leçons* [in French]. Paris: Calmann-Lévy.
- . 1994. *La cité de l'homme* [in French]. Paris: Fayard.
- . 2001. *Cours familier de philosophie politique* [in French]. Paris: Fayard.
- Mannheim, K. 1957. *Ensayos sobre sociología de la cultura* [in Spanish]. Madrid: Aguilar.
- Meier, H. 1991. *Carl Schmitt, Leo Strauss und der Begriff des Politischen. Zu einem Dialog unter Abwesenden* [in German]. Stuttgart: Metzler Verlag.
- Menzel, A. 1929. *Beiträge zur Geschichte der Staatslehre* [in German]. Wien and Leipzig: Hölder. Pichler-Tempsk.
- Naeff, W. 2005. *La idea del Estado en la Edad Moderna* [in Spanish]. Granada: Comares.
- Negro, D. 1996. "Modos del pensamiento político" [in Spanish]. *Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas*, no. 75.

- . 2014. *Il dio mortale. Il mito dello Stato tra crisi europea e crisi della politica* [in Italian]. Piombino: Il Foglio.
- . 2015a. *La ley de hierro de la oligarquía* [in Spanish]. Madrid: Encuentro.
- . 2015b. “Sobre el modo histórico de pensar” [in Spanish]. *Ibidem*, no. 92.
- Ors, Á. d'. 1979. “Sobre el no-estatismo de Roma” [in Spanish]. In *Ensayos de teoría política*. Pamplona: Eunsa.
- Pocock, J. G. A. 2002. *El momento maquiavélico. El pensamiento político florentino y la tradición republicana atlántica* [in Spanish]. Madrid: Tecnos.
- Sabine, G. H. 1994. *Historia de la teoría política* [in Spanish]. México and Madrid: Fondo de Cultura.
- Schmitt, C. 1983. *El defensor de la Constitución* [in Spanish]. Madrid: Tecnos.
- . 1998. “El Estado como concepto concreto vinculado a una época histórica” [in Spanish]. *Veintiuno*, no. 39.
- Schmitt, C., and Á. d'Ors. 2004. *Briefwechsel* [in German]. Ed. by M. Herrero. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt, S. 2005. “El Estado como mecanismo en Hobbes y en Descartes” [in Spanish]. *Razón Española*, no. 131.
- Senellart, M. 1995. *Les arts de gouverner. Du regimen médiéval au concept de gouvernement* [in French]. Paris: Seuil.
- Viroli, M. 1994. *Dalla politica alla ragion di stato. La scienza del governo tra XIII e XVII secolo* [in Italian]. Roma: Donzelli.
- Weber, A. 1932. *La crisis moderna de la idea de Estado en Europa* [in Spanish]. Madrid: Revista de Occidente.
- Whitehead, A. N. 1944. *Modos de pensamiento* [in Spanish]. Buenos Aires.
- Zubiri, X. 1940. *Sócrates y la sabiduría griega* [in Spanish]. Vol. 2. Escorial.
- . 1951. *Naturaleza, Historia, Dios* [in Spanish]. Madrid: Ed. Nacional.
- . 1986. *Sobre el hombre* [in Spanish]. Madrid: Sociedad de estudios y publicaciones.

РИЧАРД БУРК*

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ**

Аннотация: Подавляющая часть англо-саксонской и европейской историографии утверждает, что мир радикально изменился в результате Великой французской революции. В соответствии с этой традицией, современная эпоха отличается от предшествующего ей «старого порядка». В этой статье ставится под вопрос данная историографическая концепция и, как следствие, эпохальное значение событий 1789 года. Революция, несомненно, была весьма значимым событием в европейской истории, повлиявшим на все, происходившее в последующие несколько десятилетий. Но несмотря на очевидность этих изменений, все же, можно заметить и ряд явлений продолжающегося характера, избежавших влияния революции. Более того, мир до Революции нельзя оценивать как равномерный, единый «старый порядок». Само понятие «старого порядка» идет от Алексиса де Токвиля, но даже внимательное рассмотрение его работы показывает, что для самого Токвиля это понятие было гораздо более сложным и нюансированным, чем принято считать. Все это приводит к необходимости переосмысления нашей исторической ориентации. Значительная часть «старого порядка» до сих пор с нами, и потому Революцию следует рассматривать как драматическое событие, повлекшее за собой значительные перемены, но отнюдь не как начало новой эпохи.

Ключевые слова: Революция, «старый порядок», Токвиль, Руссо, Французская революция.

Наша интерпретация прошлого во многом определяет понимание настоящего. И наоборот — реакция на условия, поставленные окружающим миром, определяется нашими представлениями о его исторических предпосылках. Короче говоря, чтобы прийти к пониманию нынешнего состояния общества и политики, нам необходимо вооружиться знанием истории.

Проблема возникает уже на этом этапе. Историки редко обосновывают свои теории на базе непосредственного доступа к прошлому. Обычно они стараются полагаться на более широкое видение истории. Историческое знание не сводится к простому сбору сведений. Собрав факты, можно составить хронику, но для написания истории этого явно недостаточно. Чаще всего фактические данные в историческом изложении организованы в структуру категорий и предположений. Начать с того, что исторический тезис зависит от имплицитной теории причинно-следственной

*Бурк Ричард, профессор, Ун-т королевы Марии, Лондон, r.bourke@qmul.ac.uk.

** © Бурк, Р. © пер. с англ.: Чернина, Л. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

связи: она определяет то, как мы будем объяснять исторические перемены. Следовательно, она ставит нас перед необходимостью разделять историю на периоды — для идентификации общей ситуации до и после крупнейших исторических переворотов.

По этой причине периодизация всегда представляла собой ключевой и недооцененный элемент в исторической реконструкции¹. Настоящая статья посвящена одному конкретному периоду в Европейской истории — раннему Новому времени, которое обычно называют «Старым порядком». Следует с самого начала отметить, что этот оборот неоспорен: «Старый порядок» — не самый удачный перевод французского выражения *ancien régime*. Имея это в виду, не стоит забывать, что словосочетание *vieux régime* имело хождение и в конце XVIII столетия для обозначения положения вещей, царившего до Революции (Goubert, 1973: chart. 1²). Следовательно, для кого-то *ancien régime* — это характеристика ситуации, существовавшей до 1789 г., как устаревшей и неактуальной, а для кого-то — просто обозначение общества до водораздела.

В любом случае, мне нужно сразу же подчеркнуть, что меня интересует не Франция, или, по крайней мере, не только Франция. Моя тема — это перенос французского примера на широкую европейскую сцену. В случае с Францией трудно уйти от необходимости сравнения ситуаций до и после Революции, пусть даже разделение двух периодов может являться предметом серьезной полемики. Но еще менее очевидно, каким образом концепцию *ancien régime* можно распространить так, чтобы она отражала состояние Европы, скажем, до 1800 г.

Несмотря на возможные сомнения относительно допустимости интерпретации самых разных событий на континенте в свете конкретной национальной истории, в европейской историографии раннего Нового времени доминирует представление о «Старом порядке». К. Б. А. Бехренс в исследовании 1967 г. *The Ancien Régime* отразила общую тенденцию: «Сегодня часто считается, — писала она, — что Старый порядок был феноменом общеевропейским, а не только французским» (Behrens, 1967: 9). За два года до этого, в 1965 г., несколько менее уверенно о том же самом говорил оксфордский историк Дэвид Огг. Он писал: «...этот термин применялся и к другим странам, где старый порядок вещей постепенно вытеснялся» (Ogg, 1965: 13).

¹О спорах на эту тему см.: Gerhard, 1956; Green, 1992.

²См. также Doyle, 2001; Doyle, 2014.

Эти соображения, высказанные в шестидесятые годы, возникли на базе всеобщего консенсуса. Признаком этого консенсуса послужил выход в 1957 г. седьмого тома из четырнадцатитомной серии *The New Cambridge Modern History*, под ред. Дж. О. Линдсея, который так и назывался — *The Old Regime* (Lindsay, 1957). Я обращаю внимание на этот факт, потому что подзаголовок книги Линдсея резко противоречит направлению, заданному другим коллективным сборником, который начал выходить более чем полувеком ранее — в 1902 г. Это был первый многотомник *Cambridge Modern History*, который планировал католик и сторонник Гладстона, королевский профессор истории Кембриджского университета лорд Актон.

Шестой том «Кембриджской истории Нового времени» Актона, который соответствовал седьмому тому «Новой Кембриджской истории Нового времени» Линдсея (называвшемуся, как было отмечено, «Старый порядок»), имел еще более безликое заглавие: «Восемнадцатый век» (*The Cambridge Modern History*). Такое разительное несходство обозначение указывало на основополагающую разницу в концепциях. «Кембриджская история Нового времени» Актона была посвящена непрерывности исторического процесса, а «Новая история» стремилась указать на существенный хронологический разрыв.

Предисловие к первому тому актоновской «Истории» написал историк рубежа веков епископ Манделль Крейтон, который изучал папство эпохи Ренессанса и не скрывал, что воспринимает историю Нового времени как неразрывное целое. Более того, «Новое время», если верить первой «Кембриджской истории», началось в 1450 г., когда так называемый средневековый мир якобы начал исчезать. Начиная с эпохи Ренессанса, европейская история, по мнению авторов сборника, вступила в эру, которая продолжается по сей день. Именно тогда, по словам Крейтона, «проблемы, которые занимают нас до сих пор», впервые появились на сцене (Creighton, 1902: 1). После этого европейскую историю обуславливали два процесса: возникновение национального государства с одной стороны и рост индивидуализма с другой. Крейтон считал, что оба процесса улучшили мир. На самом деле, он пошел еще дальше: он утверждал, что практикующие историки должны считать аксиомой движение истории к прогрессу (*ibid.*: 4).

Со времен Второй мировой войны историки по большей части перестали разделять уверенность Актона в том, что Новое время началось около 1450 г. Сейчас принято считать, что эту эру следует отсчитывать от 1789 г. или от некоей «подготовки» к этому событию, поскольку

Революция оказала решающее влияние на всю Европу. Но несмотря на это, современные ученые принимают базовую предпосылку Манделля Крейтона, согласно которой Новое время — это век прогресса, и послевоенная историография описывает Старый порядок как нечто, принципиально отличающееся от нашего мира. В обоих случаях подразумевается, что обстоятельства улучшились; что современность, как бы мы ее ни датировали, представляет собой прыжок к счастью. Для нас в данном случае важно следующее: с 1945 г. многие историки пришли к мнению, что Старый порядок остался в прошлом. Молчаливая уверенность в том, что мы — дети прогресса, в определенном смысле объясняет распространенность выражения *ancien régime*: если сейчас мы живем в век свободы, демократии и равенства, тогда оставшееся позади — это, очевидно, Старый порядок.

О популярности обозначения «Старый порядок» свидетельствуют учебники и монографии, особенно начиная с семидесятых годов. Описание правительства и общества 1648–1789 гг., составленное Э. Н. Уильямсом, носит название *The Ancien Régime in Europe* (Williams, 1970). Французский историк Жан Мейер в 1973 г. писал о европейской знати *dans l'Europe d'Ancien Régime* (Meyer, 1973). Том Уильяма Дойла в многотомнике *Short Oxford Series of the Modern World*, посвященный 1660–1800 гг., назывался *The old European Order* (Doyle, 1992). И даже в явно ревизионистском труде Дж. Ч. Д. Кларка *English Society 1688–1832* открыто говорилось, что речь идет об анализе «Старого порядка» (Clark, 2000). Многотомную *Settecento Riformatore* Франко Вентури перевели в 1989 г. на английский язык под названием *The End of the Old Regime* (Venturi, 1989–1991).

Было бы неверно предполагать, что каждый раз словосочетание «Старый порядок» представляло собой синоним регресса, обозначая эру, которая, к счастью, осталась позади. Тем не менее, все работы, посвященные этому периоду, связывают так называемый *ancien régime* в Европе с консерватизмом, традиционализмом, иерархией и привилегиями. Американский историк Лео Гершой писал, что окончание этой эры знаменует переход от «деспотизма» к «революции» (Gershoy, 1944). Его соотечественник Иссер Волох указывал, что оно отмечено борьбой между «традицией» и «прогрессом» (Woloch, 1982). По мнению Джереми Блэка, «доминирующим этосом» в Европе XVIII в. был «патриархальный, иерархический, консервативный, религиозный и знаменовавшийся властью мужчин» (Black, 1999: 102).

Большинство историков уверены, что упадок Старого порядка был

вызван новыми идеями. Пол Хазард видел причину прекращения консенсуса *grand siècle* в религиозном скептицизме и научном рационализме (Hazard, 1953). Райнхарт Козеллек считал, что философский критицизм постепенно сформировал условия для начала кризиса (Koselleck, 1973). Франко Вентури был уверен, что устоявшиеся ценности и институты были сломлены европейским реформаторским движением (Venturi, 1971). А Джонатан Израэл полагает, что политический авторитет и религиозные суеверия были сведены на нет благотворными идеалами (Israel, 2014).

Эти исследователи написали целый ряд аналитических работ самого разного уровня. Но общая картина создает впечатление, что Просвещение послужило современному миру акушеркой. Везде описывается манихейская история о том, как философия набрасывается на Старый порядок, открывая век революций. В самых популярных изложениях этот нарратив сводится к тому, как ускорился прогресс в переходную эпоху, которую называют порой веком критицизма, началом секуляризма, концом привилегий и веком разума. Во всех случаях переход рассматривается так или иначе как некий мостик от Старого порядка к новому порядку вещей.

Подобно большинству исторических эпох, «Старый порядок» — позднее обозначение; оно было придумано для описания этой эры постфактум. Ретроспективное наименование периодов может быть очень точным, а может вызывать тяжелые споры. «Средневековье» изобрели в XVII столетии (Cellarius, 1676)³. В XVIII–XIX вв. этот термин наполнился негативными коннотациями, особенно у последователей Сен-Симона и у Маркса, который считал историю Средневековья по антигуманности равной «зоологии» (Brunner, 1968; Gerhard, 1960; Marx, Jolin, O'Malley, 1970: 82⁴). Сегодня этот термин широко используется в преподавании, хотя специалисты продолжают обсуждать его границы, а иногда даже оспаривают само его существование. «Ренессанс» — во многом дитя XIX столетия, когда стали утверждать, что современный мир начался в XIV в. По крайней мере, так думал Якоб Буркхардт; неоспоримым этот факт не назовешь (Burckhardt, 1990⁵).

Периодизация имеет идеологические основания, и это неизбежно. В начале своей «Истории» Фукидид отделил эпоху кочевников, когда

³В целом об этом см.: Вигт, 1914–1915: 813–815; Gordon, 1925.

⁴Маркс, 1955: 313.

⁵Буркхардт, Балашов, Маханьков, 1996.

переселения и миграции были в порядке вещей, от последующей эры расселения и колонизации (Thucydides, 1919: ii, 1 ff.⁶). Саллюстий выделял в римском прошлом эпоху доблести, за которой последовала эра разложения (Sallust, Rolfe, 1921: 3 ff.⁷). Августин более широко противопоставлял эпоху римской развращенности эпохе христианской набожности (Augustine, Dyson, 2005: 71–80⁸). Позднее историки отделили древнюю историю от новой и со временем стали дробить историю любимыми способами: поздняя Античность, Средние века, долгое Средневековье, эпоха барокко, индустриальный век, эпоха крайностей (Brown, 1987; Le Goff, 2005⁹; Friedrich, 1952; Landes, 1969; Hobsbawm, 1994¹⁰). Я не хочу сказать, что мы должны распрощаться со всеми этими категориями, но нам следует применять их с определенной долей критицизма. Неверное употребление приводит не только к искажению картины прошлого; оно способно и извратить наше представление о настоящем.

Сомнения о пользе концепции Старого порядка возбуждает разнообразие временных рамок, к которым она применяется. В уже упомянутых текстах, посвященных этой эпохе, дата ее окончания варьируется от 1789 до 1800 и даже 1815 г. А Арно Майер вообще продлил Старый порядок вплоть до Первой мировой войны (Mayer, 2000). Разнообразие начальных дат бросается в глаза еще сильнее. Исходную точку помещают от 1648 до 1660 г. В одном случае ее отнесли к 1748 г. Чаще всего считается, что Старый порядок следует отсчитывать примерно с 1500 г. — отсюда лорд Актон начинал «Новую» историю. Но иногда его истоки возводят примерно к 800 г., когда арабское завоевание Южного Средиземноморья ознаменовало крушение античного мира, и инициатива в европейской истории перешла к германским племенам, обитавшим на севере.

Последняя точка зрения наиболее полно представлена немецким историком-эмигрантом Дитрихом Герхардом, который бежал от преследований нацистов в 1935 г. и получил известность в качестве компаративиста сначала в Вашингтоне (штат Миссури), а затем в Геттингене. Для Герхарда то, что он называл «кристаллизацией» Старого порядка, началось в конце первого тысячелетия с расселением германских племен, превращением личного военного патронажа в упорядоченную

⁶Фукидид, Стратановский, 1981: 5–6.

⁷Саллюстий, Горенштейн, 1981: 5–6.

⁸Августин, Еремеев, 1998: 73–81.

⁹Ле Гофф, Попова, 2007.

¹⁰Хобсбаум, Нарышкина, Никольская, 2004.

вассальную систему и возникновением настоящих феодальных отношений (Gerhard, 1981). В этом прочтении Старая Европа характеризуется в терминах укрепления социальных связей, выразившегося в идее «корпоративного порядка» сословий.

Интересно, влияние каких ученых испытывал на себе Герхард. Среди них был Отто Хинтце, уроженец Померании и великий исследователь прусской администрации¹¹. Столь же ключевую роль сыграл Отто Бруннер, бывший национал-социалист из Австрии, который переосмыслил представление о феоде в средневековой Южной Германии¹². Не менее важны в этом контексте Эмиль Лусс и Франсуа Оливье-Мартен — франко-бельгийские соавторы, исследовавшие возрождение корпоративных идеалов правления в межвоенный период (Lousse, 1943; Olivier-Martin, 1948). Но над всеми ними возвышается Алексис де Токвиль, главный вдохновитель идей Герхарда и всей теории характера *ancien régime*.

Учитывая важность Токвиля для нашей сегодняшней темы, я обращаюсь к основополагающим замечаниям, которые содержатся в его классическом исследовании *L'Ancien Régime et la Révolution*.

В четвертой главе первой книги «Старого порядка и революции» Токвиль рассматривает вопрос о единообразии социально-политических институтов, существовавших в Европе до Французской революции. Эти общие черты можно было обнаружить, по словам Токвиля, «в Европе почти повсеместно» (Tocqueville, Kahan, 1998: 102¹³). Но это «паразитическое сходство» не возникло в результате заимствований (Tocqueville, Kahan, 1998: 102). Наоборот, аналогичные институты и правовые положения появились в условиях взаимной изоляции, воцарившейся после краха Римской империи.

Токвиль полагал, что варварские племена, пришедшие на смену структуре античной цивилизации, разделили Европу на «множество мелких, разнородных и враждебных обществ» (Tocqueville, Kahan, 1998: 102¹⁴). Но с наступлением Средних веков наблюдается паразитическое сходство. Городские хартии, корпорации, положение крестьянства, организация поместья, характер фьефа были почти идентичны повсюду, «от границ

¹¹См. Gerhard, 1970.

¹²См. Gerhard, 1958: 363–364. Также следует обратить внимание на книгу Brunner, 1939, претерпевшую целый ряд изменений и дополнений.

¹³Токвиль, Фёдорова, 1997: 20.

¹⁴Токвиль, Фёдорова, 1997: 19.

Польши до Ирландского моря» (Tocqueville, Kahan, 1998: 103¹⁵). Эта общность, очевидно, объясняется общими условиями жизни, которые наблюдались в Англии, Германии и Франции. На этом основании то, что Токвиль называл «старым европейским порядком», просуществовало вплоть до конца раннего Нового времени (Tocqueville, Kahan, 1998: 103). Но в ходе XVIII столетия он претерпевал кризис и был уничтожен Французской революцией.

Множество элементов, которые современная историография находит в европейском Старом порядке, можно возвести к тексту Токвиля. Это важно для понимания авторитета Токвиля среди ученых XX в. Следует, впрочем, задаться вопросом о том, не повлиял ли на видение Токвиля выбранный им угол зрения. Токвиль полагал, что все строение рухнуло в 1789 г. Но разве те, кто сам жил при Старом порядке, считали, что социально-политическое устройство изменилось?

По-видимому, нет.

В дневниковой записи от 15 мая 1787 г., сделанной в начале путешествия по Франции, Артур Юнг отметил «внезапную и всеобщую перемену», которая поражала любого наблюдателя, прибывшего в Кале из Англии: «Сцена, люди, язык, все предметы — все новое», — писал он (Young, 1792: 3). Юнг имел в виду не только географические изменения: другой пейзаж частично объяснялся наличием множества мелких земельных наделов — так не похожих на ситуацию к востоку от Эльбы — и другими сельскохозяйственными практиками. Последние, в свою очередь, были плодом иной политической экономии. А это различие, по мнению Юнга, объяснялось событиями последних 130 лет, когда Британская и Французская империи основывались на противоборствующих системах управления.

Огромное различие между Британией и Францией к тому времени, как Юнг впервые пустился в путешествие, было уже распространенным мотивом. Вольтера в «Письмах об английской нации», опубликованных в 1733 г., поразили своеобразные принципы и институты, существовавшие в Британии: разнообразие религиозных сект, баланс между партиями, относительная легкость для процветания таланта (Voltaire, Cronk, 1994: Letters I–IX¹⁶). Через пятнадцать лет Монтескье, невзирая на принципиальные разногласия с Вольтером, еще раз привлек внимание к уникальности Британии. У каждого государства есть своя

¹⁵Токвиль, Фёдорова, 1997: 20.

¹⁶Вольтер, Шейнман-Топштейн, 2011: 437–584.

«особенная» цель, писал Монтескье в «Духе законов» (Montesquieu, Cohler, 1989: 156¹⁷). Особым призванием британцев, по его мнению, была цель политической свободы — цель, которая отличала британские институты от французских и от институтов всех прочих европейских стран, ограничивавшихся идеалами гражданской свободы (Montesquieu, Cohler, 1989: 156¹⁸).

Действительно, на уникальность Британии часто обращали внимание в странах Европы в XVII и XVIII вв. С современной историографической перспективы может показаться, что она была ярким исключением, только доказывавшим общее правило о схожести всех стран Европы. Однако мы видим, что законоведы, дипломаты, историки и путешественники, которые в тот период сравнивали разные страны, видели определенные различия.

Сэр Уильям Темпл, который стал послом в Нидерландах в 1668 г., перед этим побывав и поработав в Ирландии, Франции, Германии и Брюсселе, полагал, что управление и торговля в Соединенных Провинциях представляют собой скорее исключение, чем правило. Уникальность голландской политики, утверждал он, объясняется множеством муниципальных центров в Нидерландах. Плотность населения удорожает удобства, подстегивая промышленность и изобретательность. Все это придало Нидерландам особый характер, выразившийся не только в международной торговле, но и во внутреннем устройстве (Temple, 1673: 190–191).

Через сто лет после появления «Заметок о Соединенных Провинциях» Темпла английский историк и церковный деятель Уильям Кокс опубликовал сообщение о народах Северной Европы, которые тоже отличались скорее пестротой, чем единообразием. Например, Польша выделяется «уникальной системой правления» (Coxe, 1785: 81). Дания тоже прошла «беспримерный» путь, всего за год превратившись из аристократического государства в абсолютную монархию (ibid.: 335 ff.).

Больше всего, конечно, бросалась в глаза уникальность Польши. Даже Руссо рассуждал о том, почему это государство «устроено столь странным образом» (Rousseau, Kendall, 1985: 2¹⁹). Правда, его современники нередко то же самое говорили о России. Вольтер писал, что до Петра Великого Россия не была частью цивилизованной Европы

¹⁷Монтескье, Матешук, 1999: 137.

¹⁸Монтескье, Матешук, 1999: 138.

¹⁹Руссо, Занин, 2013: 498.

(Voltaire, 1777²⁰). По мнению Дидро, системы правления в Англии, Франции и России можно расположить в нисходящем порядке, причем разница от ступени к ступени каждый раз будет огромной (Diderot, 1992²¹). Джеймс Мэдисон, писавший сразу после Американской революции и рассматривавший происходящее по ту сторону Атлантики с точки зрения Нового света, полагал, что существует тенденция применять к европейским государствам упрощенные классификации, — он имел в виду Голландскую республику, Английскую республику, Венецианскую республику и Польско-Литовскую республику. Но реальность, которая скрывается за кажущимся единообразием, представляет собой целый каталог расхождений и различий. Эти примеры, писал он, «почти так же не похожи друг на друга», как все они — на то, что он называл «истинной республикой» (Hamilton, Jay, Madison, 2001: 194).

Множество рассуждений приходили к тому же самому выводу. Начало этой тенденции положил юрист и историк Самуэль фон Пуфендорф, который занимался преподаванием и наукой в Копенгагене, Гейдельберге, Лунде и Стокгольме. Будучи придворным историографом шведского короля, он составил сборник статей о европейских государствах, который был опубликован в 1682 г. под заголовком «Введение в историю основных государств Европы». Его картина поражает многообразием. Польский монарх является «верховным регентом» свободного содружества; для Соединенных Провинций характерна «нерегулярность»; английская конституция «примечательна»; отвращение испанцев к торговле и деловым отношениям уникально; французская знать практически сошла на нет (Pufendorf, 2013: 399, 306, 186, 81, 267). Но совершенно ни с чем не сравнимой представлялась Пуфендорфу Священная Римская империя, которую Токвиль считал абсолютно типичной. Впоследствии Пуфендорф называл ее совершенно «невероятной», даже «чудовищной» (Pufendorf, 2007: 159, 173).

Более века спустя Гегель в разгар французских революционных движений пришел почти к такому же выводу: развитие Германии отличалось от развития всех прочих стран континента, превратив ее (при всем уважении к Токвилю) в диковинку среди других европейских государств (Hegel, Dickey, Nisbet, 1999²²).

²⁰Вольтер, 2012.

²¹Дидро, Люблинский, 1947.

²²Гегель, Левина, 1978.

Нетрудно бросить взгляд на Европу XVI–XVIII вв. и заметить то, что видели современники: не столько набор форм правления с одинаковой культурой и основаниями, сколько огромное разнообразие видов социальной и политической жизни: рабство в одной части большой Европы и свободное крестьянство, обрабатывающее землю, в другой; выборная монархия там и наследственная монархия тут; патрицианский бизнес в Голландской республике и презрение знати к торговле в Испании; расхождения в церковных учреждениях и секты, повсеместно выступающие против национальной Церкви; упадок власти местной аристократии во Франции и незыблемость авторитета юнкерства в прусских провинциях; гордая своей непобедимостью Англия и недавно завоеванная территория Ирландии; автократический режим в России и преимущественно дворянское правление в Швеции; увеличение численности знати путем продажи титулов во Франции и увеличение численности знати через государственную службу в Британии.

В каждом случае первоначальная феодальная знать практически исчезла, оставив за собой сложную систему стратификации, в которой в разных комбинациях сочетались честь, рождение и состояние. Когда весной 1789 г. в Версале собрались Генеральные Штаты, депутаты разделились по сословиям, которые практически не отражали разнообразие привилегий, и конфликты внутри каждого сословия были существенно важнее, чем любые различия, зафиксированные законом.

Именно масштаб и широта расхождений приближают общество XVIII в., общество так называемого *ancien régime*, к нашему миру по крайней мере настолько же, насколько и к теоретическому идеалу сословного общества. Как бы эффективен ни был этот идеал в копировании реальности в XIV в., четыреста лет спустя он совершенно утратил привлекательность.

В 1739 г., когда Дэвид Юм взялся анализировать основные различия, существовавшие в окружающем мире, с целью понять, каким образом стратификация уживается с гармонией, он сосредоточился на иерархиях богатства и власти, которые прекрасно узнаваемы и сегодня²³.

Жан-Жак Руссо, представляя теоретическую модель развития общества в 1755 г., также указывал, что различия в накоплении богатств все больше становятся основным признаком неравенства по мере движения

²³См. главу «О нашем уважении к богатым и могущественным [лицам]» в Hume, Norton, 2008: 231 ff. (Юм, Церетели, 1996: 404–412.).

истории от первобытной простоты к веку коммерции (Rousseau, Masters, Kelly, 1992: 63²⁴).

Другой пример: когда на заре Французской революции Эммануэль-Жозеф Сийес решил обрисовать проявления несправедливости, свойственные его эпохе, он представил картину общества, несправедливо делящегося на класс рабочих и класс рантье, не обязанных трудиться (Sieyès, 2003: 94-95²⁵).

Так что большинство наблюдателей-современников отмечали в своем мире основные разногласия, по крайней мере, сопоставимые с нашими. Говоря это, я ни на секунду не предполагаю, что нет ничего нового под солнцем, — просто отличия нашей эпохи от предшествующих не так решительны, как часто кажется.

Это приводит меня к двум выводам: во-первых, представление о том, что современный мир освободился от «эры привилегий», существовавшей в раннее Новое время, препятствует четкому видению как прошлого, так и настоящего; во-вторых, наша задача как историков состоит в том, чтобы не упускать очевидное разнообразие проявлений Старого порядка, а также моральную дистанцию между нами и тем миром, который мы якобы потеряли (Laslett, 1992).

Теперь я перехожу к ключевому вопросу: почему же сочетание столь разнородных черт, свойственных разным обществам так называемого *ancien régime* и столь очевидных современникам, показалось Алексису де Токвилю таким однообразным? Ответ простой: оно вовсе не казалось ему таковым. До настоящего момента я оперировал стандартным отношением к Токвилю как к основателю четкой концепции Европы в эпоху *ancien régime*. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что в его собственном представлении ничего такого не было.

Когда выше в этой статье я называл Токвиля единственным в XIX в. поборником идеи европейского Старого порядка, я делал это, как и его последователи, исходя из единственной главы книги «Старый порядок и революция», посвященной средневековым истокам европейского общества. Но этот очерк отношений, обусловленных требованиями земельного владения и фьефа, необходимо дополнить параллельными рассуждениями Токвиля о динамическом развитии истории Нового времени. Это развитие, убежден Токвиль, показывает сложный процесс, в ходе которого общество, построенное на сеньориальных обязательствах

²⁴Руссо, Хаютин, 1969: 92.

²⁵Сийес, Певзнер, 2003.

и корпоративных привилегиях, оказалось под давлением разнообразных противодействующих сил, что привело к радикальной модификации социально-политических отношений, сформировавшихся, скажем, в XII в.

Всем известно, что ключевой противодействующей силой, которую обозначил Токвиль в «Старом порядке и революции», было неуклонное «усиление могущества и прав государственной власти» (Tocqueville, Kahan, 1998: 105²⁶). На практике это означало исчезновение манориальной юстиции, снижение политической роли знати в управлении приходом и упадок авторитета аристократии среди провинциальной администрации.

Выигрывал от всего этого королевский аппарат власти, сосредоточенный в руках *conseil du roi* и воплощенный в фигуре генерального контролера. Токвиль приводит слова одного из бывших генеральных контролеров, блестящего шотландского политэконома Джона Ло, обращенные к маркизу д'Ажансону: «Французское королевство управляется тридцатью интендантами» (Tocqueville, Kahan, 1998: 118²⁷). По мнению Токвиля, эта фраза отражала следующий факт: упадок общинной жизни в деревнях и прекращение участия ремесленников в управлении городами. Таким образом, вопреки сложившемуся мнению, знаменитой ночью 4 августа 1789 г. революция упразднила не «феодализм», а систему остаточных обязательств и налогов, сохранившихся в эпоху крестьянской собственности и централизованного управления.

Многое в «Старом порядке и революции» Токвиля почерпнуто у Эдмунда Берка, так называемого консерватора, взявшегося поучать якобы либералов (насколько эти термины применимы в этом контексте — а они, разумеется, неприменимы)²⁸. Но тут, похоже, все совпало. Когда Берк в «Размышлениях о революции во Франции» жаловался, что «слава Европы угасла навсегда», он имел в виду общий крах, который так и не наступил (Burke, 2001: 238²⁹).

Соответственно, многому из того, что зародилось в эпоху, которую мы привыкли называть Старым порядком, суждена была долгая славная жизнь: верховенство закона, имеющее глубокие корни в европейской истории, все еще с нами; парламентаризм, институт *ancien régime*, никуда не делся; конституционализм родился раньше 1789 г., как и разделение

²⁶Токвиль, Фёдорова, 1997: 23.

²⁷Токвиль, Фёдорова, 1997: 35.

²⁸См. Bourke, 2015: 926, 16.

²⁹Берк, Гельфанд, 1993.

властей или независимый суд. Семья, законы наследования, кредитные учреждения, контрактные обязательства и права собственности остались при нас; конечно, не в первоначальной форме — но их история восходит к той эпохе. Как возражал Токвиль Берку, революция была не концом цивилизации, а ее увековечиванием другим способом.

С кончиной Старого порядка Берк оплакивал не ожидаемый упадок власти баронов, не конец мелких сеньориальных поборов, не смерть провинциального деспотизма или золоченого блеска абсолютной монархии — то есть не все то, по чему он сокрушался вслух. Наоборот, для него «слава» Европы зиждилась на двух фундаментальных принципах: с одной стороны, на моральном равенстве, с другой — на частной собственности. Токвиль, конечно, не возражал. Напротив, он беспокоился, что ни собственность, ни умеренное равенство не переживут упадка смешанного правительства во Франции, — упадка, который в 1850-е гг., когда работал Токвиль, еще не был преодолен.

Хорошо известно, что многие существенные элементы исторического видения Токвиля восходят к Гизо (Craiutu, 1999; Furet, 1994; Kelly, 1992). Сам же Гизо многим обязан философам и историкам XVIII в.: Вольтеру, Адаму Смиту, Уильяму Робертсону, Адаму Фергюсону и Джону Миллару (Роскок, 1999; Verga, 2012: 353–360). Именно в этой среде впервые была высказана идея об общеевропейском опыте. Но эти авторы имели в виду, что общеевропейская история сформировалась сразу после падения Римской империи. Речь шла, во-первых, о расселении готских племен по всему континенту, затем о переходе от аллодиального держания к феодальному, и, наконец, о формировании военной аристократии, возглавляемой зависимыми монархами. За этими явлениями последовал рост городов, вторичное открытие римского права и распространение независимой судебной администрации.

Важнее всего, что, по мнению каждого из этих историографов эпохи Просвещения, за общностью, очевидной в XIV столетии, последовало существенное расхождение, заметное начиная с XVI в. Иными словами, настоящие прародители представления о «Старом порядке» не видели Старого порядка в тот период, к которому это выражение обычно относится. Кроме того, ни на каком этапе не было конфликта между «старым» и «новым», между чистыми принципами прогресса и регресса. Наоборот, эти мыслители полагали, что исторические компоненты сочетаются и оказывают влияние друг на друга. Таким образом складывалась, формируя картину постоянного компромисса и изменений и представление о «прогрессивных» силах. Нечеткий характер этих сил

объясняется тем, что их развитие было обусловлено теми же процессами, которым они противостояли.

Эти соображения приводят меня к следующему выводу. Настоящая статья посвящена использованию истории в понимании унаследованного нами мира. Одна из ключевых мыслей состоит в том, что понимания социально-политических процессов легче всего достичь путем исторического исследования. Это было совершенно очевидно Юму и Гегелю, а также Марксу и Веберу. Но не менее очевидно, что готовые исторические структуры, объясняющие перемены и ключевые исторические периоды, могут исказить картину прошлого и тем самым помешать точному восприятию того, к чему мы пришли — и, следовательно, к чему мы идем дальше.

Историческое исследование справедливо считается доказательным процессом. Но мы знаем, что доказательства часто подбираются просто для подтверждения первоначальной гипотезы, которая неверно отражает реальные события. Поэтому историкам приходится не только отсеивать, собирать и компилировать, но и теоретизировать и выдвигать догадки. Для начала необходимо поставить под сомнение привычные нарративы, которые используются для объяснения хода истории. Чаще всего говорится о прогрессивном движении от суеверия к знанию, от привилегий к свободе, от иерархии к равенству, от традиционных форм легитимации к рациональным, от власти силы к власти согласия, от Старого порядка к современности.

Если усомниться в этих нарративах, первой, скорее всего, исчезнет сама идея единого прогресса. Очень немногие историки всерьез говорят, что история развивается вперед, но большинство из них подразумевает это — и мыслит именно в этих категориях. Любой профессиональный историк решительно противостоит греху написания «виговской» интерпретации истории³⁰. Но виги давно исчезли, и поэтому не так уж очевидно, с чем именно они борются.

Более актуальный противник, действительно существенная на сегодняшний день историческая телеология, — это представление о том, что конечным итогом процессов, которые мы одобряем, стала либеральная демократия. Чаще всего говорят, что начало этому процессу было положено в век революции, который покончил с феноменом *ancien régime*³¹. Я же пытаюсь отстаивать более критический и менее самоуверенный

³⁰ Речь идет, разумеется, о книге: Butterfield, 1965.

³¹ Характерный пример такого отношения содержится в книге: Palmer, 1959–1965.

подход, который признает, что мы представляем собой в большей степени продукт прошлого, а не исправление его ошибок. История — это не дурной сон, который мы пытаемся стряхнуть с себя, а то пространство, в котором мы существуем.

Источники

- Августин*. Творения. В 4 т. Т. 3. О Граде Божием. I–XIII / пер. с лат., под ред. С. Еремеева. — СПб., Киев : Алетейя, УЦИММ-Пресс, 1998.
- Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пер. с англ. Е. Гельфанд. — М. : Рудомино, 1993.
- Вольтер*. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» / пер. с фр. С. Шейнман-Топштейн. — М. : АСТ, 2011.
- Вольтер*. История Российской империи в царствование Петра Великого / под ред. М. Т. Каченовского ; пер. с фр. С. А. Смирнова. — СПб. : Ленинград, 2012.
- Гегель Г. В. Ф.* Конституция Германии / пер. с нем. М. Левиной // Политические произведения. — М. : Наука. — С. 65–183.
- Дидро Д.* Замечания на наказ ее императорского величества депутатам Комиссии по составлению законов / пер. с фр. П. Люблинского // Собрание сочинений. Т. 10. — М. : Гослитиздат, 1947. — С. 418–511.
- Маркс К.* Сочинения. Т. 1. К критике гегелевской философии права. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1955. — С. 219–368.
- Монтескье Ш. де.* О духе законов / пер. с фр. А. Матешук. — М. : Мысль, 1999.
- Руссо Ж.-Ж.* О происхождении и основаниях неравенства между людьми / пер. с фр. А. Хаютина // Трактаты. — М. : Наука, 1969. — С. 31–108.
- Руссо Ж.-Ж.* Рассуждения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. // Политические сочинения / пер. с фр. С. Занина. — СПб. : Росток, 2013.
- Саллюстий, Гай Крисп.* О заговоре Катилины // Сочинения / пер. с лат. В. Горенштейна. — М. : Наука, 1981.
- Сийес Э.-Ж.* Что такое третье сословие? : пер. с фр. // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту / под ред. М. Б. Певзнер. — СПб. : Алетейя, 2003. — С. 149–150.
- Токвиль А. де.* Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Фёдоровой. — М. : Моск. философский фонд, 1997.
- Фукидид.* История / пер. с греч. Д. Стратановского [и др.] — Л. : Наука, 1981.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С. Церетели // Сочинения. В 2 т. Т. 1. — 2-е изд. — М. : Мысль, 1996. — С. 53–655.

- Augustine*. The City of God against the Pagans / ed. by R. W. Dyson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
- Burke E.* Reflections on the Revolution in France / ed. by J. C. D. Clark. — Stanford, CA : Stanford University Press, 2001.
- Cellarius C.* Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae. — Jena, 1676.
- Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark : in 2 vols. — London, 1785.
- Diderot*. Observations sur le Nakaz // Political Writings / ed. by J. H. Mason, R. Wokler. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
- Hegel G. W. F.* The German Constitution // Political Writings / ed. by L. Dickey, H. B. Nisbet. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
- Hume D.* A Treatise of Human Nature / ed. by D. F. Norton. — Oxford : Oxford University Press, 2008.
- Marx K.* Critique of Hegel's "Philosophy of Right" / ed. by J. O'Malley ; trans. by A. Jolin, J. O'Malley. — Cambridge : Cambridge University Press, 1970.
- Montesquieu*. The Spirit of the Laws / ed. by A. Cohler et al. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
- Pufendorf S.* The Present State of Germany / ed. by M. J. Seidler. — Indianapolis : Liberty Fund, 2007.
- Pufendorf S.* An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe / ed. by M. J. Seidler. — Indianapolis : Liberty Fund, 2013.
- Rousseau J.-J.* The Government of Poland / trans. from the French by W. Kendall. — Indianapolis : Hackett, 1985.
- Rousseau J.-J.* Discourse on the Origins of Inequality / ed. by R. D. Masters, C. Kelly. — Hanover, London : University Press of New England, 1992.
- Sallust*. The War with Catiline / trans. by J. C. Rolfe. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1921.
- Sieyès E. J.* What is the Third Estate? // Political Writings / ed. by M. Sonenscher. — Indianapolis : Hackett Publishing, 2003.
- Temple W.* Observations on the United Provinces of the Netherlands. — London, 1673.
- Thucydides*. History of the Peloponnesian War. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1919.
- Tocqueville A. de*. The Old Regime and the Revolution / trans. by A. S. Kahan. — Chicago, London : Chicago University Press, 1998.
- Voltaire*. The History of the Russian Empire under Peter the Great : in 2 vols. — Aberdeen, 1777.
- Voltaire*. Letters concerning the English Nation / ed. by N. Cronk. — Oxford : Oxford University Press, 1994.
- Young A.* Travels in France during the Years 1787, 1788 and 1789. — Bury St. Edmunds, 1792.

ЛИТЕРАТУРА

- Буржхардт Я.* Культура Возрождения в Италии / пер. с итал. Н. Н. Балашова, И. И. Маханькова. — М. : Юрист, 1996.
- Ле Гофф Ж.* Рождение Европы / пер. с фр. А. Поповой. — М. : Александрия, 2007.
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / пер. с англ. Е. Нарышкиной, А. Никольской. — М. : Изд-во Независимая газета, 2004.
- Behrens C. B. A.* The Ancien Regime. — London : Thames and Hudson, 1967.
- Black J.* Eighteenth-Century Europe. — 2nd ed. — Basingstoke : Macmillan, 1999.
- Bourke R.* Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke. — Princeton : Princeton University Press, 2015.
- Brown P.* Late Antiquity. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1987.
- Brunner O.* Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südwestdeutschlands im Mittelalter. — Baden-bei-Wien : Rohrer, 1939.
- Brunner O.* Feudalism: The History of a Concept // Lordship and Community in Medieval Europe: Selected Readings / ed. by F. L. Cheyette. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1968.
- Burckhardt J.* The Civilization of Renaissance Italy. — London : Penguin, 1990.
- Burr G. L.* How the Middle Ages Got Their Name // The American Historical Review. — 1914–1915. — Vol. 20. — Pp. 813–815.
- Butterfield H.* The Whig Interpretation of History. — New York : Norton, 1965.
- Clark J. C. D.* English Society 1660–1832: Religion, Ideology and Politics during the Ancien Regime. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
- Craiutu A.* Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. — 1999. — Vol. 20, no. 3. — Pp. 456–493.
- Creighton M.* Introductory Note // The Cambridge Modern History. In 14 vols. Vol. 1. The Renaissance / ed. by A. W. Ward et al. — Cambridge : Cambridge University Press, 1902.
- Doyle W.* The Old European Order, 1660–1800. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 1992.
- Doyle W.* The Ancien Regime. — 2nd ed. — Basingstoke : Palgrave, 2001.
- Friedrich C. J.* The Age of the Baroque, 1610–1660. — New York : Harper, 1952.
- Furet F.* French Historians and the Reconstruction of the Republican Tradition, 1800–1848 // The Invention of the Modern Republic / ed. by B. Fontana. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
- Gerhard D.* Periodization in European History // The American Historical Review. — 1956. — Vol. 61, no. 4. — Pp. 900–913.
- Gerhard D.* Otto Brunner. Neue Wege der Sozialgeschichte: Vorträge und Aufsätze // The Journal of Modern History. — 1958. — Vol. 30, no. 4. — Pp. 363–364.

- Gerhard D.* Guizot, Augustin Thierry und die Rolle des Tiers État in der französischen Geschichte // Historische Zeitschrift. — 1960. — Bd. 190, Nr. 2. — S. 290–310.
- Gerhard D.* Otto Hintze: His Work and His Significance in Historiography // Central European History. — 1970. — Vol. 3, no. 1/2. — Pp. 17–48.
- Gerhard D.* Old Europe: A Study of Continuity, 1000–1800. — New York : Academic Press, 1981.
- Gershoy L.* From Despotism to Revolution, 1763–1789. — New York : Harper & Bros., 1944.
- Gordon G. S.* Medium Aevum and the Middle Ages. — London : Society for Pure English, 1925.
- Goubert P.* The Ancien Régime: French Society, 1600–1750 / trans. by S. Cox. — London : Phoenix, 1973.
- Green W. A.* Periodization in European and World History // Journal of World History. — 1992. — Vol. 3, no. 1. — Pp. 13–53.
- Hamilton A., Jay J., Madison J.* The Federalist / ed. by G. W. Gideon, J. McClellan. — Indianapolis : Liberty Fund, 2001.
- Hazard P.* The European Mind, 1680–1715. — London : Hollis and Carter, 1953.
- Hobsbaum E.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. — London : Michael Joseph, 1994.
- Israel J.* Revolutionary Ideas: An Intellectual History of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2014.
- Kelly G. A.* The Humane Comedy: Constant, Tocqueville and French Liberalism. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
- Koselleck R.* Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. — 2. Aufl. — Frankfurt : Suhrkamp, 1973.
- Landes D. S.* The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development // Western Europe from 1750 to the Present. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
- Laslett P.* The World We Have Lost — Further Explored. — London : Routledge, 1992.
- Le Goff J.* The Birth of Europe. — Oxford : Blackwell, 2005.
- Lousse É.* La société d'ancien régime: organisation et représentation corporatives. — Louvain : Éditions Universitas, 1943.
- Mayer A.* The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War. — 2nd ed. — London : Verso, 2000.
- Meyer J.* Noblesses et pouvoirs: dans l'Europe d'Ancien Régime. — Paris : Hachette, 1973.
- Ogg D.* Europe of the Ancien Régime, 1715–1783. — London : Collins, 1965.
- Olivier-Martin F.* Histoire du droit français des origines à la révolution. — Paris : Domat-Montchrestien, 1948.

- Palmer R. R.* The Age of Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800 : in 2 vols. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1959–1965.
- Pocock J. G. A.* Enlightenment and Counter-Enlightenment, Revolution and Counter-Revolution: A Eurosceptical Enquiry // History of Political Thought. — 1999. — Vol. 20, no. 1. — Pp. 125–139.
- The Cambridge Modern History : in 14 vols. / ed. by A. W. Ward et al. — Cambridge : Cambridge University Press, 1902–1912.
- The New Cambridge Modern History. Vol. VII. The Old Regime, 1713–63 / ed. by J. O. Lindsay. — Cambridge : Cambridge University Press, 1957.
- The Oxford Handbook of the Old Régime / ed. by W. Doyle. — Oxford : Oxford University Press, 2014.
- Venturi F.* Utopia and Reform in the Enlightenment. — Cambridge : Cambridge University Press, 1971.
- Venturi F.* The End of the Old Regime in Europe, 1768–1789 : in 3 vols. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1989–1991.
- Verga M.* European Civilization and the “Emulation of the Nations”: Histories of Europe from the Enlightenment to Guizot // History of European Ideas. — 2012. — Vol. 34, no. 4. — Pp. 353–360.
- Williams E. N.* The Ancien Régime in Europe: Government and Society in the Major States, 1648–1789. — London : Bodley Head, 1970.
- Woloch I.* Eighteenth-Century Europe: Tradition and Progress, 1715–1789. — New York : Norton, 1982.

Burk, R. [Bourke, R.] 2017. “Staryy poryadok i Revolyutsiya [The Old Regime and the Revolution]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 34–56.

RICHARD BOURKE

PROFESSOR, QUEEN MARY UNIVERSITY OF LONDON

THE OLD REGIME AND THE REVOLUTION

Abstract: Anglophone and European History standardly views the world as having been radically transformed with the advent of the French Revolution. The tendency is to distinguish a modern epoch from a preceding “old regime”. This article takes issue with this historiographical vision, and thus the epochal significance of 1789 as well. The Revolution was certainly a major event in European history, impacting on events for decades to come. Yet underneath the evident changes that the Revolution brought we can detect essential continuities. Moreover, the world preceding the Revolution cannot be uniformly described as a single “old regime”, combining a specific political structure with one particular form of society. The notion of ancien régime Europe derives substantially from Alexis de Tocqueville. However, closer inspection of his work clearly shows that Tocqueville’s account was altogether more complex and nuanced. All this amounts to suggesting that we need to re-think how

we orientate ourselves historically. Much of the so-called old regime is still with us, and the Revolution, instead of being seen as a watershed, should be regarded as a dramatic event that contributed powerfully to change — but not as an event which succeeded in defining a new age.

Keywords: Ancien Régime, Revolution, Alexis de Tocqueville, Rousseau, French Revolution.

REFERENCES

- Augustine. 2005. *The City of God against the Pagans*. Ed. by R. W. Dyson. Cambridge: Cambridge University Press.
- Behrens, C. B. A. 1967. *The Ancien Régime*. London: Thames and Hudson.
- Black, J. 1999. *Eighteenth-Century Europe*. 2nd ed. Basingstoke: Macmillan.
- Bourke, R. 2015. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*. Princeton: Princeton University Press.
- Brown, P. 1987. *Late Antiquity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Brunner, O. 1939. *Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südwestdeutschlands im Mittelalter* [in German]. Baden-bei-Wien: Rohrer.
- . 1968. "Feudalism: The History of a Concept." In *Lordship and Community in Medieval Europe: Selected Readings*, ed. by F. L. Cheyette. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Burckhardt, J. 1990. *The Civilization of Renaissance Italy*. London: Penguin.
- Burke, E. 2001. *Reflections on the Revolution in France*. Ed. by J. C. D. Clark. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Burr, G. L. 1914–1915. "How the Middle Ages Got Their Name." *The American Historical Review* 20:813–815.
- Butterfield, H. 1965. *The Whig Interpretation of History*. New York: Norton.
- Cellarius, S. 1676. *Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae*. Jena.
- Clark, J. C. D. 2000. *English Society 1660–1832: Religion, Ideology and Politics during the Ancien Régime*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coxe, W. 1785. *Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark*. 2 vols. London.
- Craiutu, A. 1999. "Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Sollard, Rémusat)." *History of Political Thought* 20 (3): 456–493.
- Creighton, M. "Introductory Note." In *The Renaissance*, vol. 1 of *The Cambridge Modern History*, ed. by Ward, A. W. et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Diderot. 1992. "Observations sur le Nakaz." In *Political Writings*, ed. by J. H. Mason and R. Wokler. Cambridge: Cambridge University Press.
- Doyle, W. 1992. *The Old European Order, 1660–1800*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- . 2001. *The Ancien Régime*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave.
- , ed. 2014. *The Oxford Handbook of the Old Régime*. Oxford: Oxford University Press.
- Friedrich, C. J. 1952. *The Age of the Baroque, 1610–1660*. New York: Harper.
- Furet, F. 1994. "French Historians and the Reconstruction of the Republican Tradition, 1800–1848." In *The Invention of the Modern Republic*, ed. by B. Fontana. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gerhard, D. 1956. "Periodization in European History." *The American Historical Review* 61 (4): 900–913.
- . 1958. "Otto Brunner. Neue Wege der Sozialgeschichte: Vorträge und Aufsätze." *The Journal of Modern History* 30 (4): 363–364.
- . 1960. "Guizot, Augustin Thierry and die Rolle des Tiers État in der französischen Geschichte" [in German]. *Historische Zeitschrift* 190 (2): 290–310.

- . 1970. "Otto Hintze: His Work and His Significance in Historiography." *Central European History* 3 (1–2): 17–48.
- . 1981. *Old Europe: A Study of Continuity, 1000–1800*. New York: Academic Press.
- Gershoy, L. 1944. *From Despotism to Revolution, 1763–1789*. New York: Harper & Bros.
- Gordon, G. S. 1925. *Medium Aevum and the Middle Ages*. London: Society for Pure English.
- Goubert, P. 1973. *The Ancien Régime: French Society, 1600–1750*. Trans. by S. Cox. London: Phoenix.
- Green, W. A. 1992. "Periodization in European and World History." *Journal of World History* 3 (1): 13–53.
- Hamilton, A., J. Jay, and J. Madison. 2001. *The Federalist*. Ed. by G. W. Gideon and J. McClellan. Indianapolis: Liberty Fund.
- Hazard, P. 1953. *The European Mind, 1680–1715*. London: Hollis and Carter.
- Hegel, G. W. F. 1999. "The German Constitution." In *Political Writings*, ed. by L. Dickey and H. B. Nisbet. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobsbawm, E. 1994. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. London: Michael Joseph.
- Hume, D. 2008. *A Treatise of Human Nature*. Ed. by D. F. Norton. Oxford: Oxford University Press.
- Israel, J. 2014. *Revolutionary Ideas: An Intellectual History of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kelly, G. A. 1992. *The Humane Comedy: Constant, Tocqueville and French Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Koselleck, R. 1973. *Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt* [in German]. 2nd ed. Frankfurt: Suhrkamp.
- Landes, D. S. 1969. "The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development." In *Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Laslett, P. 1992. *The World We Have Lost — Further Explored*. London: Routledge.
- Le Goff, J. 2005. *The Birth of Europe*. Oxford: Blackwell.
- Lindsay, J. O., ed. 1957. *The Old Regime, 1713–63*. Vol. VII of *The New Cambridge Modern History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lousse, É. 1943. *La société d'ancien régime: organisation et représentation corporatives* [in French]. Louvain: Éditions Universitas.
- Marx, K. 1970. *Critique of Hegel's "Philosophy of Right"*. Ed. by J. O'Malley. Trans. by A. Jolin and J. O'Malley. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mayer, A. 2000. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. 2nd ed. London: Verso.
- Meyer, J. 1973. *Noblesses et pouvoirs: dans l'Europe d'Ancien Régime* [in French]. Paris: Hachette.
- Montesquieu. 1989. *The Spirit of the Laws*. Ed. by Cohler, A. et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ogg, D. 1965. *Europe of the Ancien Régime, 1715–1789*. London: Collins.
- Olivier-Martin, F. 1948. *Histoire du droit français des origines à la révolution* [in French]. Paris: Domat-Montchrestien.
- Palmer, R. R. 1959. *The Age of Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800*. 2 vols. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pocock, J. G. A. 1999. "Enlightenment and Counter-Enlightenment, Revolution and Counter-Revolution: A Eurosceptical Enquiry." *History of Political Thought* 20 (1): 125–139.

- Pufendorf, S. 2007. *The Present State of Germany*. Ed. by M. J. Seidler. Indianapolis: Liberty Fund.
- . 2013. *An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe*. Ed. by M. J. Seidler. Indianapolis: Liberty Fund.
- Rousseau, J.-J. 1985. *The Government of Poland*. Trans. from the French by W. Kendall. Indianapolis: Hackett.
- . 1992. *Discourse on the Origins of Inequality*. Ed. by R. D. Masters and Ch. Kelly. Hanover and London: University Press of New England.
- Sallust. 1921. *The War with Catiline*. Trans. by J. C. Rolfe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Sieyès, E. J. 2003. "What is the Third Estate?." In *Political Writings*, ed. by M. Sonenscher. Indianapolis: Hackett Publishing.
- Temple, W. 1673. *Observations on the United Provinces of the Netherlands*. London.
- Thucydides. 1919. *History of the Peloponnesian War*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Tocqueville, A. de. 1998. *The Old Regime and the Revolution*. Trans. by A. S. Kahan. Chicago and London: Chicago University Press.
- Venturi, F. 1971. *Utopia and Reform in the Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1989. *The End of the Old Regime in Europe, 1768–1789*. 3 vols. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Verga, M. 2012. "European Civilization and the 'Emulation of the Nations': Histories of Europe from the Enlightenment to Guizot." *History of European Ideas* 34 (4): 353–360.
- Voltaire. 1777. *The History of the Russian Empire under Peter the Great*. 2 vols. Aberdeen.
- . 1994. *Letters concerning the English Nation*. Ed. by N. Cronk. Oxford: Oxford University Press.
- Ward, A. W. et al., ed. 1902. *The Cambridge Modern History*. 14 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Williams, E. N. 1970. *The Ancien Régime in Europe: Government and Society in the Major States, 1648–1789*. London: Bodley Head.
- Woloch, I. 1982. *Eighteenth-Century Europe: Tradition and Progress, 1715–1789*. New York: Norton.
- Young, A. 1792. *Travels in France during the Years 1787, 1788 and 1789*. Bury St. Edmunds.

ГУЛЬНАРА БАЯЗИТОВА*

О ПОНЯТИИ «RÉPUBLIQUE» У ФРАНСУА ОТМАНА И ЖАНА БОДЕНА**

Аннотация: Понятие *la République* фигурирует в политическом дискурсе XVI века, зачастую вызывая у исследователей трудности, поскольку, с одной стороны, выступает самостоятельным термином со своей сложной этимологией, а с другой — часто соседствует с уже привычным сегодня термином *Etat*. Два автора, чья полемика в итоге сформировала представление о модерном государстве во Франции, представляют интерес в связи с эволюцией этого понятия. Это Франсуа Отман и Жан Боден. Идея Бодена о *la République* как о «правильном управлении многочисленными домохозяйствами и тем, что у них есть общего» несет в себе и идею общности, и идею общего блага. Здесь Боден опирается как на аристотелианскую, так и на цецероновскую традиции. Отман, говоря о правлении, отмечает связь французской *la République* с идеями древних философов. Появляется одна из главных характеристик нововременного государства и его главное отличие от того, что было раньше: суверенитет. Отман определяет как важнейшее условие *la République* волю народа, который в его теории становится субъектом политического действия; он также останавливается специально на понятии *la souveraineté*. У Бодена же народ остается субъектом в сфере частного и объектом в сфере публичного.

Ключевые слова: Republica, République, Отман, Боден, общее благо, государство.

«Дефиниция — не что иное, как суть сюжета, который представляется и если она не будет хорошо обоснована, все то, что будет строиться на оной разрушится вскоре после этого» (Vodin, 1579: 1).

Эволюция и трансформация идеи республики с эпохи Античности до эпохи Нового времени является объектом пристального внимания со стороны исследователей. Коллоквиумы и дискуссии, которые проходят в научном сообществе, говорят о новой тенденции в исследовании идей республики и государства: выявлении особенностей формирования политических терминов, исследовании терминологии и ее смысловой наполняемости, а также коннотаций употребления данных терминов в разные исторические периоды (Кола, 2002: 75–152; Скиннер, 2002: 12–74; Хархордин, 2009: 45–73; Шюрбаум, 2009: 171–246). Для обозначения

*Баязитова Гульнара Ильгизовна, к. ист. наук, зав. кафедрой новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, g.bajazitova@mail.ru.

**© Баязитова, Г. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

института, который в исторической литературе традиционно переводят словом «государство», во Франции XVI в. использовали, по крайней мере, два слова: *République* и *Estat*. Именно поэтому трактат *Les six livres de la République* традиционно переводят как «Шесть книг о государстве», дабы не породить коннотации, связанные с идеей республиканского государства второй половины XVIII в. Два автора, чья полемика в итоге сформировала представление о современном государстве во Франции, представляют интерес в связи с эволюцией понятий *République* и *Estat*. Это Франсуа Отман и Жан Боден.

Творчество Франсуа Отмана и Жана Бодена подробно изучалось исследователями начиная с XVIII в. Сюжеты, занимавшие их умы, касались в первую очередь проблем религиозного противостояния и роли Отмана и Бодена в его осмыслении. И А. Бодрийяр, и Р. Шовири обращали внимание на роль религиозного фактора и Варфоломеевской ночи в появлении политических теорий французских авторов. Век спустя Джон Сэлмон, исследуя связь «Шести книг о республике» с трактатами «Франкогаллия» и «О правах магистратов», напишет о «Республике» как о книге, которая появилась в результате обстоятельств (Salmon, 1973: 378), а позже назовет теорию суверенитета Бодена «приуроченным к случаю тезисом» (Salmon, 1991: 359–370).

Изучение политических теорий в XX в. сосредоточилось вокруг проблемы абсолютизма. Спор историков об абсолютизме в середине XX в. автоматически переносился на середину XVI в. Политическая дискуссия Отмана и Бодена воспринималась как дискуссия сторонников выборной монархии и сторонников абсолютизма — по сути, антагонистов. Теория суверенитета стала камнем преткновения в историографии политической мысли (Moreau-Reibel, 1933: 135; Franklin, 1991: 298–328; Giese, 1973: 167–186). Она постоянно находилась в фокусе внимания исследователей и иные сюжеты получали свое освещение только в связи с ней.

Между тем, в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. происходит поворот в исследованиях политической теории. По сути, полемизируя с Дж. Сэлмоном, Р. Кингдон обращает внимание на «Франкогаллию» как на трактат, содержащий «продуманную и полную политическую аргументацию» (Kingdon, 1991: 208). По его мнению, «Франкогаллия» не была результатом Варфоломеевской ночи — это был результат долгой и вдумчивой работы великого протестантского мыслителя. Текст «Франкогаллии» был написан задолго до печального события (*ibid.*).

Российская исследовательница И. Я. Эльфонд называет его «программным сочинением гугенотской партии» (Эльфонд, 2003: 243).

Объемный и интересный труд Симоны Гойард-Фабр о праве в «Республике» Жана Бодена выходит в 1989 г. Начиная с исторического контекста появления изучаемого трактата, Гойард-Фабр проводит черту между «Шестью книгами» и «Франкогаллией»: «Республика» не походит на многочисленные памфлеты протестантов — «книги борьбы», которые имели целью изобличать злоупотребления и абсолютистские претензии королевской власти. Работу Гойард-Фабр отличает внимание к разным сюжетам «Шести книг» через призму понятия «право». Говоря в начале исследования о правах отца семейства, Гойард-Фабр приходит к освещению гармонической справедливости (правосудия). При этом понятие республики становится центральным для нее. Выступая часто как название изучаемого трактата (западные авторы называют его просто «Республика» или «О республике»), «республика» становится своеобразным маркером. Однако Гойард-Фабр не стремится к объяснению термина. Это не ее задача. Она изучает сущность республики, ее структуру и место права в ней (Goyard-Fabre, 1989).

Ту же линию с исследованием права продолжает Мари-Доминик Кузин, представляя исследование божественного закона в «Шести книгах о республике». Здесь мы сталкиваемся с иной трактовкой закона и понимаем, что республика не обладает лишь позитивным, гражданским полем, но и определяется трансцендентностью иного уровня. И смыслов в ней намного больше, чем в линейном представлении о законе как о порождении человеческого бытия (Couzinet, 1997).

Непосредственно о терминологии французских трактатов пишет уже первый исследователь творчества Бодена. Анри Бодрийяр, говоря о синонимичности *République* и *Etat*, которые, по его мнению, различаются лишь в нюансах (Baudrillart, 1853: 228). Государство, по мнению Бодрийяра, означало до Бодена то, что было до суверенного могущества; то, что устанавливает порядок и полномочия, которые из него проистекают. Смысл слова «республика» более широк: он содержит идею общности (*res publica*). Существенное значение имеет оговорка «правильное управление» (*droit gouvernement*), поскольку оно отличает республику от простого общества; от шаек разбойников и пиратов, которые, по сути, тоже имеют какое-то управление. На междисциплинарном коллоквиуме, проходившем в 1973 г. в Мюнхене, Раймон Полен, говоря о республике у Бодена, обращает внимание на то, что в идее республики содержится идея публичного, политического порядка (Polin, 1973: 344).

Кроме того, на мюнхенской конференции была представлена статья Мишеля Глатини. Пожалуй, это была первая попытка провести лексикологический анализ «Шести книг о республике» вместе с «Франкогаллией». Глатини останавливается на терминах *Prince* («государь») и *Peuple* («народ»). Он приходит к выводу, что состав политического словаря у оппонентов достаточно близок и даже интерпретация такого термина как «народ» схожа. Однако *Prince* у Бодена является субъектом действия, а у Отмана употребляется лишь пароним этого термина — *Roy* («король»). Более того, он выступает лишь как объект действия (Glatigny, 1985: 157–168).

Квентин Скиннер в своей статье описывает постепенное введение термина *Estat* в политический лексикон XVI в. Скиннер считает, что наряду с традиционным представлением о «положении» (*estat*) этот термин становится взаимозаменяемым с термином *République*. (Скиннер, 2002: 56). Дискуссии показывают, что артикуляция понятия «республика», его связь с появившимися на рубеже XV–XVI вв. терминами *il Stato*, *l'Etat*, *the State* уже выходят за рамки противопоставлений и обсуждений в русле абсолютизм vs республиканизм. Республика не рассматривается как нечто противоположное монархии — и в то же время понятие, ее обозначающее, не является аналоговой заменой термину «государство». Множественность смыслов неизбежно ставит вопрос об интерпретации и, в конечном счете, речь идет о влиянии на развитие политической философии (Krigel, 2003: 2011).

Понятие *la République*, *Republica* фигурирует в политическом дискурсе XVI в., зачастую вызывая у исследователей трудности, поскольку, с одной стороны, выступает самостоятельным термином со своей сложной этимологией, а с другой — часто соседствует с уже привычным сегодня французским термином *Etat*. Кроме того, можно отметить эклектичное употребление понятий, относящихся к сфере политического у французских авторов XVI в. Термин «республика» предпочитают переводить в контексте трактата как «государство», и *Les six livres de la République* превращаются в «Шесть книг о государстве». Однако проблема состоит в том, что такой перевод раскрывает понятие при помощи современных схем мышления — при этом не учитывая того факта, что смысловое наполнение бывает совершенно отличным от других эпох. Так, термин *République*, берущий свое начало от древнеримского *res publica*, явно нес на себе отпечаток не только идеи общего блага, но и употребления его в позднеримском политическом языке: с точки зрения теории государства и права, императорский Рим продолжал оставаться респуб-

ликой (Чернышев, 1996: 163). Непросто определить, чем было *Estat* для интеллектуалов XVI в. Выделяют до шести значений данного термина во французском языке: «состояние», «политическое сообщество», «тип политического режима», «сословие», «штаты» (Генеральные штаты), «особый статус человека». Д. Кола говорит о том, что «множественность значений *estat* и частота употреблений этого слова Боденом приводили к особой неясности, что и может объяснить, почему в заглавии его книги стоит слово *République*, имевшее в то время политическое, и потому вполне четкое, значение» (Кола, 2002: 84).

Гипотеза исследования состоит в выявлении единого понятийного поля французских политических оппонентов, стоявших на разных идейных позициях, и попытке выявить существование единого политического языка, который позволяет им описывать сущность того политического образования, которое существовало во Франции в XVI в.

Важный момент при работе с понятиями заключается в обращении к оригинальным источникам. Так, «Франкогаллия» Франсуа Отмана была написана автором в 1573 г. на латыни (Hotomani, 1573). В 1586 г. она будет переиздана с существенными поправками (Hotomani, 1586). Уже в 1574 г. она была переведена на французский язык С. Гуларом (Hotman, 1574). Именно этот перевод был переиздан в 1991 г. издательством Fayard в качестве оригинального издания (Hotman, 1991). По сути, мы имеем три прижизненных издания автора, с которыми будем работать. Кроме того, привлекалось издание «Франкогаллии» на русский язык, вышедшее в 2015 г. в переводе И. Я. Эльфонд (Отман, Эльфонд, 2015). Автор придерживается мнения, что «Франкогаллия» Отмана, которая появляется через год после печально известной Варфоломеевской ночи, и является открытой реакцией на нее.

Что касается «Шести книг о республике» Жана Бодена, то первое издание увидело свет в 1576 г. на французском языке, а в 1579 г. вышло дополненное издание на языке оригинала. Боден напишет позже свою версию на латыни. Здесь были использованы три издания: издание 1579 г. (Bodin, 1579), издание на латинском языке (Bodini, 1591) и репринтное издание 1584 г., вышедшее в 1986 г. в издательстве Fayard (Bodin, 1986). Важно отметить, что название и структура трактата не случайны: аллюзия на знаменитое сочинение Цицерона очевидна. Трактат Цицерона на латыни носит название *De re publica* и состоит из шести книг. Необходимо сказать, что древнеримская тема в «Шести книгах» — одна из ведущих.

Итак, переходя к анализу терминов, следует сказать, что в самом начале своего труда Франсуа Отман дает некоторые объяснения по поводу самого названия работы. Поскольку сочинение посвящено в первую очередь исследованию того политического объединения, которое существовало на месте современной Отману Франции, то сам автор называет его *Francogallia nostra* («наша Франкогаллия»), указывая этим на тот факт, что здесь соединялись воедино традиции древних римлян и древних германцев. Кингдон пишет о том, что «Франкогаллия» — это не публицистическая работа, а хороший экскурс в историю (Kingdon, 1991: 206). Главными источниками его работы выступают «сочинения германских и галльских авторов» (Hotomani, 1573: 5)¹. Во французском переводе С. Гулара «наша Франкогаллия» переводится уже как *l'etat de nostre France* («положение нашей Франции») (Hotman, 1574: 5)².

В тексте 1573 г. фигурирует название *Francogallica Reipublica*: «республика Франкогаллия» (Hotomani, 1573: 38), в тексте 1574 г. — *la Republique Françoise*: «Французская республика» (Hotman, 1574: 49)³. Отман говорит об институте выборной власти короля. И эта выборность объясняется им с помощью категории «свобода» (*liberté*). Король являлся гарантом и защитником этой свободы. Таким образом, свобода определяет жизнь в республике. Кроме того, отсутствие *Gaule* («Галлии») во французском переводе, возможно, определяется отношением Отмана или даже Гулара к названию *Gallia*, которое воспринимается им как часть Римской империи, противостоявшей свободным и жестоким «франкам», сумевшим сбросить с себя ярмо римского господства (*ibid.*: 47–48)⁴. Так, «республика» переходит из конкретной категории древнеримской политической жизни в поле политического осмысления

¹Superioribus quidem mensibus in tantarum calamitatum cogitatione defixus, veteres Francogallia nostrae historicos omnes & Gallos & Germanos evolui.

²Il y a donques quelques mois; qu'ayant l'entendement tout fisché sur la consideration de ces extremes calamitez & misères communes, je me pris à fuilleter tous les historiens François & Alemans, qui ont escrit de l'estat de nostre France.

³Les François mesmes curent bien tousjours des Roys, voire mesmes lors qu'ils se nommoient publiquement & se portoyent pour auteurs & protecteurs de la liberté: mais quand ils elisoyent des Roys, ils ne les eleuoyent pas là pour estre des tyrans, ou des bourreaux, mais pour estre leurs Gouverneurs, leurs tuteurs gardiens & defenseurs de leur liberté: ce que monstroit bien la forme de la Republique Françoise, comme elle estoit estable pour lors: ainsi que nous verrons tantost.

⁴C'est à sauvoir que le nos des François fut tire de là, pource qu'ils s'estoyent affranchir & qu'ils avoyent un courage magnanime & feroce (comme ils parlent faisans allusion au mot de François), de forte, qu'ils oserent bien mesmes refuser de payer tribute à l'Empereue Valentinian, comme faisoyent les autres peuples.

в ином контексте, совершая инверсию: республика — это уже не только римское достояние, но то, что может противостоять Риму. Контекст Религиозных войн и иностранной интервенции в данном случае, я думаю, тоже отбрасывать не стоит. Политическое усиление Испании и засилье итальянцев при французском дворе создавали удобную почву для подобных аналогий.

Другой аллюзией на древнеримские истоки является дословный перевод *Res publica: la chose publique*. Во французском переводе латинская *respublica*⁵ часто воспроизводится как *la chose publique* («публичная вещь», «общее дело»)⁶ (ibid.: 2). Когда в VII главе говорится об имуществе умершего короля, которое делится между его детьми, Отман пишет о четырех видах имущества: Цезаря, фиска, публичных имуществ и частных имуществ. При этом публичные имущества в латинском варианте — это тоже *res publicas* (Hotomani, 1573: 59–60)⁷. Во французском переводе им соответствует опять же *la chose publique*, при этом публичные имущества — это *les biens publiques*. Если говорить об употреблении термина *la République* во французской политической традиции, то можно предположить, почему С. Гулар предпочел переводить данный термин как *la chose publique*. Возможно, *la République* не в полной мере отражало особенность понятия и важность его употребления во «Франкогаллии» и ассоциировалось, прежде всего, с тем институтом, которое сейчас принято называть «государство». *La chose publique* намного больше подходит для описания того состояния, в котором должен был пребывать французский народ в противоположность тому, в котором реально находится. Не надсословное и отстраненное «государство», но то, что объединяет людей; приближает их к политической общности и ответственности за свою дальнейшую судьбу. Если вспомнить, что Отман ратует за выборную монархию и подчеркивает роль Генеральных штатов в делах управления политической общностью, то такая трактовка становится понятной.

Наконец, Отман оперирует понятием *bonum publicum* (ibid.: 140–141), во французском варианте — *le Bien public*⁸ (Hotman, 1574: 173), которое

⁵Cogitanti mihi de Francogalliae nostrae institutis, quantum ad usum Reipub. nostrae...

⁶Ayant proposé d'écrire des coustumes, & de la police de nostre France Gauloise, autant comme il pourra servir pour l'usage de nostre chose publique...

⁷Quare intelligendum est, earum rerum que in Regis ditone sunt, quatuor à Iurisconsultis genera numerari: nimirum res (utilli loquantur) Caesar, res fisci, res publicas, & res privatas.

⁸Ce qui fut cause que cest guerre qui avoit esté entreprise pour le bien publique du Royaume en fut communement nominee la guerre du Bien public.

можно перевести как «общественное благо». Это понятие он использует для описания войны, которую вел Людовик XI в конце XV в. с так называемой Лигой общественного блага. Здесь тоже мы видим переплетение смыслов. Лига общественного блага противостояла нарождающемуся абсолютному могуществу Людовика XI, претендовавшего на более серьезные прерогативы публичной власти, чем предыдущие монархи. Это соответствует концепции Отмана об узурпации власти королями из династии Капетингов и необходимости возвращения к реальной власти Генеральных штатов в осуществлении *la chose publique*. Таким образом, *la République*, *la chose publique* — это о правлении, скорее, народа, чем короля. Следует констатировать, что Отман так и не сформулировал определение данной дефиниции в первых изданиях своей работы.

Боден начинает свое сочинение с определения того, что он называет республикой: «правильное управление многочисленным домохозяйствами и тем, что у них есть общего, осуществляемое суверенным могуществом» (Bodin, 1579: 1). Таким образом, он с первых страниц составляет акценты, и внимание читателя концентрируется на республике, домохозяйстве, общем владении и суверенной власти. Более того, чуть ниже Боден делает пассаж о том, что он не желает изображать идеальную республику подобно той, которая была у Платона или Томаса Мора (ibid.: 4). Подобно Отману, Боден употребляет термин *la République* в разных качествах. Для него *la République* — это также конкретные политические образования: например, *République des Romaines* или *République de Veniz* (ibid.: 10). Во второй книге у Бодена появляется *Estat*, которое уже не штаты и не положение, а вид правления⁹ (ibid.: 263). Кроме этого, он также использует термин *la Royaume* («королевство»). В латинском издании слово *Estat* заменено словом *respublica* (Bodini, 1591: 237).

Следовательно, и у Отмана, и у Бодена *la République* несет в себе и идею общности, и идею общего блага. Отман, говоря о правлении, отмечает связь французской *la République* с идеей древних философов (Платона, Аристотеля и Полибия) о том, что «правление ... является лучшим и самым превосходным среди прочих, то, что составлено и умерено тремя видами правления», а именно монархией, аристократией и положением, «где народ является сувереном». Таким образом, уже у Отмана мы видим обращение к понятию *la souveraineté* для объяснения

⁹l'Estat de la France est simple et monarchique.

сущности *la République*¹⁰ (Hotman, 1574: 12). Так, например, он пишет, что война одного народа с другим в древней Галлии велась за обладание суверенитетом (*ibid.*: 7). Однако Боден прямо говорит о том, что *la République* осуществляется «суверенным могуществом» (властью). Отман определяет как важнейшее условие *la République* волю народа, который в его теории становится субъектом политического действия, — но не останавливается специально на понятии *la souveraineté*. Об этом говорит и М. Глатини, обращая внимание на тот факт, что народ (*le peuple*) во «Франкогаллии» является политическим субъектом, подчиняющим себе государя (*Prince*) (Glatigny, 1985: 160). У Бодена же народ обладает ограниченной субъектностью, хотя именно к народу Боден обращает свой трактат, говоря в предисловии, почему: «... я предпринял беседу о республике на народном языке ... чтобы быть лучше услышанными природными французами»¹¹ (Vodin, 1579: 3). Народ, в представлении Бодена, мог образовывать свое политическое сообщество и быть в нем сувереном (*ibid.*: 331). Но Боден не видит целесообразности в передаче суверенитета Генеральным штатам или другому народному представительству, хотя и не отрицает такой возможности. Вместе с тем наряду с термином *le peuple* у Бодена фигурирует довольно часто и термин *le subject* («подданный») (Vodin, 1986: L. I, 112). Именно подчинение суверену (*l'obeissance*) является настоящим признаком монархии (Vodin, 1579: 137), а монархия — истинной хорошо устроенной республикой¹³ (*ibid.*: 1058).

Идея суверенитета, появившись в полемике с Франсуа Отманом, стала цементирующей основой понятия *la République* (*ibid.*: 120–161). О важности данного понятия говорит тот факт, что в переиздании «Франкогаллии» Отмана 1586 г. появляются значительные дополнения, среди которых одна глава посвящена *summa populi potestas* — объяснению, что такое народная суверенная власть (Hotomani, 1586: 55). Так понятие «суверенитет» входит в политический лексикон интеллектуалов XVI в. В этом — одно из главных отличий республики Бодена от предшествующей политической традиции. *Imperium* и *potestas absoluta*, лежащие в

¹⁰comme dit Platon, qui la tiene un petit en bridge: & qu'on luy suffer de s'elever jusques en un degre supreme de souveraineté & de puissance absolue en toutes choses.

¹¹... j'ay entreprise le discours de la Republique, et en langue populaire ... que pour ester mieux entendu de tous François naturels.

¹²... il s'appelle citoyen: qui n'est autre chose en propres termes, que le franc subject tenant de la souveraineté d'autruy.

¹³... à l'exemple duquel le sage Roy se doit conformer, & gouverner son Royaume.

основе концепции суверенитета, не предполагали связи с институтом непосредственно республики. *Imperium* являлся чрезвычайной властью диктатора на короткое время. Он был экстраординарной и кратковременной функцией, делегированной народом или сенатом диктатору или высшему магистрату. *Potestas absoluta* лежала в основе теократической доктрины римских Пап. Постепенно она сформировалась и нашла отражение в каноническом праве. Именно оттуда она приходит в сферу светского законодательства: публичное право французской короны строилось на рецепции канонического права. Боден в этой связи пишет: «И все же у папы никогда не связываются руки, и, как говорят канонисты, также и у суверенного государя не могут быть связанными руки»¹⁴ (Bodin, 1986: L. I. 192).

Важно видеть, что эти виды власти были персонифицированы. *Imperium* был сосредоточен на фигуре диктатора, *potestas* — на фигуре понтифика. Боден сделал попытку персонифицировать суверенитет в фигуре монарха, но было очевидно, что концепция шире и охватывает гораздо более широкий спектр политических явлений, чем монархия. Поэтому Боден вполне допускает наличие суверенитета в народной или аристократической республиках. Республика — это не обязательно монархия. Таким образом, можно сказать, что концепция суверенитета, вырастая из двух более ранних концепций, выходит за рамки персонификации и становится характеристикой уже собственно института государства. Так появляется одно из главных характеристик нововременного государства и его главное отличие от того, что было раньше: суверенитет. И все же в данном случае это лишь элементы нового понятия. Это не государство в полном смысле этого слова, но зарождение представления о нем; появление нового языка, способного описать эту политическую реальность. Республика Отмана и Бодена еще не соответствует сущности современного политического режима. Это принципиально разные вещи, даже при максимальном приближении Отмана к идее народного государства и ответственности представительства перед народом. И римскую *res publica* также невозможно обозначить лишь как политический режим. Она несет в себе смысловую нагрузку общего дела, общественного блага, одновременно выстраивая связь на новом уровне, находя нечто объединяющее этот набор понятий.

¹⁴Et tout ainsi que le Pape ne se lie jamais les mains, comme dissent les canonistes: aussi le Prince souverain ne se peut lier les mains...

Примечательно, что «Шесть книг о республике» Бодена заканчиваются представлениями об идеальной республике — монархии, гармонично сочетающей в себе черты народного, аристократического и монархического правлений под суверенной властью единого государя. Такое устройство, по мнению Бодена, естественно; оно существует в природе, геометрии и музыке (Bodin, 1579: 1054). Отман в «Франкогаллии» также обращается к музыкальной теме, демонстрируя народное согласие в осуществлении «общего дела» (*la chose publique*) как прекрасное созвучие, в котором гармонично соединены разные голоса¹⁵ (Hotman, 1574: 98). Идея гармонии логически дополняет то, что Отман и Боден называют *res publica*, поскольку объединение людей для долгой и счастливой жизни, как писал Аристотель, невозможно без согласия. Неудивительно, что первый перевод Кнолессом трактата Бодена на английский язык в 1606 г. будет звучать как *The Six Bookes of a Commonwealth*, и только спустя полвека Гоббс назовет своего Левиафана *Commonwealth or State*, то есть фактически уравнивает эти два понятия.

Таким образом, Франсуа Отман выстраивает свое понимание республики; несмотря на отсутствие четкой дефиниции, мы можем отследить несколько основных категорий, формирующих идею *République*, и они любопытны. Во-первых, Отман говорит о республике как об определенной территории: это — Галлия, которая, по сути, превращается в более поздних изданиях во Францию. Во-вторых, *la chose publique* — публичное достояние франкогаллов, которое дополняет идею территориального единства. В-третьих, *le peuple* — народ, который изъявляет свою волю на Генеральных штатах (*les Estat Generals*) и обладает верховной властью (*la puissance souveraine*). Признаки территории, народа и верховной власти, объединенные вместе, создают то, что Отман вкладывает в понятие «республика». Жан Боден дает дефиницию, включающую домохозяйство, публичное достояние и суверенитет, и вкладывает в *la chose publique* представление о домене — территории, которая должна объединять всех граждан республики под суверенной властью. Учитывая факт переосмысления Отманом в издании 1586 г. концепции суверенной власти, мы можем уверенно говорить о существовании единой терминологической и концептуальной системы в сфере политического, которая включает в себя понятия единой территории,

¹⁵Tout ainsi, dit-il, qu, il faut, que ceux, qui jouent des insrtumens de Musique, ou qui chantent à plusieurs parties, tiennent une mesure, &sonnent un chant harmonieux. Meslé de divers sons, ou de diverses voix amasses & accordees ensemble...

суверенитета и публичной сферы, — признаков государства, зафиксированных в работах Отмана и Бодена, и, по сути, ставших отсчетом новой вехи в развитии политического языка — языка нововременного государства.

Источники

- Отман Ф.* Франкогаллия / пер. И. Я. Эльфонд. — СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Bodin J.* Lex six livres de la République. — Paris : Chez Jacques du Puys, 1579.
- Bodin J.* Lex six livres de la République. — Paris : Fayard, 1986.
- Bodini I.* De republica libri sex. — Genève : Apud Iacobum Du-Puys, 1591.
- Hotman F.* La Gaule françoise. Nouvellement traduire de Latin en Francois. — Cologne : Par Hierome Berulphe, 1574.
- Hotman F.* La Gaule françoise. — Paris : Fayard, 1991.
- Hotomani F.* Francogallia. — Genève : Ex officinal Iacobi Stoerij, 1573.
- Hotomani F.* Francogallia. — Francofurdi : Apud heredes Andrae Wecheli, 1586.

ЛИТЕРАТУРА

- Кола Д.* Политическая семантика «Estat» и «état» во французском языке // Понятие государства в четырех языках / под ред. О. Хархордина. — СПб., М. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. — С. 75–113.
- Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках / под ред. О. Хархордина. — СПб., М. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. — С. 12–74.
- Хархордин О.* Была ли Res publica вещью? // Что такое республиканская традиция? — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — С. 171–246.
- Чернышев Ю. Г.* Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата // Древнее право. — М. : Спарк, 1996. — С. 162–165.
- Шюрбаум В.* Цицерон: De Re Publica // Res publica: История понятия. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — С. 45–73.
- Эльфонд И. Я.* Раннесредневековые основы политической мифологии во французской культуре XVI века // Миф в культуре Возрождения. — М. : Наука, 2003. — С. 239–252.
- Baudrillart H.* Jean Bodin et son temps: Tableau des theories politiques et des idées économiques au seizième siècle. — Paris : Libraire de Guillaumin et C., 1853.
- Couzinet M.-D.* La logique divine dans les «Six livres de la République» // Politique. Droit et théologie chez Bodin, Grotius et Hobbs : Sous la direction de Luc Foisneau. — Paris : Édition Kimé, 1997. — P. 47–70.

- Franklin J. H.* Sovereignty and the mixed constitution: Bodin and his critics // The Cambridge History of Political Thought 1450–1700 / ed. by J. H. Burns. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — P. 298–328.
- Giesey R. E.* Medieval Jurisprudence in Bodin’s Concept of Sovereignty // Jean Bodin. Verhandlungen der Internationalen Bodin Tagung in München / ed. by H. Denzer. — München : Verlag C. N. Beck München, 1973. — P. 167–186.
- Glatigny M.* PRINCE et PEUPLE dans quelques chapitres de la République et de la Gaule Française: Etude lexicologique // Jean Bodin: Actes du Colloque Interdisciplinaire d’Anger (24–27 mai 1984). T. 2. — Anger : Press. de l’Univ. d’Angers, 1985. — P. 157–168.
- Goyard-Fabre S.* Jean Bodin et le droit de la République. — Paris : GUF, 1989.
- Kingdon R. M.* Calvinism and resistance theory, 1550–1580 // The Cambridge History of Political Thought 1450–1700 / ed. by J. H. Burns. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — P. 193–218.
- Krigel B.* La Cité républicaine. — Paris : Galilée, 2003.
- Moreau-Reibel J.* Jean Bodin et le droit public comparé dans ses rapports avec la philosophie de l’histoire. — Paris : J. Vrin, 1933.
- Polin R.* L’Idée de République selon Jean Bodin // Jean Bodin. Verhandlungen der Internationalen Bodin Tagung in München / sous la dir. de H. Denzer. — München : Verlag C. N. Beck München, 1973. — P. 343–357.
- Salmon J. H. M.* Bodin and the monarchomachs // Jean Bodin. Verhandlungen der Internationalen Bodin Tagung in München / ed. by H. Denzer. — München : Verlag C. N. Beck München, 1973. — P. 359–370.
- Salmon J. H. M.* Catholic resistance theory, Ultramontanism, and the royalist response, 1580–1620 // The Cambridge History of Political Thought 1450–1700 / ed. by J. H. Burns. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — P. 219–236.

Bayazitova, G. I. 2017. “O ponyatii ‘République’ u Fransua Otmana i Zhana Bodena [On the Concept of ‘the Republic’ in François Hotman’s and Jean Bodin’s Works]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 57–71.

Gul’nara Bayazitova

HEAD OF MODERN HISTORY AND GLOBAL POLITICS DEPARTMENT, TYUMEN STATE UNIVERSITY

ON THE CONCEPT OF “THE REPUBLIC” IN FRANÇOIS HOTMAN’S AND JEAN BODIN’S WORKS

Abstract: *La République* concept is prominently featured in the political discourse of the XVI century, and it often creates confusion among the researchers due to its complex etymology and to its interchangeable usage with the term *Etat*, which is a more common word nowadays. This paper investigates two authors whose dispute eventually led to the conceptualization of

an idea of a modern state in France: François Hotman and Jean Bodin. The latter's idea of *la République* being *proper management of multiple households* connotes as well the idea of community and the idea of common good. Bodin here relies on both Aristotle's and Cicero's traditions. Hotman, while speaking about government, notes the connection between the French idea of *la République* and the ideas of ancient philosophers. Thus we see one of the main characteristics of a modern state as well as its main distinction from what existed before: the sovereignty. Hotman notes among essential characteristics of *la République* the people's will. However, he specifically examines the concept of *la souveraineté*, while Bodin regards the people as a subject in the private sphere and as an object in the public sphere.

Keywords: Republica, République, Hotman, Bodin, Commonwealth, State.

REFERENCES

- Baudrillart, H. 1853. *Jean Bodin et son temps: Tableau des theories politiques et des idées économiques au seizième siècles* [in French]. Paris: Libraire de Guillaumin et C.
- Bodin, J. 1579. *Lex six livres de la République* [in French]. Paris: Chez Jacques du Puys.
- . 1986. *Lex six livres de la République* [in French]. Paris: Fayard.
- Bodini, I. 1591. *De republica libri sex*. Genève: Apud Iacobum Du-Puys.
- Burns, J. H., ed. 1991. *The Cambridge History of Political Thought 1450–1700*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chernyshev, Yu. G. 1996. "Teoriya smeshannoy konstitutsii u Tsitserona i sistema printsipata [The theory of a mixed constitution in Cicero and the Principate system]" [in Russian]. In *Drevneye pravo [Ancient law]*, 162–165. Moskva [Moscow]: Spark.
- Couzinet, M.-D. 1997. "La logique divine dans les 'Six livres de la République'" [in French]. In *Politique. Droit et théologie chez Bodin, Grotius et Hobbs: Sous la direction de Luc Foisneau*, 47–70. Paris: Édition Kimé.
- Denzer, H., ed. 1973. *Jean Bodin. Verhandlungen der Internationalen Bodin Tagung in München* [in German]. München: Verlag C. N. Beck München.
- El'fond, I. Ya. 2003. "Rannesrednevekovyye osnovy politicheskoy mifologii vo frantsuzskoy kul'ture XVI veka [Early medieval background of Political Mythology in French culture XVI century]" [in Russian]. In *Mif v kul'ture Vozrozhdeniya [Myth in the culture of Renaissance]*, 239–252. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Franklin, J. H. 1991. "Sovereignty and the mixed constitution: Bodin and his critics." In Burns 1991, 298–328.
- Giesey, R. E. 1973. "Medieval Jurisprudence in Bodin's Concept of Sovereignty." In Denzer 1973, 167–186.
- Glatigny, M. 1985. "PRINCE et PEUPLE dans quelques chapitres de la République et de la Gaule Française: Etude lexicologique" [in French]. In *Jean Bodin: Actes du Colloque Interdisciplinaire d'Anger (24–27 mai 1984)*, 2:157–168. Anger: Press. de l'Univ. d'Angers.
- Goyard-Fabre, S. 1989. *Jean Bodin et le droit de la République* [in French]. Paris: GUF.
- Hotman, F. 1574. *La Gaule française. Nouvellement traduire de Latin en Francois* [in French]. Cologne: Par Hierome Berulphe.
- . 1991. *La Gaule française* [in French]. Paris: Fayard.
- Hotomani, F. 1573. *Francogallia*. Genève: Ex officinal Iacobi Stoerij.
- . 1586. *Francogallia*. Francofurti: Apud heredes Andrae Wecheli.
- Kharkhordin, O., ed. 2002. *Ponyatiye gosudarstva v chetyrekh yazykakh [Concept of the State in four languages]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Yevropeyskiy un-t v Sankt-Peterburge, Letniy sad.

- . 2009. “Byla li Res publica veshch'yu? [Was the Republic a thing?!” [in Russian]. In *Chto takoye respublikanskaya traditsiya? [What is a republican tradition?]*, 171–246. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kingdon, R. M. 1991. “Calvinism and resistance theory, 1550–1580.” In Burns 1991, 193–218.
- Kola, D. 2002. “Politicheskaya semantika ‘Estat’ i ‘état’ vo frantsuzskom yazyke [Political semantics of ‘Estat’ and ‘état’ in French]” [in Russian]. In Kharkhordin 2002, 75–113.
- Krigel, B. 2003. *La Cité républicaine* [in French]. Paris: Galilée.
- Moreau-Reibel, J. 1933. *Jean Bodin et le droit public comparé dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire* [in French]. Paris: J. Vrin.
- Otman, F. [Hotman, F.] 2015. *Frankogalliya [La Gaule françoise]* [in Russian]. Trans. by I. Ya. El'fond. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentri gumanitarnykh initsiativ.
- Polin, R. 1973. “L’Idée de République selon Jean Bodin” [in French]. In Denzer 1973, 343–357.
- Salmon, J. H. M. 1973. “Bodin and the monarchomachs.” In Denzer 1973, 359–370.
- . 1991. “Catholic resistance theory, Ultramontanism, and the royalist response, 1580–1620.” In Burns 1991, 219–236.
- Shyurbaum, V. 2009. “Tsitseron: De Re Publica [Cicero: De Re Publica]” [in Russian]. In *Res publica: Istoriya ponyatiya [Res publica: the History of the Concept]*, 45–73. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Skinner, K. [Skinner, Q.] 2002. “The State” [in Russian]. In Kharkhordin 2002, 12–74.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

ФЕДЕРАЛИЗМ М. П. ДРАГОМАНОВА**

Аннотация: Михаил (Михайло) Петрович Драгоманов (1841–1895) — видный деятель так называемого освободительного движения в Российской империи, одна из ключевых фигур в истории украинского национального движения XIX в., известный историк и этнограф. В силу различных обстоятельств в XX в. его вклад в развитие российской общественной мысли оказался относительно недооценен: в частности, вне фокуса исследовательского внимания пребывали его труды по федерализму, в которых он стремился не только дать приложение существующих теорий к условиям Российской и Австро-Венгерской империй, но и, идя от конкретной проблематики, в частности, вопросов, порождаемых национальными движениями так называемых молодых наций, пересмотреть существующие теоретические модели. Особенный интерес, на наш взгляд, представляет его попытка соединить анархистское и публично-правовое понимание федерализма; основать конституционалистский проект на правах человека и гражданина. Внимание Драгоманова к федералистской проблематике отчетливо фиксируется с начала 1870-х гг., однако полноты развития его теоретические взгляды достигают в 1882–1884 гг., в условиях обсуждения программы «Земского союза» (фиктивной организации, провокаторского проекта Священной дружины) и опыта приложения основных положений последней к украинским условиям. Чутко реагируя на текущую западноевропейскую политическую повестку и стремясь осуществить трансляцию актуальной проблематики в российскую общественную мысль, Драгоманов в рамках разработки федералистского проекта особенно останавливается на вопросах защиты прав меньшинств, представительства последних, возможности совместить территориальные принципы политической организации и национальную неоднородность. Предложенные им подходы к федералистской проблематике оказались далеко не в полной мере востребованы российскими конституционными дискуссиями начала XX в., в том числе и в рамках украинского национального движения, — однако они представляют большой интерес как опыт осмысления возможного пути трансформации имперских порядков в условиях перехода к позднему модерну.

Ключевые слова: автономизм, анархизм, конституционализм, национализм, областничество, федерализм, украинофильство.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Исследование проведено в рамках международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» по теме: «Федералистские проекты в истории русской и украинской общественной мысли XIX века», № 28.686.2016/ДААД.

Проблематика федерализма в российской общественной мысли второй половины XIX века пережила несколько периодов подъема и ослабления как публичного, так и теоретического внимания. Предсказуемым образом федерализм оказывался в центре внимания в те моменты, когда вопрос о переустройстве Российской империи представлялся переходящим в практическую плоскость или близким к этому — федерирование в этом случае выступало как альтернатива текущему положению вещей; иной, новый принцип организации. Соответственно, в те годы, когда порядок вещей представлялся стабильным, и перемен принципиального плана не приходилось ждать ни «сверху», ни «снизу», споры о федерализме уходили на второй план; у различных идеологических «лагерей» исчезал актуальный мотив к проблематизации собственных позиций по этому вопросу, равно как и к тому, чтобы уделять серьезное внимание тонкостям позиций оппонентов.

Впрочем, степень конкретизации позиций сторон и в период активизации общественно-политической борьбы применительно ко второй половине XIX в. не следует преувеличивать: в большинстве случаев участники полемических столкновений определяли собственные позиции предельно общим образом, причем значимым оказывалось не столько противопоставление унитарного государства федеральному, сколько централизма — автономии. Примечательно, что еще в 1917 г. в брошюре, выпущенной Московской правительственной комиссией при Временном комитете Государственной Думы, профессор Санкт-Петербургского университета А. С. Яценко, обращаясь к достаточно образованной аудитории, начинал с констатации, что и сейчас «многие говорят о федеративной республике, не давая себе точного отчета о том, что в сущности такое федеративное государство» (Яценко, 1917: 3), и отмечал:

Обычное заблуждение заключается в том, что смешивают автономию с федерацией, и высказываясь за дарование автономии той или иной области, предполагают, что вместе с тем становятся на федеративную точку зрения (там же: 4).

В еще большей степени это приходится сказать о содержании дискуссий предшествующей половины столетия: *как* для оппонентов существующего строя, так и для многих из его защитников существовал консенсус не только по поводу негативного отношения к бюрократии, но и в отношении того, что эффективное противодействие последней

возможно путем оживления, привлечения «местных сил»¹. Одним бюрократия виделась неизбежным следствием существующего политического строя — самодержавная монархия в современных условиях порождала бюрократический способ управления, придавая бюрократии бесконтрольную власть — и выходом здесь виделось народное представительство, сопряженное с комплексом политических свобод (свободы слова, собраний, печати и т. д.), способных поставить первую под контроль; другим, напротив, и бюрократическое правление, и конституционалистские стремления представляли принципиально однородными, и в том, и в другом случае выступая удалением от «истинного самодержавия», средоточием между «монархом» и «народом», образуемым чиновничеством и/или профессиональными политиками. Однако независимо от того, в чем виделась причина существующего положения вещей, в первоначальной характеристике проблемы политические оппоненты совпадали: К. П. Победоносцев не в меньшей степени, чем И. И. Петрункевич, считал желаемым пробуждение самодеятельности, преодоление бюрократического окостенения (см.: Полунов, 2010). С конца 1850-х гг. голосов противоположного рода, принципиальных сторонников централизации, слышно очень немного (поэтому в свое время, в конце 1850-х гг., стало столь заметным выступление Б. Н. Чичерина, пошедшего «против течения» в полемике со сторонниками самоуправления, в том числе с М. Н. Катковым, в это время проповедовавшего английский опыт как наилучший ориентир для российских реформ (см.: Чичерин, 1858; Чичерин, 2010: 350–357). «Централизация», в тех случаях, когда она отстаивалась, принималась либо как неизбежное зло, либо как временная мера, либо как мера, эффективная для решения конкретной проблемы или организации конкретного дела, — но весьма редко выступала как желаемое состояние.

Как отмечает применительно к спорам позднейшего времени — начала XX в. — Т. И. Хрипаченко, для «либералов и социалистов» понятия федерации и автономии имели принципиально различное наполнение:

Для либералов оба эти понятия характеризуют устройство государства. В случае *федерации* речь идет о соединении государства, в случае *автономии* — о перераспределении полномочий между центральными и местными органами одного и того же государства. Для социалистов же и *автономия* и *федерация*

¹Так, во многом именно на этой логике базировался первоначальный вариант предложений А. Д. Пазухина (Пазухин, 1886), в дальнейшем трансформировавшийся в закон о земских начальниках 1889 г. (Захарова, 1968; Христофоров, 2011: 337–342).

— способы организации самого общества, и эти понятия воспринимаются как две стороны одного и того же отношения. *Автономия* — это отношение низшей ступени иерархии общин к более высокой, отношение части к целому, тогда как *федерация* — это отношение частей между собой в рамках объединения их в какое-либо целое (Хрипаченко, 2012: 140–141).

В значительной степени это противопоставление можно перенести и на предшествующий этап в истории российской общественной мысли, — с той оговоркой, что для 1850–1880-х гг. степень отчетливости понятий была еще меньшей, чем в период между первой и второй русскими революциями — и, одновременно, что в это время сами «социалистические» и «либеральные» позиции еще только вырабатывались. Напомним, что сколько-нибудь последовательно о «социалистической» идеологии (последней из так называемых трех больших идеологий XIX в.) возможно говорить лишь с 1830-х гг., когда после июльской революции происходит размежевание позиций в лагере бывших «радикалов», тогда как последовательное самоопределение позиций придется на период революций 1848 г. (см.: Валлерстайн, Проценко, 2016).

В данном контексте особый интерес представляет фигура Михаила Петровича Драгоманова²: если для большинства его современников споры о «федерализме» носили довольно абстрактный характер, а само понимание федерализма редко конкретизировалось и еще реже переносилось в практическую плоскость, попытку применить общие принципы к возможному преобразованию Российской империи, то для Драгоманова данная проблематика находилась в центре внимания на протяжении многих лет. Выбрав путь эмиграции и создания заграничного центра украинского национального движения (Грушевский, Тесля, 2014), Драгоманов вскоре, после вынужденного переезда из Вены в Женеву, оказывается деятельным участником дискуссий среди российских эмигрантов³. Однако при этом необходимо подчеркнуть сложность позиции, занятой Драгомановым: он одновременно был заметной фигурой в российской политической эмиграции и участвовал в спорах о

²См. о нем: Заславский, 1924; Заславский, 1934; краткая характеристика взглядов: Тесля, 2014.

³В. Засулич вспоминала: «Когда летом 1878 года я приехала в Женеву, Драгоманов стоял в центре эмиграции. К нему первому вели каждого вновь приехавшего; у него по воскресеньям собиралась чуть не вся эмигрантская колония: он принимал деятельное участие во всем, касавшемся эмиграции. Его крайний „федерализм с автономией земских единиц, начиная с общины“, казался близким к анархии» (Засулич, 1931: 106). См. также: Аксельрод, 1923: 185–186.

самых фундаментальных вопросах революционной борьбы, — и в то же время последовательно проводил границу между собой и большинством иных участников подобных споров. Так, обращаясь к редакции газеты «Голос» в 1880 г. он писал:

Начнем с покорнейшей просьбы выключить нас не только из «русской социально-революционной», но и из какой бы то ни было «русской» партии. Мы хотя и родились от «подданных» русского императора, но мы не русский ни в одном из тех двух смыслов этого слова, в каких оно обычно употребляется. Мы не *великорусс*, — а *украинец*... (Драгоманов, 1906: 287).

Фигура Драгоманова в конце 1870-х — начале 1880-х гг. с трудом поддавалась идентификации в рамках принятых в это время политических категорий: он не столько принадлежал к какой-либо существующей партии, сколько пытался создать свою собственную. Во-первых, как уже было отмечено ранее, он определял себя с конца 1870-х годов как «украинца», одновременно отмежевываясь от названия «украинофильства», т. е. определяя себя как представителя народа, а не некоего чуждого, внешнего по отношению к нему лица, способному испытывать симпатию или антипатию, *phili*'ю. Более того, во второй половине 1870-х гг. Драгоманов трактовал Российскую империю как «великорусскую» (там же: 208, 215), подчеркивая, что выступает от лица «нации, которая не только подавляется в „русском“ государстве, в *Росши*, и правительством, а отчасти и обществом господствующей национальности, но и помещается и за пределами России — в Австро-Венгрии» (там же: 287).

Во-вторых, Драгоманов, принимая во многом социалистическую повестку, решительно расходился с преобладающим в эти годы среди российского общественного движения пониманием «социализма», исключавшим политическую проблематику или отводившим ей второстепенное значение. Он стремился сочетать либерализм и социализм, утверждая, что вне возможности реального осуществления прав, в том числе прав экономических, они остаются пустым звуком, — и в то же время социалистические требования должны опираться в первую очередь на индивидуальные права.

В-третьих, для Драгоманова, в отличие от преобладающего среди российских социалистов 1870-х годов, принципиальную значимость имел «национальный вопрос», т. е. роль национальных движений и национального фактора. В условной «национальной нейтральности» российского социализма он видел подспудное утверждение русского национального доминирования, тем более эффективное, что оно осу-

ществлялось через отрицание самой проблематики (см.: Драгоманов, 1883). Кратко формулируя цель современных национальных движений, он определял ее как «единение людей *вглубь общества* (выделено нами. — А. Т.)» (Драгоманов, 1906: 194, т. е. образование общественной солидарности поверх конфессиональных или сословных границ. Глубине понимания Драгомановым проблем федерализма сильно способствовали его связи с галицийскими украинскими политическими силами, возникшие в самом начале 1870-х гг. В отличие от Российской империи, где подобного рода вопросы носили по преимуществу умозрительный характер, в Австро-Венгрии федералистская проблематика была прямо связана с дискуссиями о политических преобразованиях в империи: и политические партии, и группы стремились, в зависимости от ставимых ими целей и отстаиваемых интересов, дать преобладание той или иной трактовке федерализма. В 1873 г. в «Вестнике Европы», знакомя читателей с положением дел в Галиции, Драгоманов, характеризуя «народовцев» (галицийскую украинскую партию), писал:

Скорее можно видеть в галицийских народовцах один из зародышей, у австрийских народов, партии действительно будущей Австрии, чем партии, которая бы была готова прислуживаться и даже полагаться на какую-либо из существующих и силу имеющих в Австрии партий, не только централистической, но и федералистической. <...> галицийская народная партия желает федерализма не коронных земель, а народов в Австрии... (Драгоманов, 1908: 363).

Тем самым Драгоманов ситуативно выделяет два типа федерализма: (1) «федерализм земель» и (2) «федерализм народов». В первом случае речь идет об опоре на исторические права и привилегии: каждая из земель, входящих в состав владений дома Габсбургов, обладает своим особым статусом, и в рамках преобразования австрийского государственного строя пересмотр этих прав неизбежен, как он и происходил на протяжении всей предшествующей истории, — однако каждая из земель вступает в соглашение с центральным правительством, опираясь на свои особые права, и изменение в конце концов оказывается результатом соглашения, которое дает начало новому статусу данной земли. Во втором случае, случае «федерализма народов», логика универсального сочетается с логикой частного: «народы» мыслятся обладающими равными правами и именно это постулируемое равенство обосновывает пересмотр существующих прав земель, которые в этом случае трактуются как привилегии, т. е. преимущество, предоставляемое одним за

счет других и в политическом смысле означающее господство одних над другими; при этом подчиненный статус по отношению к имперскому центру компенсируется преобладанием в пределах «земли». Первый тип федерализма исторически оказывается эффективной основой сопротивления централизму, позволяя соединить интересы традиционных местных элит, которым угрожает центр, с новыми поднимающимися национальными силами, — однако в дальнейшем он сам оказывается «централистским» теперь уже на своем, местном уровне. Анализируя австрийский материал, Драгоманов писал в 1873 г.:

Не подлежит сомнению, что даже теперь приведение в исполнение требований т.н. «staatsrechtliche Opposition», т.е. федерализма коронных земель в Австрии, раздробив силы централистического бюрократизма и поставив лицом к лицу в каждой отдельной земле борющиеся народности, повело бы к постепенному торжеству федерализма народностей и федерализма демократического.

Но сильная доза централизма второй руки, которая присутствует в тенденциях земских федералистов, не малая доза феодализма, клерикализма, их неспетость и непоследовательность составляют причину неуспешности борьбы их с централистами и заставляют ожидать сформирования и союза между собою настоящих народно-демократически-автономных партий.

Во всяком случае в разных местах Австрии, из разных народов, не исключая и немцев, мы видим пока еще слабые ростки такой действительно демократической партии, которая логически должна прийти и к равноправию народностей, и к самоуправлению народных областей. Будет ли это народовластие более обеспечено новым разделением коронных земель по народностям или общим имперским законом о народностях и проведением принципа общинного и кантонального самоуправления, это покажет будущее... (Драгоманов, 1908: 364).

Украинская оптика, в особенности глубокое знакомство с галицийскими делами, делает Драгоманова чувствительным к диалектике «освободительного движения» и стремления к «национальной независимости»: польское национальное движение, стремящееся к достижению максимально возможной для себя политической свободы в пределах трех империй, между которыми была разделена Речь Посполитая, одновременно оказывается, в случае Австро-Венгрии, доминирующим над русинами и проводящим или по крайней мере пытающимся проводить политику «полонизации», типологически аналогичной политикам «русификации» и «германизации», осуществляемым различным образом

Российской империей в Западных губерниях и Царстве Польском и Германской империей в Великом герцогстве Познанском.

В связи с этим для Драгоманова на протяжении 1870-х – начала 1880-х гг. проблематика «федерализма» серьезным образом трансформируется: вопрос теперь не только и отчасти не столько в достижении «национальной самостоятельности», сколько в том, чтобы создать условия, не допускающие политического преобладания одной национальности над другой или, во всяком случае, создающие значимые гарантии для защиты «национальной самостоятельности» каждой из национальных групп.

В теоретическом плане федералистские построения Драгоманова являются довольно успешным опытом синтеза анархистского понимания «федерализма», воспринятого от Прудона и Бакунина, и конституционалистской, публично-правовой интерпретации последнего. Переходным звеном, позволяющим Драгоманову сочетать две теоретические традиции, служит политический и юридический индивидуализм — трактовка политических прав как в первую очередь прав человека и гражданина. Следует отметить, что Драгоманов далеко не сразу пришел к подобному пониманию: наиболее отчетливо оно зафиксировано в «Опыте украинской политико-социальной программы» (1884), тогда как ранее, в текстах 1870-х и начала 1880-х гг., он, стремясь обосновать националистические требования, выдвигает в некоторых случаях «национальность» как отдельный субъект, который сам по себе может мыслиться обладающим правами, а не как производную от прав лиц, объединенных в это сообщество (см., напр.: Драгоманов, 1882: 29). В анархистской трактовке «государство» противопоставляется «федерации» как два принципа организации социального порядка — «сверху вниз» или «снизу вверх» (см.: Шубин, 2007; Тесля, 2015), т. е. «федерация» понимается как неотчуждаемость суверенитета от конкретной личности: последняя лишь делегирует полномочия, входит в те или иные общественные союзы, сохраняя за собой право выхода из них, равно как и любой конкретный союз, входящий в другой, не поглощается им — иному союзу передается каждый раз ограниченная компетенция, а неограниченной компетенцией обладает лишь индивид в силу своего суверенитета. Как и в любой другой теории суверенитета, вопрос о праве не подменяет собой вопроса о возможности или о целесообразности, — в реальности для любого индивида крайне затруднена возможность реализовать свою суверенность, но данное понимание социального и политического выступает для Драгоманова в качестве нормативного

идеала: чем в большей мере приближается к нему конкретная практика, тем она предпочтительнее.

Наиболее обстоятельная проработка и изложение воззрений на проблематику федерализма и национализма осуществляется Драгомановым в начале 1880-х гг., когда он сначала сотрудничал в «Вольном слове»⁴, а затем и редактировал его. С начала 1880-х, во многом опира-

⁴Женевский журнал, издававшийся в 1881–1883 гг. «Святой дружиной». О характере сотрудничества Драгоманова в этом издании и его связях с антиреволюционной тайной организацией, основанной в апреле 1881 г. после убийства Александра II народолюбцами, имеется обширная литература. В историческом плане вопрос был поднят В. Я. Богучарским в 1912 г. и вызвал острую реакцию со стороны Б. А. Кистяковского и его единомышленников, стремившихся отрицать информированность Драгоманова о лицах, в действительности стоявших за изданием «Вольного слова». В дальнейшем в дискуссию вступил и зять Драгоманова, И. Д. Шишманов, опубликовавший в «Вестнике Европы» 1913 и 1914 гг. серию материалов, посвященных конституционалистским планам графа П. П. Шувалова, одного из ключевых деятелей «Святой дружины», ответственного за заграничную деятельность организации. Накал полемики был связан с тем обстоятельством, что Драгоманов с полным основанием рассматривался как один из предшественников конституционно-демократической партии («Партии народной свободы». — См.: Драгоманов, 1906: XXXV), а его политические сочинения в 1905–1906 гг. были изданы в парижской типографии «Освобождения»; публикацию начал П. Б. Струве, а после его возвращения в Россию, ставшего возможным по издании манифеста 17 октября 1905 г., продолжил Б. А. Кистяковский (Драгоманов, 1905; Драгоманов, 1906), в 1908 г. вместе с И. М. Гревсом уже в России издавший еще один том политической публицистики Драгоманова, не вошедшей в парижское издание (Драгоманов, 1908). Тем самым вопрос о сотрудничестве Драгоманова со «Святой дружиной» и степени сознательности подобного сотрудничества имел и актуальное политическое значение, со стороны эсеров (к которым принадлежал Богучарский) и других представителей социалистического лагеря воспринимаясь как свидетельство политической «двузначности» и «двуличности» либерального движения; в свою очередь для деятелей кадетского лагеря стремление оправдать Драгоманова от возводимых на него обвинений диктовалось необходимостью отстоять репутацию собственной партии и сохранить репутацию одного из основоположников незапятнанной. Этот контекст объясняет и специфический пафос масштабного исследования, предпринятого М. К. Лемке в самом начале 1920-х гг. и опубликованного только в 2012 г., — в контексте послереволюционного времени антиреволюционная деятельность Драгоманова и его готовность к сотрудничеству с аристократическими конституционалистами квалифицировалась как свидетельство о подлинной природе российского либерализма, готового перед угрозой «слева» пойти на сотрудничество с существующим режимом. Вопреки заключению В. Я. Лаверычева, подведенного в 1992 г. итоги историографического спора о «Вольном слове», сложно согласиться с воспроизводимым им по существу тезисом Лемке (уклонявшегося, впрочем, от однозначной квалификации Драгоманова): «Связи некоторых либеральных общественных деятелей типа М. П. Драгоманова и В. А. Гольцева и других с П. П. Шуваловым наглядно свидетельствуют не только о контрреволюционности российского либерализма, но и о его политической бесхребетности и бесплодности, связанной с неистребимой склонностью к сговору и тайным сделкам с абсолютизмом» (Лаверычев, 1992: 192). Если после работы Лемке можно считать доказанной осведомлен-

ясь на опыт практического обсуждения национальной проблематики в Австро-Венгрии, Драгоманов окончательно дистанцируется от принци-

пность самого Драгоманова о «Святой дружине» и о характере связей с ней «Вольного слова», то, с другой стороны, сама «Святая дружина», и в особенности позиция графа П. П. Шувалова представляется далекой от «провокации»: скорее, для Шувалова речь шла о том, чтобы, противодействуя всеми возможными силами революционному движению, добиться осуществления конституционных планов, отчасти созвучных Драгоманову. Так, в записке, поданной П. П. Шуваловым в мае 1881 г. графу Воронцову-Дашкову, прямо ставится цель: доведение «до конечной цели, ей логически указанной <...> совокупности коренных реформ» предшествующего царствования, поскольку в отсутствие народного представительства была бы «поставлена непреодолимая преграда нашей государственной жизни» (цит. по: Лемке, 2012: 41). Вместе с тем Шувалов утверждает, что осуществление подобной коренной реформы невозможно в текущий момент, поскольку «необходимо, чтобы введение нового порядка, идущего вразрез со всеми политическими преданиями русского правительства, *истекло из личной воли государя и признавалось знаком милости и доверия к народу, а не последствием каких бы то ни было требований или опасений* (выделено нами. — А. Т.)» (цит. по: там же: 41–42). Из этого вытекает двоякая программа: сначала введение чрезвычайных мер, непременно кратковременных («шесть месяцев, год — не более» — цит. по: там же: 45), а затем, когда сила правительства будет доказана, когда чрезвычайные меры приведут «к гибели анархистов и к успокоению благонамеренных граждан» (цит. по: там же), государь дарует народное представительство — даровать же последнее немедленно означало бы не привести к успокоению, а лишь усугубить смятение. Понятно, что между воззрениями графа Шувалова и Драгоманова была существенная разница, не исключавшая добросовестного сотрудничества с обеих сторон, — тем более, как пояснял Шувалов в докладе Исполнительному комитету «Святой дружины» осенью 1881 г. (включавшему, отметим, людей весьма различных воззрений, в том числе принципиально несогласных с любыми конституционалистскими проектами), «следует, по крайней мере на время, сузить район действия и ограничиться облавой на террористов, но такой облавой, в которой загонщиками были бы все, решительно все, конечно, за исключением самих революционеров. Допустив сию первую посылку, т. е. *необходимость некоторой снисходительности к нетеррористической оппозиции* (выделено нами. — А. Т.), казалось бы возможным заручиться участием огромного большинства населения...» (цит. по: там же: 87–88, ср. выписку из дневника В. Н. Смельского от 10 ноября 1881 г. о заседании Исполнительного комитета «Святой дружины», на котором обсуждалась амнистия для эмигрантов и административно-ссылных, — описывая реакцию членов комитета, Смельский пишет: «тогда, по их уверению, агитация крамольников умалится и, присоединившись к ним из партии умеренных, отступятся от террористов, и слаба будет партия крамольников» — цит. по: там же: 171). Национальные взгляды Драгоманова не служили значительным препятствием, поскольку, в глазах по крайней мере части членов Исполнительного комитета «Святой дружины», они не могли стать реальной силой. Так, в сообщении от 10 мая 1882 г. говорилось: «Нет сомнения, что украинofilы представляют из себя революционный элемент весьма преступный главным образом ввиду их стремления к национальной самостоятельности. Но вместе с тем следует сознаться, что это стремление, возмутительное для каждого русского, не представляет ни малейшей практической опасности. Отделение же украинofilов от общества „Народной воли“ не преминет ослабить революционное движение и главным образом террористическую партию» (там же: 428).

па «национального государства» как желаемой цели, поскольку исходит из невозможности образования национально-гомогенной территории — множественность национальных групп и их сосуществование на одной и той же территории принимается им как нормальное состояние, которое не только невозможно, но и не следует стремиться преодолеть. В связи с этим исходным образцом для проектируемого им областного разделения России выступает Швейцария, — комментируя составленный им «Опыт...», Драгоманов отмечает:

Вообще в пояснение и оправдание предлагаемого здесь на суд общества проекта областного разделения России можно сказать, что оно больше соответствует разделению Швейцарии, чем тому, к которому стремятся национальные политики Австрийской Империи: в Швейцарии живет население трех крупных национальностей: французской, немецкой и итальянской, и двух малолюдных разновидностей романского племени (так называемые ретороманцы в кантоне Граубюнденском) — и все эти национальности пользуются в своем месте полными правами, но в политическом отношении население швейцарское сгруппировано не в национальные области, а в кантоны, из которых многие имеют смешанный национальный состав (Драгоманов, 1905: 316–317).

В связи с этим на передний план выходит проблематика представительства и защиты прав меньшинств — как национальных, так и иного рода⁵. Драгоманов обсуждает различные юридические способы достижения желаемого результата, и, в частности, обращается к опыту «корпоративного» представительства («чтобы избирательные сходы были составлены из лиц близких местностей, а также однородных занятий, например, землевладельцы и земледельцы, ремесленник и торговцы, люди духовных занятий (так называемых профессий) и т. п.»: там же: 320) и первым опытам модификации избирательных систем в направлении пропорционального представительства:

⁵В 1884 г. он пишет: «желательно было бы, чтобы, не отступая от положения, что каждый гражданин должен иметь право непосредственного голоса, наши избирательные законы не сгоняли бы избирателей в чисто механические массы...» (Драгоманов, 1905: 320), отмечая с присущим ему доктринерством, «что старая народовольческая фразеология в Западной Европе сделалась теперь достоянием только отсталых в политическом образовании кружков да партии бонапартистов, которая <...> называет себя теперь „партией народного опроса“ (appel au peuple). Вообще же старая идея народного самодержавия разделила в наш век участь других самодержавий, духовных и светских, и заменилась идеей о *свободном государстве*, управляемом при всеобщем контроле и всеобщем участии в направлении общественных дел, но с гарантиями свободы лиц и групп, и даже политических меньшинств...» (там же: 369–370).

Понемногу оно входит в практику свободных стран, так, напр[имер], оно уже существует в Англии, по закону 1867 г., по которому в округах, где выбирается более 3 депутатов, никакой избиратель не может подавать голос более чем за двух кандидатов, так что меньшинство имеет всегда по крайней мере одного представителя на 3 выборных от большинства (там же).

Уже в 1880 г. Драгоманов отчетливо формулировал, что приоритетом для него является «политическая свобода» (мыслимая как политическая свобода лица, от которой производными являются все иные, коллективные формы политической свободы), а не конституционное правление само по себе. В предисловии к публикации письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю 1847 г., полемически заостренному в адрес И. С. Тургенева, Драгоманов писал:

... люди, сознающие себя украинцами, каких бы философских, политических и социальных мыслей они ни были, одинаково заинтересованы в *устранении* в России *административного произвола*, или иначе в *установлении политической свободы*. Говорим *политической свободы*, а не *конституционного образа правления*, потому что это не одно и то же: политическая свобода — это значит, прежде всего, *свобода лица*, его веры, равно как и неверия, его национальной жизни, его слова, его группирования с другими, а самодержавный парламент, известным образом составленный, может всего это и не дать, как и самодержавный государь, и даже по большей части не дает, особенно в централизованных государствах. В частности относительно России мы почти вполне уверены, что Земский Собор Империи сохранит преобладание великорусской народности и интересов центральных московских провинций над всеми другими, особенно в вопросах школьных и экономических (напомним поведение парламентского большинства в Берлине относительно Познани и Эльзаса, в Вене и Пеште относительно славян, во Львове относительно русинов. — М. П. Драгоманов). А потому для нас, как для украинцев, также интересно ограничение власти и центрального земского собора провозглашением неприкосновенности *личных прав* (в число которых входят и национальные) и организацией *местного самоуправления*: общинного, уездного, губернского, областного, как и ограничение произвола царского. И так как только при этих двух условиях и возможна какая-либо действительная политическая свобода, то мы надеемся, что, по крайней мере, известная часть друзей свободы и среди великоруссов, особенно из окраинных губерний, поддержит эти требования неприкосновенности личных прав и широкой местной свободы, *без которых для невеликорусских народностей и в конституционной России жизнь останется почти так же невыносима, как невыносима она и в России царского самодержавия* (выделено нами. — А. Т.). Само собою разумеется, что к так поставленному вопросу о политической свободе в России должны отнестись с сочувствием и поддержкою все люди

не славянских «окраин» ее: литовцы, латыши, эсты, румыны, кавказцы, а также славяне-поляки, которые до сих пор считали более согласною с своими интересами программу не федерализма, а сепаратизма, при своего рода централизме, и даже финляндцы, которых местная жизнь всегда будет менее стесняема федеральною, чем централизованною Россией (Драгоманов, 1906: 248–249).

Год спустя, в приложении к украинскому сборнику «Громада», «Вільна Спілка — Вольный Союз», Драгоманов отмечал, что федерализация соответствует интересам не только нерусских народностей империи, но и великоруссов/русских по меньшей мере по двум причинам:

во-первых (довольно предсказуемо), выставляя принцип «за вашу и нашу свободу», поскольку «без широкого приложения федеративного принципа, т. е. без привлечения к борьбе и нерусских элементов России и родственных им заграничных элементов, невозможна победа над русским самодержавием, а вместе с тем [мы] убеждены и в том, что без местного самоуправления и федерации невозможна политическая свобода нигде, а особенно в России» (там же: 337);

во-вторых, представляя более сложный аргумент — что между существующим политическим порядком и объективной сложностью империи наличествует напряжение, которое будет только возрастать. «Централизованная российская монархия, самодержавная или парламентская» является, на его взгляд, нелепостью, но такой же нелепостью будет и «централизованное всероссийское „народное государство“ (Volksstaat)» (там же: 339), — политическая реальность не позволяет вполне и достаточно эффективно применить к Российской империи принципы национального государства, преобразовать первую в последнее. Но если так, то неизбежны «уступки началу местной свободы»: империя будет вынуждена делать изъятия для окраин, как не великорусских, так и великорусских (Драгоманов подразумевает в данном случае Сибирь), — однако противоречие с исходным принципом, стремлением к централизации, и делаемыми уступками приведет объективно к росту сепаратистских настроений — т. е. de facto централизация — все равно, самодержавная, конституционная или республиканская, — окажется стимулирующей рост центробежных сил: «При малейшей же уступке началу местной свободы, даже великорусские окраины России оттянутся от центра, а не-великорусские населения запада и юга тотчас почувствуют, что их нравственные и экономические интересы в массе случаев гораздо больше влекут их к их соплеменникам, находящимся вне России, чем к нынешнему государству и его населению. Всякой

несвоекорыстный и дальновидной политической и социальной партии в России гораздо лучше наперед иметь в виду это неизбежное центроудалительное движение в населении этого государства и сообразоваться с ним, чем не признавать его или даже противиться ему»⁶ (там же).

В первой половине 1880-х гг. теоретические взгляды Драгоманова обрели продуманность и законченность — но именно на это время приходится низшая точка общественного внимания к его публицистике в Российской империи (см.: Тесля, 2016). Как писал он в 1892 г., «настоящее время <...> представляет своего рода антракт в общественной жизни России» (Драгоманов, 1892: VIII). Вновь востребованными они оказались на волне общественно-политического подъема начала XX века, однако при этом вне поля зрения оказались именно оригинальные и продуктивные идеи Драгоманова — в первую очередь внимание нового поколения привлекала проблематика политических прав и попытка сочетания либерализма с социализмом, на что обращали внимание редакторы парижского издания его сочинений. Б. А. Кистяковский, сын товарища Драгоманова по профессорской корпорации университета св. Владимира, А. Ф. Кистяковский, и сам хорошо знавший его в последние годы жизни, когда Драгоманов преподавал в Софии, отмечал в предисловии ко 2-му тому «Сочинений», вышедшему в 1906 г. в Париже, что тот «не считал нужным настаивать *в данный момент*» на национально-территориальной автономии Украины (Драгоманов, 1906: XLVIII), — иными словами, возвращался к логике образования гомоген-

⁶Уже в 1873 г., обращаясь к австрийской ситуации, Драгоманов писал в «Вестнике Европы»: «Славянофильство для славянофильства, братство для братства, федерализм для федерализма может занимать двух-трех дилетантов; для того же, чтобы какая-нибудь политическая сила сделала из этих идей свою программу, надо чтоб она видела в том свою выгоду, — чтобы кто-нибудь выступил в спор с другим, надобно, чтоб этот спор представлял практический интерес» (Драгоманов, 1908: 341). Стремясь добиться продуктивного соглашения с русскими либералами, Драгоманов отмечал, что целью украинского национального движения является национальная самостоятельность, которая либо может реализовываться в виде самостоятельного государственного сосуществования, либо в рамках федерации. Вопрос о том, какой вариант является предпочтительным и к чему надлежит стремиться, есть вопрос конкретный: «Поэтому-то украинским деятелям и благоразумнее по политическому вопросу усвоить программу не *сепаратистическую*, а *федералистическую*, в каждом государстве — в России, в Галиции, в Буковине, в Венгрии — сообразную с местными условиями и в союзе с местными демократическо-федеральными элементами. Политическую цель украинцев, таким образом, является не только получение автономии для себя, но и превращение государств, которыми они поработены, в одну или несколько федераций, удобных для всех и слабых, и сильных племен» (Драгоманов, 1906: 247).

ной национальной территории как цели украинского национального движения, оставляя в стороне собственно федералистскую программу Драгоманова. А о том, сколь чуждой и малознакомой представлялась собственно федералистская проблематика большей части русского образованного общества накануне крушения Российской империи, шла речь в начале данной статьи: ключевые проблемы, занимавшие мысль Драгоманова в 1870–1880-х гг., так и остались не только невоспринятыми, но и в большинстве случаев незамеченными.

Источники

- Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. — Берлин : Изд-во З. И. Гржебина, 1923.
- [*Драгоманов, М. П.*] «Народная Воля» о централизации революционной борьбы в России. — Женева, 1882. — (Отдельн. оттиск из «Вольного слова» №№ 37 и 38).
- Драгоманов М. П.* Историческая Польша и великорусская демократия. — Женева : Типография «Работника» и «Громады», 1883.
- Драгоманов М. П.* Предисловие // Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / с объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. — Женева : Украинская типография, 1892. — С. v–xii.
- Драгоманов М. П.* Собрание политических сочинений. Т. 1. — Paris, 1905.
- Драгоманов М. П.* Собрание политических сочинений. Т. 2. — Paris, 1906.
- Драгоманов М. П.* Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины / под ред. И. М. Гревса, Б. А. Кистяковского. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908.
- Пазухин А. М.* Современное состояние России и сословный вопрос. — В Университетской типографии (М. Катков), 1886.

ЛИТЕРАТУРА

- Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. iv. Триумф центристского либерализма, 1789–1914 / под ред., пер. с англ. и коммент. Н. Проценко. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Грушевский М.* Миссия Драгоманова / пер. с укр. А. А. Тесли. — 2014. — URL: <http://geftr.ru/archive/12962> (дата обр. 15.01.2017).
- Заславский Д. М. П.* Драгоманов. Критико-биографический очерк. — Киев : Сорбкоп, 1924.
- Заславский Д. М. П.* Драгоманов (К истории украинского национализма). — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934.

- Засулич В. И.* Воспоминания. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931.
- Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та., 1968.
- Лаврычев В. Я.* Конституционализм или мистификация. (Полемика о «Вольном слове» в 1912–1914 гг.) // Отечественная история. — 1992. — № 2. — С. 184–194.
- Лемке М. К.* Святая дружина Александра III. (Тайное общество борьбы с крामолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина ; в подг. Б. В. Ананьича [и др.] ; при уч. Е. А. Андреевой, Е. И. Носовой. — СПб. : Лики России, 2012.
- Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Тесля А. А.* Народнический национализм Михаила Драгоманова (1860-е – 1-я пол. 1880-х гг.) // Вопросы национализма. — 2014. — № 19. — С. 152–164.
- Тесля А. А.* О понятии «федерализм» в социально-политических теориях М. А. Бакунина // Социологическое обозрение. — 2015. — Т. 14, № 3. — С. 136–152.
- Тесля А. А.* Национально-политические взгляды М. П. Драгоманова 1888–1895 гг. // Социологическое обозрение. — 2016. — Т. 15, № 1. — С. 94–111.
- Хрипаченко Т. И.* Понятия «федерация», «децентрализация», «автономия» в социалистическом и либеральном дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX века) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода : в 2 т. Т. II / под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 99–142.
- Христофоров И. А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) — М. : Собрание, 2011.
- Чичерин Б. Н.* Очерки Англии и Франции. — М. : Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Тип. Э. Барфкнехта и Комп., 1858.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. — М. : Издательство им. Сабашниковых, 2010.
- Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век» теории. — М. : Новое литературное обозрение, 2007.
- Яценко А.* Что такое федеративная республика и желательна ли она России? — М. : Тип. Т-ва Рябушинских, 1917.

Teslya, A. A. 2017. "Federalizm M. P. Dragomanova [Federalism of M. P. Dragomanov]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 72–90.

Andrey Teslya

PACIFIC NATIONAL UNIVERSITY (Khabarovsk)

THE FEDERALISM OF M. P. DRAGOMANOV

Abstract: Mikhail (Mikhaylo) Petrovich Dragomanov (1841–1895) is one of the most eminent persons of so-called "liberation movement" in the Russian Empire, one of the key figures in the history of the Ukrainian national movement of the XIX century, the famous historian and the ethnographer. Due to various circumstances, in the XX century his contribution to the development of Russian social thought was relatively underestimated — in particular — his works on federalism stayed out of focus of researchers attention. In these works he sought not only to apply the existing theories to the conditions of the Russian and Austro-Hungarian empires, but he comes from specific problems, for example, the issues generated by the national movements of the so-called "Young nations", to reconsider existing theoretical models. In our opinion of special interest represent the his attempt to connect anarchist and public-legal understanding of federalism, to establish a constitutionalist project on the rights of man and citizen. Dragomanov's attention to federalist problems is clearly concentrates from the beginning of the 1870s, however his theoretical views reach completeness of development in 1882–1884 in the context of the discussion of the program of the "Zemsky's Union" (fictitious organization, the provocative project of the Sacred Druzhina) and the experience of applying the basic provisions of the latter to Ukrainian conditions. Sensitively reacting to the current Western European political agenda and seeking to carry out broadcast of an urgent perspective in the Russian social thought Dragomanov in the context of elaboration of the federalistic project especially stops on questions of protection of the rights of minorities, representations of the last, opportunities to combine the territorial principles of the political organization and national heterogeneity. The proposed approaches of him to federal problems were far from being fully claimed by the Russian constitutional discussions of the beginning of the XX century including within the Ukrainian national movement, however they are of great interest as experience of estimation of a possible way of transformation of imperial orders in the conditions of transition to a late modernist style.

Keywords: Autonomism, Anarchism, Constitutionalism, Nationalism, Regionalism, Federalism, Ukrainophilism.

REFERENCES

- Aksel'rod, P. B. 1923. *Perezhitoye i peredumannoye. Kn. 1 [Experiences and Reflections. Book 1]* [in Russian]. Berlin: Izd-vo Z. I. Grzhebina.
- Chicherin, B. N. 1858. *Ocherki Anglii i Frantsii [Essays on England and France]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdaniye K. Soldatenkova i N. Shchepkina. Tip. E. Barfknekhta i Komp.
- . 2010. *Moskva sorokovykh godov. Puteshestviye za granitsu [Moscow of the 1840s. Travelling Abroad]* [in Russian]. Vol. 1 of *Vospominaniya [Memories]*. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh.
- [Dragomanov, M. P.] 1882. "Narodnaya Volya" o tseentralizatsii revolyutsionnoy bor'by v Rossii ["Narodnaya Volya" on the Centralization of the Revolutionary Struggle in Russia] [in Russian]. Zheneva.

- Dragomanov, M. P. 1883. *Istoricheskaya Pol'sha i velikoruskaya demokratiya [Historical Poland and Great-Russian Democracy]* [in Russian]. Zheneva: Tipografiya "Rabotnika" i "Gromady".
- . 1892. "Predisloviye [Preface]" [in Russian]. In *Pis'ma K. Dm. Kavelina i Iv. S. Turgeneva k Al. Iv. Gertsenu [The Letters By K. Kavelin and I. Turgenev to A. Herzen]*, v–XII. Zheneva: Ukrainskaya tipografiya.
- . 1905. *Sobraniye politicheskikh sochineniy [Collected Political Works]* [in Russian]. Vol. 1. Paris.
- . 1906. *Sobraniye politicheskikh sochineniy [Collected Political Works]* [in Russian]. Vol. 2. Paris.
- . 1908. *Tsentr i okrainy [Center and the Outskirts]* [in Russian]. Vol. 1 of *Politicheskiye sochineniya [Political Works]*, ed. by I. M. Grevs and B. A. Kistyakovskiy. Moskva [Moscow]: Tip. T-va I. D. Sytina.
- Grushevskiy, M. 2014. "Missiya Dragomanova [The Dragomanov's Mission]" [in Russian]. Accessed 01/15/2017. <http://gefter.ru/archive/12962>.
- Khripachenko, T. I. 2012. "Ponyatiya 'federatsiya', 'detsentralizatsiya', 'avtonomiya' v sotsialisticheskom i liberal'nom diskursakh Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX veka) [The Concepts of 'Federation', 'Decentralization', 'Autonomy' in Socialist and Liberal Discourses of Russian Empire (the End of XIX – Beginning of XX Century)]" [in Russian]. In *"Ponyatiya o Rossii": K istoricheskoy semantike imperskogo perioda [Concepts of Russia: Toward a Historical Semantics of the Imperial Period]*, ed. by D. Sdvizhkov and I. Shirle, II: 99–142. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Khristoforov, I. A. 2011. *Sud'ba reformy [The Fate of a Reform]: Russkoye krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-ye gg.) [The Russian Peasantry in Government Policy before and after the Abolition of Serfdom]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sobraniye.
- Laverychev, V. Ya. 1992. "Konstitutsionalizm ili mistifikatsiya. (Polemika o 'Vol'nom slove' v 1912–1914 gg.) [Constitutionalism or Mystification (The Debates on 'Vol'noye Slovo' in 1912–1914)]" [in Russian]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 2: 184–194.
- Pazukhin, A. M. 1886. *Sovremennoye sostoyaniye Rossii i soslovnyy vopros [Current State of Russia and the Problem of Estates]* [in Russian]. V Universitet-skoy tipografii (M. Katkov).
- Polunov, A. Yu. 2010. *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii [K. P. Pobedonostsev in Political and Spiritual Life of Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN).
- Shubin, A. V. 2007. *Sotsializm. "Zolotoy vek" teorii [Socialism. "Golden Age" of Theories]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Teslya, A. A. 2014. "Narodnicheskyy natsionalizm Mikhaila Dragomanova (1860-ye – 1-ya pol. 1880-kh gg.) [The Narodnik Nationalism of Mikhail Dragomanov (the 1860s – First Half of the 1880s)]" [in Russian]. *Voprosy natsionalizma*, no. 19: 152–164.
- . 2015. "O ponyatii 'federalizm' v sotsial'no-politicheskikh teoriyakh M. A. Bakunina [On the Concept of 'Federalism' in Socio-Political Theories of Mikhail Bakunin]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* 14 (3): 136–152.
- . 2016. "Natsional'no-politicheskiye vzglyady M. P. Dragomanova 1888–1895 gg. [The National-Political Views of M. P. Dragomanov in 1888–1895]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* 15 (1): 94–111.
- Vallersteyn, I. [Wallerstein, I.] 2016. *Triumf tsentrist-skogo liberalizma, 1789–1914 [Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914]* [in Russian]. Vol. IV of *Mir-sistema Moderna*

- [*The Modern World-System*], ed., trans. from the English, and comm. by N. Protsenko. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Yashchenko, A. 1917. *Chto takoye federativnaya respublika i zhelatel'na li ona Rossii?* [*What is Federative Republic and Is It Advisable for Russia?*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tip. T-va Ryabushinskikh.
- Zakharova, L. G. 1968. *Zemskaya kontrreforma 1890 g.* [*Zemstvo Counter-Reform of 1890*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Zaslavskiy, D. 1924. *M. P. Dragomanov. Kritiko-biograficheskiy ocherk* [*M. P. Dragomanov: The Critico-Biographical Sketch*] [in Russian]. Kiyev [Kiev]: Sorabkop.
- . 1934. *M. P. Dragomanov (K istorii ukrainskogo natsionalizma)* [*Towards the History of Ukrainian Nationalism*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
- Zasulich, V. I. 1931. *Vospominaniya* [*Memories*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

TRANSLATIONS

Пассерен д'Антрев, А. Понятие Государства. Введение в политическую теорию / пер. А. М. Волговой, под ред. А. В. Мареев // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 93–110.

Алессандро Пассерен д'Антрев. «Понятие государства: введение в политическую теорию». Введение. Перевод на русский и комментарий

Аннотация: Книга Алессандро Пассерена д'Антрева (1902–1985) «Понятие государства» вышла первым изданием по-итальянски в 1962 году и сразу же обрела известность в научном мире. В 1967 году она была переведена на английский, в 1969 — на французский, в 2001 — на испанский. Данный перевод впервые знакомит отечественного читателя с фрагментом знаменитого труда А. Пассерена д'Антрева. В сопроводительной статье дается краткая справка о биографии автора, перечисляются его основные работы. В основе «Понятия государства» лежит исследование проблемы политического обязательства: как и почему люди начинают повиноваться решениям государства? Введение к работе «Понятие государства», в свою очередь, представляет собой стилистически завершенный очерк по политической семантике. В этом тексте А. Пассерен выделяет три основных ипостаси государства — силу, власть и авторитет, — и определяет их отличительные особенности. Силу он трактует как возможность государства принуждать граждан к исполнению своих велений за счет грубого насилия; власть понимается им в смысле легализованной силы, то есть, принуждение, основанное на законе и на праве; авторитет предстает в качестве основы легитимного господства государства. Подчеркивается необходимость комплексного исследования каждого из этих трех терминов в связи с двумя другими.

Ключевые слова: государство, сила, авторитет, власть, перевод.

Имя Алессандро Пассерена д'Антрева (1902–1985), к сожалению, мало что говорит отечественному читателю. Между тем, это один из наиболее влиятельных историков политической философии и политических теоретиков прошедшего столетия, соединивший в своем творчестве достижения континентальной и англо-саксонской науки. Его книга «Понятие государства», введение к которой приводится в этой публикации, составила значимую альтернативу господствовавшим в то время произведениям, созданным в рамках неогегельянской и нормативистской методологий и сразу же заняла значимое место в европейской политико-философской традиции. На русский язык она, между тем, никогда не переводилась.

Алессандро Пассерен д'Антрев* родился в начале XX столетия в Турине. В университет он поступил там же, на юридический факультет.

* Обзор биографии Алессандро Пассерена д'Антрева дается с опорой на статьи Sam-
pione, 1997: 788 и Silvestri, 2015.

Конец 10-х и 20-е годы прошлого века были золотым веком Туринского университета — молодой Алессандро учился у Каэтано Моска, Луиджи Эйнауди, Джоэле Солари, под руководством которого защитил диплом по философии права Гегеля. Вскоре после выпуска, благодаря стипендии, найденной для него Л. Эйнауди, Пассерен д'Антрев на три года уехал в Англию, в Оксфорд, что, во-многом, определило его дальнейшую судьбу. В Оксфорде он пробыл 3 года (1926–1929), участвуя в работе научного семинара А. Дж. Карлайля — знаменитого медиевиста и на тот момент уже одного из двух авторов прославившей его «Истории средневековой политической мысли на Западе» (R. W. Carlyle, A. J. Carlyle, 1903). Работу в этом семинаре Пассерен д'Антрев вспоминал впоследствии с благодарностью, отмечая, что без знакомства с Карлайлем «Понятие государства» никогда не появилось бы на свет (Passerin d'Entreves, 1969b: VII). Также в этот период (1928) он провел стажировку в Берлинском и Венском университетах, где, среди прочих, слушал лекции Фридриха Майнеке, Карла Шмитта и Ганса Кельзена. В 1932 году Пассерен д'Антрев защитил в Оксфорде докторскую степень по философии.

Период с середины 30-х и до середины 40-х годов Пассерен д'Антрев провел в Италии, где сначала преподавал в университете Мессины, а затем участвовал в партизанском антифашистском движении в районе своего родного Турина и Валь д'Аосты.

После войны, в 1945 году, итальянский ученый был приглашен в Оксфорд, где в течение шести лет занимал позицию профессора итальянского языка в колледже Серена. В это время он читал в Оксфорде курсы лекций по истории итальянского языка и литературы, пристально изучал Данте, прежде всего, с точки зрения его политических воззрений, исследовал политическое богословие Фомы Аквинского. Результатом этих его исследований стало его введение к английскому переводу трактата «О правлении князей» Аквината (Dawson, 1948), а также вызвавшее серьезный резонанс в академическом мире исследование по естественному праву (Passerin d'Entreves, 1951). В этот же период он, по всей видимости, знакомится с Дж. Р. Р. Толкиеном, занимавшим в Оксфорде позицию профессора английской литературы в колледже Мертон.

В 1957 году, после академического года, проведенного в университетах Гарварда и Йеля, Пассерен д'Антрев возвращается в Турин, где занимает должность профессора политической теории. Через несколько лет после этого выходит первое, итальянское, издание «Понятия государства», в основу которого ложатся наработки, сделанные ученым в

Великобритании и США. В течение последующих семи лет выходят еще три издания этой работы — два на английском и одно на французском (Passerin d'Entreves, 1967; 1969a,b), а ее автор становится известен не только как историк средневековой политической мысли, но как самостоятельный политический мыслитель. В основу «Понятия государства» ложатся размышления Пассерена д'Антрев о проблеме политического обязательства, попытка его ответить на вопрос о том, что заставляет людей повиноваться приказам государства. Отдельно стоит отметить тот факт, что все издания «Понятия государства», вышедшие после итальянского — первого, — представляют собой авторизованные самим Пассереном версии, в которые им вносились правки и дополнения.

Последующие годы Пассерен д'Антрев проводит, в основном, в Турине, где к 1969 году добивается создания первого в Италии факультета политологии, на котором он сам возглавляет кафедру политической философии. Умирает он в 1985 году, в Турине, в собственном доме.

Полное название «Понятие государства» («Понятие государства: введение в политическую теорию») отсылает читателя к первой знаменитой работе автора — «Естественное право: введение в философию права», вышедшей десятью годами ранее и, также как «Понятие государства» выдержавшей ряд переизданий. При ближайшем рассмотрении, однако, становится понятно, что перед нами полностью автономное исследование, центрированное вокруг проблематики политического обязательства. Обратившись к этому феномену, Пассерен д'Антрев выявил три основных фактора, заставляющих людей выполнять предписания государства. Первым из них стала грубая принуждающая *сила*, которой государство вынуждает людей к подчинению, вторым — *власть*, которую автор определил как легальные механизмы принуждения, действие государства как правовой системы, третьим же стал *авторитет*, то есть, основной источник легитимности государства и его установлений.

Такая постановка вопроса обусловила как структуру книги (она разделена на три части, озаглавленные «Мощь», «Власть», «Авторитет», каждая из которых, в свою очередь, делится на главы), так и методологическую ориентацию ее автора. В основу своего исследования Пассерен д'Антрев кладет инструментарий истории понятий, превращая привычную нам политическую теорию в увлекательное путешествие по политической семантике и политической герменевтике. Каждое из трех выбранных понятий раскрывается автором через серию иных, позволяющих полнее увидеть и понять их. Для «мощи» ключевыми

оказываются концепты «государственного интереса» (*raggione di Stato*) и «политического реализма», для «власти» — «правления права», «легальности» и «суверенитета», для «авторитета» — «легитимности», «общего блага», «негативной и позитивной свободы».

Подобная методологическая особенность книги заставляет предельно внимательно отнестись к ней при переводе. Английский язык (впрочем, как и итальянский) далеко не во всем совпадает с русским, у нас разные понятийные категории и по-разному развит политический лексикон. И если при переводе стандартного политологического текста, зачастую, оказывается достаточным просто адекватно передать его содержание, то в данном случае необходимо вдумываться в авторскую терминологию и пытаться сохранить еще и форму, несущую не меньшую смысловую нагрузку, чем содержание. Вместе с тем, представляется очевидным, что перевод «Понятия государства» на русский язык необходим отечественной политической философии и теоретической политологии, обращающейся, в последние два десятилетия, в сторону политической герменевтики и концепт-анализа основных смысловых единиц политического поля. Во многом именно из-за методологической сложности перевода и из-за необходимости продумать и отработать технику передачи языка Пассерена д'Антрев на русский, мы выбрали для первой публикации введение к его книге. В дальнейшем работа над переводом «Понятия государства» будет продолжена и, можно надеяться, что в ближайшем будущем мы увидим эту книгу в русском ее издании.

А. М.

АЛЕССАНДРО ПАССЕРЕН Д'АНТРЕВ

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА. ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ**

ВВЕДЕНИЕ

С момента рождения до момента смерти мы сталкиваемся с бесчисленными силами, которые разрушают или защищают течение нашей жизни

** © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: Болгова Алеся Михайловна (alice.bolgova@gmail.com), под ред. А. В. Мареев. Оригинал: *Passerin d'Entrevès, A. The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. Oxford : Clarendon Press, 1967. P. 1–11.*

и часто определяют нашу судьбу. Некоторые из этих сил оказываются полностью вне нашего контроля — к примеру, некоторые силы природы. Другие, напротив, являются результатом стечения обстоятельств, созданных нами самими или же другими — иногда намеренно, иногда нет. Самые многочисленные из этих обстоятельств — те, которые в любой момент могут вынудить нас совершать определенные поступки или препятствовать совершению других. Наиболее строгими, наиболее часто встречающимися обстоятельствами являются те, которые обычно ассоциируются с понятием таинственной, но вездесущей сущности, неопределенной и одновременно деспотической и непреодолимой власти: понятием государства.

Предположим, что мы зададим вопрос первому встречному и спросим его, существуют ли государства. Этот человек посмотрит на нас удивленно, предполагая, что мы его дурачим. Однако если мы попросим его объяснить, что такое государства, то в том случае, если он не был воспитан на книгах и исследованиях, которые обеспечили его готовым определением, он столкнется с трудностями при попытке дать краткое и ясное определение значения слова, которое ему, разумеется, знакомо и с которым он сталкивается каждый день в разговорах, на работе и при любом роде деятельности, в который он может быть вовлечен как человек и гражданин.

Попробуем рассмотреть значение самого этого слова, используемого в обиходе и известного нам из личного опыта. После минутного раздумья можно предложить следующие характерные высказывания:

(а) Слово «государство» обычно ассоциируется с понятием силы, внешней по отношению к индивидуальной воле, превосходящей ее и способной не только отдавать приказы, но и принуждать к их исполнению.

(б) Тот факт, что понятие государства ассоциируется с повелевающей и превосходящей силой, которая оказывается привилегией исключительно ее приказов, а не чьих-либо других, не означает, что эта сила непостижима и случайна. Напротив, понятие государства тесно связано с властью, которая осуществляется в соответствии с определенной процедурой, правила которой известны или, во всяком случае, познаваемы.

(в) Признание этой власти как осуществляющейся в соответствии с определенными правилами влечет за собой признание обязательств следовать этим правилам. Слово «государство» в этом смысле обеспечивает круг полномочий для этих обязательств. Это относится не только к силе, которая существует в действительности, или к власти, которая проявляет себя в соответствии с определенными правилами, но

и к авторитету, который признается на практике как правомочный и оправданный.

Эти три высказывания соответствуют трем возможным подходам к проблеме государства, и все три позиции были выдвинуты на передний план и утвердились на протяжении долгого периода анализа проблемы.

Когда мы рассматриваем существование государства с чисто фактической точки зрения, наибольшее наше внимание сначала привлекает значимость силы. Государство существует в той степени, в какой существует сила, которая носит его имя. Отношения государства и индивидуума, так же как и отношения государств между собой, суть отношения принуждения. Государство обычно наивно представляется в виде полицейского и сборщика налогов, которые следят за порядком и обеспечивают мирное сосуществование людей. Также оно представляется в виде больших армий, мощных вооружений и крепостей, заложенных чтобы защищать и сохранять это сосуществование в противовес внешним опасностям, исходящим из потенциальных угроз «силы» других государств.

С другой стороны, когда мы рассматриваем, каким образом представлена эта сила, считающаяся неотъемлемо присущей государству, и когда мы наблюдаем тот особый и значительный факт, что эта сила, будучи неотъемлемым свойством государства, никогда не может или не должна иметь случайный характер, — тогда государство тяготеет к представлению в виде сборника норм и правил, контролирующих не только сосуществование индивидов, но и существование самого государства. Сила эта — больше не просто сила: это «квалифицированная» сила, которая выражена регулярно и единообразно. Она осуществляется «во имя определенных норм и правил» — тех самых правил, утвержденных государством и составляющих его особую ответственность.

Таким образом, понятие закона оказывается тесно связанным с понятием государства. Но слово «закон» используется здесь в смысле, отличном от того, который мы вкладываем в него, говоря о физических законах, или так называемых законах природы. Это не вопрос фактического единообразия и регулярности, независимых от воли человека. Эти законы сотворены людьми — людьми, которые их установили и желали установить «порядок» в отношениях друг с другом для достижения определенных целей: прежде всего, для мирного сосуществования, которое необходимо, чтобы эти цели были в принципе осуществимы.

Тесная связь государства и права, однако, не разрешает множества проблем, возникавших относительно самого понятия государства в умах тех, кто с древнейших времен размышлял о нем.

Государство — это сила, но сила правомочная, выступающая «во имя закона». В то же время законы сами по себе, как мы убедились, созданы людьми. Они могут исключить случайный характер силы, но сами могут оказаться случайными. Что может сделать их обязательными? Только тот факт, что они навязаны государством? Но если бы это было так, нам бы следовало снова идентифицировать государство с силой, в то время как в реальности тот факт, что мы относим законы к государству, чтобы оправдать их обязательный характер, означает, что мы добавляем дополнительное ограничение (свойство) к силе государства: это сила, выступающая в соответствии с законом — с законом, который является обязательным, потому что установлен государством. Это порочный круг, из которого не будет выхода до тех пор, пока мы не признаем, что сила государства в реальности обладает двойственной характеристикой: она определяется правом и ценностью, которая неотъемлемо присуща государству и также выражена в законе. На самом деле, некоторая такая ценность уже существует, хотя и неопознанная, в сознании тех, кто ограничивается утверждением, что сила необходима как гарантия мирного сосуществования людей, или тех, кто подчеркивает достоинства силы, «действующей во имя закона», как знака регулярности и единообразия действий государства.

К таким же выводам можно прийти и рассуждая иначе. Существует заметное различие в наших способах говорить, когда мы ведем речь о принуждении, которое оказывает на нас определенный вид силы (силы «государства»), и той степени регулярности и единообразности, с которой эта сила действует (в соответствии с «законами»), — и когда мы говорим, что эта сила и эти законы обязательны. Здесь присутствуют два различных типа утверждений: первое — описывающее, второе — предписывающее. Само по себе утверждение о существовании законов и средств, обеспечивающих их выполнение, не обязательно влечет за собой какие-либо утверждения об обязанности им подчиняться. Утверждение подобного рода является дополнительным по отношению к утверждению об их существовании. Это дополнение может быть имплицитным и часто не замечается. Но оно влечет за собой существенный сдвиг от описания к предписанию, что радикальным образом меняет тип нашего рассуждения.

Нетрудно заметить, что этот сдвиг имеет место во множестве дискуссий на тему государства. Те, например, кто утверждает, что обязательность приказов государства происходит из того факта, что эти приказы при необходимости могут быть подкреплены силой, на самом деле присваивают той самой силе главную ценность. Будучи загнанными в угол, они с готовностью признают, что сила, если она необходима, — по-своему неплохая вещь. Подобным же образом и те, кто настаивает, что законы должны выполняться потому, что это законы (*Gesetz ist Gesetz*), лишь добавляют условие ценности к тому, что в противном случае являлось бы чистой тавтологией. На самом деле, наиболее частое объяснение обязательного характера законов происходит от конечного результата, ими обеспечиваемого: дисциплины человеческих отношений, без которой человеческая жизнь вряд ли была бы возможна. Но и не менее правдоподобным объяснением было бы то, которое может быть выведено, и часто выводится, из утверждения, что законы — это выражение ценности, называемой справедливостью. Именно наличие такой ценности превращает повиновение закону в обязанность.

Без сомнения, вполне возможно говорить о государстве в терминах фактических и описательных: но лишь ценой отрицания важного аспекта использования слова «государство» в обыденной речи, когда государство понимается как сила, регулируемая законами и заслуживающая уважения и подчинения.

Рассмотрим с другой стороны, как меняется образ государства в нашем сознании в зависимости от точки зрения, которую мы принимаем.

В первом случае государство — это сила; оно даже обладает монополией на силу. И действительно, в современном мире сила, имеющаяся в распоряжении государства, больше, чем человек способен вообразить, и его разум избегает осознания последствий применения этой силы в полной мере. Существуют, с одной стороны, психологические силы, касающиеся всех и везде. Они становятся все более проникающими с каждым днем в связи с возрастающей эффективностью таких техник, как массовая пропаганда и скрытое убеждение. С другой стороны, существуют новые неслыханные материальные силы, ставшие доступными благодаря развитию научных инструментов, оружия, средств защиты и нападения. А эти силы все еще в руках людей — часто лишь нескольких людей. С такой точки зрения эти руководители, «боссы», «верховные главнокомандующие», и являются государством: они — те, кто принимает решения и отдает приказы. Они держат нашу судьбу в своих руках. И кажется, что у нас нет иного выбора, кроме подчинения.

Во втором случае образ государства представляет собой нечто совершенно безличное. Люди исчезают за законами; или иначе — если мы обращаемся к государству, то мы сталкиваемся с непреклонными официальными фигурами, облаченными в мантии и униформу: чиновники, магистраты, судьи — все, кому доверено дело охранения закона и его администрирования. Но чиновники, магистраты и судьи не являются государством. Функции, которые они исполняют, устанавливаются законами. Их компетенции и их власть предоставлены им законом. Для юриста государство есть не что иное, как свод законов, действующих в определенном месте и времени. Государство само по себе создается правом. Государство и право совпадают: государство — это правовая система.

Подобное положение дел существует не только во внутренних отношениях. На уровне международных отношений государство связано законами, которые оно само также должно соблюдать, чтобы продолжать существовать и достигать своих целей. Эти законы могут быть куда менее точны и эффективны по сравнению с теми, которые регулируют отношения государства и его граждан. Но они определенно могут быть установлены, и они признаются, — если и не посредством кодексов или судов, то сознанием всех цивилизованных наций. Таким образом, даже в глазах международного права государство — это правовая структура. Вне закона сила, даже должным образом примененная, имеет лишь фактическое существование.

В последнем случае понятие государства вырастает в более широкий, но и нечеткий образ. С одной стороны, существует факт социального единства людей, живущих вместе и хранящих законы — часто, если не всегда, по их собственной воле и без принуждения. С другой стороны, существуют люди, чьи слова, мнения и действия учитываются: выборщики, чей голос определяет результат; партийные лидеры, определяющие политическую линию, которой должно следовать; публичные фигуры, получившие почет и признание сограждан и влияющие на их поведение. В обоих случаях это поведение оказывается следствием чувства долга, «соглашения» сторон, которое выполняется в общественной жизни по критериям, которые фиксируют и обуславливают подчинение. Соглашение такого рода — это не просто важный элемент в понятии государства, но само условие его существования.

Эти «гении-хранители» правят в городе: осознание социальной связи, согласие в целях, гражданское чувство, любовь к отечеству, полная преданность общему делу. Эти блага не возникают ни от применения

исключительно силы, ни от безличного голоса законов. И государство живет ими: государство есть сумма этих благ — возможно, действительно наивысших благ, которые человек может надеяться обрести на своем земном пути.

Я предлагаю выделить три направления, которые я обозначил тремя различными именами: «мощь» (might), «власть» (power) и «авторитет» (authority).

Традиция рассматривать государство как «мощь» или как «силу» отсылает нас к точке зрения, обычно называемой политическим реализмом, — способу помыслить государство, который имеет долгую историю и с недавних пор, возможно, в связи с нынешними обстоятельствами, снова кажется единственным объективным и достоверным подходом к проблеме политики. Этот традиционный способ мышления, хоть и тесно связанный с соотношениями сил в текущий момент истории, оставил достаточно много понятий о себе — как в словаре, так и в теории политики. Действительно, как мы увидим, именно реалисты были первыми, кто ввел в обращение и популяризировал слово «государство», — и сейчас являются теми, кто, как ни странно, настаивает на его полной неуместности.

Государство, рассматриваемое как «власть», — это государство правовой теории, где «власть» означает силу, квалифицируемую законом, силу со знаком «плюс». И неудивительно, что именно этот знак «плюс» привлекал особое внимание юристов, которым мы и обязаны уточнению и дальнейшей разработке концепции государства и идентификации его неотъемлемых признаков; прежде и более всего — суверенитета.

Государство, рассматриваемое как «авторитет», — это государство, которое нуждается в обосновании, которое не обеспечивается и не может быть обеспечено только лишь силой или исключительно осуществлением власти. Запрос на такого рода обоснование очень древний, и он дал пищу для жесточайших споров и спекуляций. Они, в свою очередь, оказали влияние не только на современное понятие государства, но даже на его форму и структуру. И хотя бы ради понимания этой особой структуры политическая теория должна, в конечном счете, руководствоваться философским знанием.

Слова, выбранные для описания этих трех аспектов проблемы государства, — это больше, чем просто слова. Их смысл в повседневном использовании далек от однозначного. Стоит заметить, однако, что в большинстве европейских языков различные слова и словосочетания используются тогда, когда возникает проблема государства и когда

предпринимается попытка описать способы, которыми оно выражает свое присутствие и действует. *Forza, potere, autorità; puissance, pouvoir, autorité; Macht, Gewalt, Herrschaft*; мощь, власть, авторитет — всё это слова, точный смысл которых не всегда имеет большое значение в повседневной речи; даже великие мыслители зачастую используют их произвольно. И все же было бы справедливо предположить, что они отсылают к различным свойствам, и их значения следует тщательно определить и исследовать. Возможно, лишь в последнее время началось исследование политического лексикона со строгих семантических позиций. Этот вид исследований только начат и может привести к некоторым интересным открытиям. Так, Уэлдон отмечает, что «власть (power) и авторитет (authority) четко связаны между собой. Масса ненужных трудностей возникла из-за того, что их логический анализ был недостаточен. Мы используем их корректно только тогда, когда осознаем, что они не являются именами двух различных, хотя и связанных друг с другом сущностей, которые каким-то образом зависят друг от друга» (Weldon, 1953: 50). Это совершенно справедливо, но Уэлдон не указывает, что различие и отношение между *potestas* и *auctoritas* были ясно обозначены таким авторитетом, как Цицерон¹.

Правильное использование этих слов есть вопрос не только стилистики (грамматики), но и исторической перспективы. Понятие власти, также как и авторитета, имеет долгую историю. В этой истории юристы, такие как Цицерон, сыграли ведущую роль — возможно, даже более значимую, чем политические философы и теоретики. И именно к ним мы должны обратиться для дальнейшего уточнения наших представлений о государстве. Некоторые из их доводов, по сути, являются поясняющими комментариями к большинству наших проблем.

Таким образом, мы видим, как теоретики права обнаруживают тонкую грань между «действенностью» (efficacy), «обоснованностью» (validity) и «легитимностью» (legitimacy) тех правил, которые они изучают, — и каковые, будучи объединенными (как система или «порядок»), составляют для них реальность государства. Это различие, я полагаю, имеет первостепенное значения для теории государства в целом.

Политический реализм — концепция, описанная выше, которая, по сути, заключается во взгляде на государство лишь как на простое выражение силы, — не может логически, в силу собственной логики, рассматривать любое свойство как важное в определении государства

¹De leg. III, 28: «Quum potestas in populo, auctoritas in senatu sit...»

— за исключением тех, что влияют на его эффективность или действенность. Государства существуют или нет в зависимости от того, обладают ли они силой принудить к исполнению собственных приказов как внутри, так и за их пределами. Там, где отсутствует мощь (might), нет государства — лишь только хаос и анархия.

Правовая теория государства, с другой стороны, в основном имеет дело с обоснованностью или «легальностью» приказов. Власть государства — это законная власть, обусловленная существованием и соблюдением закона. Она действительна лишь в той степени, в какой она определена и утверждена законом. Там, где кончается закон, кончается власть (хотя обратное не всегда будет верным), то есть могут существовать правила, которые будут действовать, как части правовой системы (государства), но не быть (по крайней мере, на данный момент) эффективными. Задачей юриста, чиновника, судьи является защита легальности: легальность любой ценой, какую бы трудность это не представляло. Действительно, мощь (might), которая ограничена дурными законами, будет лучше, чем мощь, свободная от любых законов. Определенность закона предпочтительнее полной неопределенности беззакония. Верность закону справедливо считалась главной добродетелью человека, избравшего право в качестве профессии (Fuller, 1958: 630–672).

Подобная точка зрения обладает собственным благородством и величием. Но ее ошибочность и ограниченность заключается в смешении понятия легальности с легитимностью. Возможно, «смешение» — не совсем верное слово. Это вполне может быть и намеренным отождествлением. Легализация силы — при условии, что она означает подчинение мощи праву, — представляется благородной задачей, знаком гуманности и прогресса. Но из этого совершенно не обязательно следует, что нужно подчиняться любым законам и всякой власти. Конечно, еще остается пространство для критического подхода к тому, что философы называли «проблемой политического обязательства». Не следует считать, что мы полностью расшифровали понятие государства, до тех пор, пока мы не в состоянии объяснить, как сила (force), первоначально легализованная как власть (power), в свою очередь становится легитимной в качестве авторитета (authority).

Предложенное деление на три типа проблем, возникающих вокруг государства, не претендует на оригинальность. Оно приблизительно соответствует общепринятому, по крайней мере в Европе, делению среди тех, кто имеет отношение к предмету: речь идет о разделении на социально-политические, правовые и философские концепции государства.

Но различие и противопоставление различных концепций государства может привести к совершенно неверному истолкованию. На основании этого можно утверждать, что в реальности должны существовать три различные сущности, к каждой из которой применимо название «государство», и каждая из которых обладает различными свойствами и функциями. На самом деле, возможно, такой сущности нет, а есть лишь особая и сложная ситуация, которая привлекает наше внимание. Слово «государство» — это не имя вещи, говорит Уэлдон. Но это, определенно, именование состояния дел, в которые мы все вовлечены и в которых мы не можем не быть заинтересованы. Разница заключается в подходе — в образе, созданном нашим сознанием, а не в нашем базовом опыте. И этот опыт является именно тем, с чего мы начинаем: с того, что с момента рождения до часа смерти наша жизнь испытывает воздействие всепроникающего и явного присутствия государства.

«Человек рождается свободным, а между тем всюду он в оковах», — писал Руссо в начале своей знаменитой книги — возможно, самой важной книги из всех, что были написаны о государстве в наше время. Можно было бы возразить — и возражали — что человек не рождается свободным. То, что всюду он в оковах, также не соответствует действительности. Тем не менее, факт остается фактом: как заметил Цицерон, человек не живет в одиночестве; Аристотель называл человека политическим животным, чья судьба в значительной степени зависит от его связи с другими людьми. Никто из нас не волен делать все, что пожелает. Наши возможности ограничены. И, нравится нам это или нет, — государство является одним из главных изобретателей этих ограничений.

Таким образом, осознание человеческой зависимости лежит в основе всех наших размышлений о природе государства. Эта зависимость, как мы часто слышим, составляет основную предпосылку политики, сущность политических отношений. Важно помнить, что зависимость не всегда и не обязательно является вопросом исключительно применения силы. Сила, власть и авторитет тесно связаны между собой, и сложно найти одно из них отделенным от двух других. Ошибка некоторых современных теоретиков в том, что они полагают, будто эту зависимость можно рассматривать как эмпирическую данность, как что-то, что может быть измерено и изучено без выяснения причин, которые движут поступками людей, или определения тех ценностей, на которые их выбор, возможно, указывает. Современная политическая

наука обнаруживает поразительное сходство с некоторыми старыми представлениями о государстве лишь как о силовом отношении. Одним из самых значительных ее недостатков является пренебрежение важностью правовой структуры, в которой и заключается сила государства и с помощью которой она наиболее часто обосновывается и утверждается.

Но если это действительно так, если сила, которая принадлежит государству и существует в нем, — это сила, ограниченная законом, — то столь же верно и утверждение, что ореол, который окружает власть, простирается далеко за пределы границ легальности. Правовое понимание государства не в состоянии ни разрешить проблему природы его приказов, ни предложить адекватную причину обязательности их исполнения. Для того, чтобы объяснить первое и рассчитывать на второе, мы вынуждены признавать, что приказы государства обладают значимостью, которой никогда не сможет обладать сила сама по себе, и которую закон, самим фактом обращения к ней, определяет как необходимость.

В этой книге предлагается исследовать долгое и зачастую таинственное восхождение от силы к авторитету. Инвестируры, о которых я говорил, были однажды изображены с помощью странных, но при этом заметных символов: плащей, скипетров, корон и диадем, — что сделало их видимыми и твердо зафиксировало в сердцах людей и в их воображении. В наши дни, даже не будучи намеренно отмененными, эти символы почти полностью исчезли. Но это несколько не умаляет необходимости снова попытаться ответить на вековой и вечно возвращающийся вопрос: что же это такое, что может превратить силу — в закон, страх — в уважение, принуждение к согласию — в необходимость свободы?

ПРИМЕЧАНИЕ

Здесь можно добавить некоторое пояснение к использованию мной терминов «сила» (*force*) или «мощь» (*might*), «власть» (*power*) и «авторитет» (*authority*). Я уже указывал, что их смысл, даже в рамках языка, претендующего на статус технического языка современной политической науки, далек от однозначного. На самом деле, конечно, самым популярным из трех является «власть» (*power*) — слово, которое часто используется индифферентно, чтобы объединить все три понятия, которые я попытался разделить в этом введении. Это, в свою очередь, вынуждает квалифицировать различные типы власти (*power*)

с помощью дополнительных прилагательных, таких как «голая», «институционализованная», «социальная», «политическая» власть и т. д. Как ни удивительно, «сила» считается неприемлемым термином и почти единогласно исключается из употребления современными политическими писателями. Многих бесполезных дискуссий можно было бы избежать, если бы точные определения Макса Вебера, и особенно его различие *Macht* (мощи²) и *Herrschaft* (господства) остались бы в головах³.

Мощь (*Macht*), в качестве прямого эквивалента которой я предлагаю английское слово *might*, не обязательно относится, по Веберу, лишь к физической силе, и еще меньше к насилию. Она означает, говорит Вебер, «возможность воздействия на чью-либо волю в рамках данных социальных взаимоотношений» вне зависимости от используемых средств и невзирая на любое сопротивление. На самом деле политические писатели прошлого, мыслившие государство в терминах чистой мощи, совершенно ясно осознавали, что зависимость одного человека от воли другого может быть результатом воздействия различных факторов. На уровне мощи или силы важно то, что такая воля исполняется, а приказам повинуются. Акцент здесь делается на эффективности.

Господство (*Herrschaft*) контрастирует с мощью (*Macht*) в первую очередь с точки зрения того, каким образом осуществляется эта зависимость человека от человека. Релевантным здесь, по мнению Вебера, является то, что подчинение относится к «особым приказам», отдаваемым «определенными людьми». Как справедливо указал Карл Фридрих, «правило» является сущностной характеристикой господства (Friedrich, 1963: 180, п. 1. Но его точный эквивалент — это не «правило» и не «императивный контроль»: это «власть», власть в ее строго правовом смысле, в том смысле, в котором мы говорим о правилах, передающих власть, или о полномочиях, которыми обладают чиновники. Акцент здесь делается на легальности.

²В русской традиции переводов Макса Вебера слово *Macht* обычно передается русским словом «власть», особенно в классической триаде «власть, господство, авторитет» (*Macht* — *Herrschaft* — *Autorität*), к которой в данном случае отсылает А. Пассерен д'Антрэв. В данном случае мы уходим от этой традиции, чтобы сохранить игру слов, присутствующую в тексте А. Пассерена, и подчеркнуть этимологическое родство немецкого *Macht* и английского *might*. — *Прим. ред.*

³Это разделение может быть найдено в новаторской работе М. Вебера «Экономика и общество» («*Wirtschaft und Gesellschaft*», английский перевод см.: Weber, Henderson, Parsons, 1947).

Наконец, поскольку мой подход к авторитету определен, я охотно признаю его близость к веберовскому понятию легитимного господства. Но я бы хотел подчеркнуть, что термин «авторитет» следует использовать для обозначения не фактической ситуации, но лишь ситуации должностования. На мой взгляд, авторитет совершенно не обязательно связан с существованием права, институциональной власти, но он является (или должен являться) первоосновой ее действенности, где действенность понимается не просто как описательное выражение, но как действительное предписание.

Одной из самых больших заслуг (и одним из самых неожиданных результатов) современной политической теории, на мой взгляд, является то, что на повестке дня снова стоит проблема легитимности в связи со властью. Еще предстоит выяснить, приведет ли это к возобновлению критического интереса к основам власти — одним словом, к возрождению политической философии.

Я не буду даже пытаться обсуждать и давать оценку тому огромному объему вышедшей за последние десятилетия литературы, посвященной если и не строго государству, то во всяком случае — о праву, власти и авторитету. Работы, имеющие непосредственное отношение к вопросам, поднятым в этой книге, будут упомянуты в тексте каждой главы.

СОКРАЩЕНИЯ

De leg. *Cicero M. Tullius. De legibus* // Cicero in Twenty-Eight Volumes. Vol. 16. De re publica, De legibus / trans. by C. W. Keyes. — London, Cambridge, Mass. : W. Heinemann, Harvard University Press, 1928. — P. 289–519. — (Loeb Classical Library ; 213).

ЛИТЕРАТУРА

Campione R. Introducción al pensamiento de Alessandro Passerin d'Entrèves // Anuario de Filosofía Del Derecho. — 1997. — Vol. XIV. — P. 787–802.
Carlyle R. W., Carlyle A. J. A History of Medieval Political Theory in the West : in 6 vols. — London, 1903.
Dawson J. G. Aquinas: Selected Political Writings / ed. by A. Passerin d'Entreves. — Oxford, 1948.
Friedrich C. J. Man and his Government. — New York, 1963.
Fuller L. L. Positivism and Fidelity to Law — a Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. — 1958. — Vol. 71, no. 4.
Passerin d'Entreves A. Natural Law. An Introduction to the Legal Philosophy. — London : Hutchinson University Library, 1951.

- Passerin d'Entreves A.* The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. — 1st ed. — Oxford : Clarendon Press, 1967.
- Passerin d'Entreves A.* La notion de l'Etat. — Paris : Sirey Editions, 1969a.
- Passerin d'Entreves A.* The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1969b.
- Silvestri P.* Alessandro Passerin d'Entreves // Dizionario Biographico degli Italiani. Vol. 81. — Torino : Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani, 2015.
- Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization / trans. from the German by A. M. Henderson, T. Parsons. — London, 1947.
- Weldon T. D.* The Vocabulary of Politics. — London, 1953.

Passeren d'Antrev, A. [Passerin d'Entreves, A.] 2017. "Ponyatiye Gosudarstva. Vvedeniye v politicheskuyu teoriyu [The Notion of the State. An Introduction to Political Theory]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 93–110.

ALESSANDRO PASSERIN D'ENTREVES

THE NOTION OF THE STATE. AN INTRODUCTION TO POLITICAL THEORY

Abstract: Alessandro Passerin d'Entreves' (1902–1985) book "The Notion of the State" appeared for the first time in Italian at 1962. Once appeared, it obtained a great popularity, so two English editions and one French were published at 1967 and 1969 after that. The Spanish translation appeared at 2001. This publication is the first step to acquaint the Russian reader with the great book of A. P. d'Entreves. In the introductory article here is a brief outline of the life and works of the Italian political scientist. The "Notion of the State" is a study of the problem of the political obligation: when, how and why begin the people to obey the State's orders? In turn, the Introduction to this book, translated now into Russian, is the perfect and precise essay on the political semantics. In this text, Alessandro Passerin d'Entreves exposes his view of the State briefly as an essence with three faces, which are the might, the power and the authority. The might is the capacity of the State to force its citizens to obey its orders; the power, according to him is the legal force or the pure legality — the State conceived from this point of view is the impersonal legal construction, based on the law and acting according to its proper laws. Finally, the authority is the basis of the State legitimacy.

Keywords: State, Might, Power, Herrschaft, Authority, Translation.

REFERENCES

- Campione, R. 1997. "Introducción al pensamiento de Alessandro Passerin d'Entrèves" [in Italian]. *Anuario de Filosofía Del Derecho* XIV:787–802.
- Carlyle, R. W., and A. J. Carlyle. 1903. *A History of Medieval Political Theory in the West*. 6 vols. London.
- Cicero M. Tullius. *De legibus*. In *De re publica, De legibus*, vol. 16 of *Cicero in Twenty-Eight Volumes*, trans. by C. W. Keyes, 289–519. Loeb Classical Library 213. London and Cambridge, Mass.: W. Heinemann / Harvard University Press.

- Dawson, J. G. 1948. *Aquinas: Selected Political Writings*. Ed. by A. Passerin d'Entreves. Oxford.
- Friedrich, C. J. 1963. *Man and his Government*. New York.
- Fuller, L. L. 1958. "Positivism and Fidelity to Law — a Reply to Professor Hart." *Harvard Law Review* 71 (4).
- Passerin d'Entreves, A. 1951. *Natural Law. An Introduction to the Legal Philosophy*. London: Hutchinson University Library.
- . 1967. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. 1st ed. Oxford: Clarendon Press.
- . 1969a. *La notion de l'Etat* [in French]. Paris : Sirey Editions.
- . 1969b. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press.
- Silvestri, P. 2015. "Alessandro Passerin d'Entreves" [in Italian]. In *Dizionario Biografico degli Italiani*, vol. 81. Torino : Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani.
- Weber, M. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. Trans. from the German by A. M. Henderson and T. Parsons. London.
- Weldon, T. D. 1953. *The Vocabulary of Politics*. London.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

Марей М. Д. «Республиканизм» и «Правительственность»: два способа мышления о государственном управлении // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 113–122.

МАРИЯ МАРЕЙ*

«РЕСПУБЛИКАНИЗМ» И «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОСТЬ»: ДВА
СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ
УПРАВЛЕНИИ**

Петтит Ф. РЕСПУБЛИКАНИЗМ. ТЕОРИЯ СВОБОДЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ / ПЕР. С АНГЛ. А. ЯКОВЛЕВА ; ПРЕДИСЛ. А. ПАВЛОВА. — М. : Изд-во Института ГАЙДАРА, 2016

ДИН М. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОСТЬ: ВЛАСТЬ И ПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ / ПОД РЕД. С. М. ГАВРИЛЕНКО ; ПЕР. С АНГЛ. А. А. ПИСАРЕВА. — М. : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС, 2016

Так случилось, что книги Филиппа Петтита и Митчелла Дина не только вышли на русском языке практически одновременно, в 2016 г., но и написаны были примерно в одно время: «Республиканизм» Петтита вышел в 1997 г., а первое издание «Правительственности» Дина относится к 1999 г. Однако на этом их сходство, пожалуй, заканчивается, поскольку хотя оба автора играют на поле политической философии, делают они это настолько по-разному, что после прочтения кажется, что реальность, данная им как теоретикам политического в ощущениях, почти не совпадает.

Во многом такой эффект является следствием принадлежности к разным традициям, определяющим и словарь описания политической жизни, и методологию, и фокус внимания авторов.

Филипп Петтит — республиканист, осознающий свою принадлежность к респектабельной политико-философской традиции и продолжающий ее. В книге, о которой идет речь, он выступает за республиканский проект: идеал свободы как не-доминирования заявлен им как политический идеал, который одновременно может стать руководством в трансформации существующего в США политического режима. Таким образом, «Республиканизм» поделен на две части: в главах с первой по четвертую Петтит пишет о возникновении республиканского понятия

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н., ответственный секретарь журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики», mdyurlova@hse.ru.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

свободы как не-доминирования, приводит аргументы в поддержку того, что она может быть привлекательным политическим идеалом; а в главах с пятой по восьмую он пишет об «институциональных выводах из той организации государства и гражданского общества, которая наилучшим образом служит делу свободы как не-доминирования» (Петтит, Яковлев, 2016: 49–49), т. е. о практических рекомендациях для достижения этого идеала.

Принципиально важным, на мой взгляд, кажется то, что Петтит вполне допускает мысль, что республиканский идеал может быть близок и привлекателен не для всех. Поэтому он много пишет о чисто практических выгодах от его реализации, которые смогут оценить даже те, кто не разделяет его идейные установки. Свобода как не-доминирование, предполагающая уважение к человеческому достоинству, прочная система институтов, обеспечивающая нормальное ежедневное функционирование государства и иные гарантии безопасности и уверенности в завтрашнем дне, — это то, что, по мнению Петтита, является важным и ценным для большинства людей вне зависимости от их политических убеждений. В этой апелляции к здравому смыслу автор, безусловно, прав, а в его тексте чувствуется обаяние хорошо проработанной системы аргументов.

Митчелл Дин относится к другой интеллектуальной и политической традиции, фукольдианской. Он работает, опираясь на детальную реконструкцию идей Фуко, касающихся дисциплинарной власти, биополитики, суверенитета, управления собой и другими. Это принципиальной иной способ мыслить государственное управление, предполагающий собственный словарь и другие методологические установки. Один из главных вопросов этой книги — «Как нами управляют?» — распадается на два: «Что представляет собой это управление?» и «Почему оно именно таково?». В качестве ответов Дин предлагает свою концепцию «аналитики управления», которая предполагает реконструкцию исторических трансформаций техник управления и заботы, практикуемых властью, которая призвана объяснить, почему современные формы государственного управления выглядят и функционируют именно так. Дин признает, что его задачей не было создание собственной теории государства. Он пишет, что идет «изнутри» него, выстраивая критическую теорию, «исследующую рациональные попытки воздействия на свое и чужое поведение» (Дин, Писарев, 2016: 504), т. е. не только политику и властные отношения, но и взаимодействие в других сферах жизни.

Итак, если говорить об общих установках, то «Республиканизм» говорит о свободе и возможностях ее практического воплощения, а «Правительство» — о всепроникающем управлении, которое не всегда принимает явные формы, а напротив, тем более эффективно, чем менее видимо.

Начиная свои рассуждения о понимании свободы в республиканской традиции, Петтит пишет, что свобода — это «статус, позволяющий избежать зла, связанного с вмешательством» (Петтит, Яковлев, 2016: 74), а не нечто, обеспечивающее доступ к инструментам демократического управления. Автор выводит республиканское понимание свободы за пределы альтернативы «свободы от» и «свободы для», говоря, что «свобода как не-доминирование» мыслится в республиканской традиции через противопоставление господина и раба и понимается как не-доминирование, а не как не-вмешательство. В чем же разница? По мнению Петтита, свобода как не-доминирование предполагает защиту от произвольного вмешательства в жизнь человека кого бы то ни было. Это — «общественный идеал, требующий, чтобы — хотя существуют другие люди, которые могли бы вмешиваться в дела человека на основе произвола, — им не позволялось бы этого делать» (Петтит, Яковлев, 2016: 457). Этот идеал — гражданский, он возможен только в государстве, законы и власть которого охраняют его и дают ему возможность быть реализованным. Свобода в концепции Петтита возможна благодаря существованию законов, полиции, разделения властей и другим механизмам защиты от произвольного вмешательства в жизнь гражданина.

Произвольность вмешательства — это одна из ключевых характеристик доминирования. Петтит пишет, что человек, «обладает доминирующей властью над другим в той мере, в какой он:

- 1) способен вмешиваться
- 2) на основе произвола
- 3) в определенные решения, которые может принимать другой» (Петтит, Яковлев, 2016: 109).

Государственная власть же должна применяться так, чтобы «учитывать не личное благо властителя и его взгляды на мир, а благо и взгляды общества» (Петтит, Яковлев, 2016: 115). Такая власть будет не-доминирующей, даже если позволяет себе реальное вмешательство в жизнь граждан и подданных, например, собирая налоги или применяя уголовное законодательство и заключая под стражу. О гарантиях и механизмах реализации такой власти Петтит говорит во второй части книги.

В первой же части он еще останавливается на том, что республиканская традиция считает свободу как не-доминирование высшей политической ценностью, а «смысл принуждающего и потенциально доминирующего государства, в случае его надлежащего устройства, заключается в распространении этой ценности» (Петтит, Яковлев, 2016: 153). Как уже отмечалось ранее, автор считает, что этот идеал может быть привлекательным практически для всех и что свобода как не-доминирование является не только общественным, но и личным благом, которое порождает и другие блага для индивидов, которые им пользуются. Идеал свободы как не-доминирования, по мнению Петтита, обещает избавление от преднамеренного произвольного вмешательства в жизнь человека со стороны тех, кто сильнее или занимает более высокое положение в обществе, обещает жизнь без подчинения кому-либо. Государство же должно, насколько это возможно, продвигать эту ценность.

Эти рассуждения подводят нас к вопросу о том, каким должно быть государство, т. е. институты правления, которые могут быть построены вокруг идеала свободы как не-доминирования. Петтит пишет, что этот идеал может стать своеобразным *lingua franca*: языком, на котором могут быть артикулированы проблемы самых разных общественных групп, движений и объединений, на котором может быть выражено их недовольство собственным положением и доминированием со стороны других, который предполагает, что «порабощение и подчинение являются величайшим злом, а независимость и статус — высшим благом» (Петтит, Яковлев, 2016: 234). По мнению автора, идеал свободы как не-доминирования отвечает двум важным условиям, позволяющим ему претендовать на подобную значимость и ценность: он понятен и предлагает такие выводы, которые никто с ходу не отвергнет как спорные или не важные; он предлагает возможность людям из всех слоев общества «говорить свои голосом» и быть услышанным. Говоря далее о феминизме, социализме, мультикультурализме и энвайроментализме, Петтит утверждает, что республиканский идеал свободы «динамичен, потому что не существует окончательной оценки того, в чем состоят интересы того или иного человека, или того, руководствуются ли некоторые формы вмешательства — особенно некоторые формы государственного вмешательства — идеями, которые он разделяет» (Петтит, Яковлев, 2016: 256). Этот идеал — незамкнутый, оставляющий возможность для новой интерпретации того, что является доминированием и произвольным вмешательством.

Важной частью главы о республиканских целях является параграф о

публичной жизни, т. е. жизни общества, основанной на общем знании и общей вере (Петтит, Яковлев, 2016: 287). Петтит пишет о том, что общее знание, общая вера и разделяемые большинством граждан смыслы очень важны для реализации республиканского идеала свободы, поскольку без веры и уверенности граждан в том, что отсутствие доминирования обеспечено государством, оно не может быть обеспечено. По мнению автора, без веры в свободу свобода невозможна. Однако даже в современных ему демократических режимах Петтит видит трудности, мешающие публичной жизни: сужение, а иногда и потеря публичного пространства, однобокость, а зачастую низкое качество и ложность информации, получаемой людьми из средств массовой информации. Это проблемы, решить которые может только государство, и здесь автор снова пишет о его важности и ценности.

Дальнейшее рассуждение посвящено формам и мерам, которое должно принимать республиканское государство, чтобы «ослабить присутствие произвола в своих собственных механизмах принуждения и не допускать доминирования государственного *imperium*» (Петтит, Яковлев, 2016: 351), чтобы государственные агенты «не имели возможности принимать решения о принуждении на основе произвола» (Петтит, Яковлев, 2016: 297). Собственно, те формы республиканского государства, о которых пишет Петтит, вполне ожидаемы: это конституционные ограничения, которые дают возможность ограничить возможность манипуляций властью со стороны тех, кто ей обладает, и демократический контроль над принятием властных решений, который выражается в том, что действия правительства могут быть эффективно оспорены теми, кого они затрагивают. Верховенство закона; распределение (рассредоточенность) власти; защита законов от слишком легкого пересмотра со стороны большинства; возможность (в том числе и предполагающая наличие законных процедур) граждан эффективно оспаривать решения властей, если они не отвечают их интересам и связанный с этим идеал делиберативной демократии — это те формы, в которых, по мнению автора, может существовать реализованный республиканский идеал.

Этот идеал может быть достижим даже в среде тех, кто не совсем его разделяет, потому что есть механизмы, которые могут сделать республику «прочным и стабильным феноменом»: это то, что Петтит называет санкциями и фильтрами (Петтит, Яковлев, 2016: 361). Санкции могут быть негативными и позитивными и обычно принимают форму наказания или вознаграждения агента за неправильный или правильный выбор. Они могут поддерживать определенную форму поведения, не

являясь его побудительным мотивом. Фильтры же воздействуют не на стимулы агентов, а на их возможности совершать тот или иной выбор и на возможность вообще быть к нему допущенными. Петтит пишет, что сочетание фильтров и санкций плюс презумпция того, что мы имеем дело с обычными индивидами, имеющими в виду общее благо, а не собственный корыстный интерес, является стратегически эффективным при соблюдении трех принципов: «Первый принцип гласит, что возможности фильтрации должны быть изучены до рассмотрения вариантов санкций; второй — что механизмы предлагаемых санкций должны по возможности поддерживать делиберации в духе общих интересов; и третий — что механизмы санкций должны быть мотивационно эффективными» (Петтит, Яковлев, 2016: 373).

Автор признает, что эти меры «ничуть не более притягательны в интеллектуальном смысле, чем инфраструктура газо- и водоснабжения» (Петтит, Яковлев, 2016: 404), однако политические теоретики, которые игнорируют банальное и обыденное, предпочитая заниматься вопросами, которые, может быть, выглядят более интересными и фундаментальными, но являются скорее идеальной теорией, а не способом продвижения своих идей в реальном мире, своим нежеланием обращаться к анализу функционирования институтов государства демонстрируют отсутствие «всякого серьезного интереса к свободе как не-доминированию» (Петтит, Яковлев, 2016: 406).

Внимание Митчелла Дина также обращено к институтам государства, к тому, как они функционируют и почему делают это эффективно. Книга начинается с определения и разъяснения ключевых терминов, продолжается описанием того, что автор называет «аналитикой управления», и заканчивается правилами для тех, кто готов попробовать использовать ее на практике. При этом автор отмечает, что отправной точкой для него является размышление о поведении людей, а не некое общее теоретическое представление о государстве. Человеческое поведение — это то, что можно регулировать, контролировать, формировать, то, чем можно управлять. Управление как руководство поведением предполагает рациональность со стороны управляющего и изначальную свободу управляемого, его способность к свободному действию и мышлению.

В своем исследовании управления Дин признается, что активная деятельность управляемых — это «необходимый компонент того, как мы управляем, и того, как управляют нами» (Дин, Писарев, 2016: 202), поэтому большая часть возможных форм активности предполагается системой управления и встроена в нее.

Главная задача аналитики управления — «исследовать, как управляем мы и как управляют нами в разных режимах практик, а также каковы условия возникновения, функционирования и трансформации таких режимов» (Дин, Писарев, 2016: 101). При этом сама организация знания, исследования также важна, поскольку «дискурсы управления — это неотъемлемая часть механизма управления, а не просто средство его легитимации» (Дин, Писарев, 2016: 109), а способность режимов управления к рефлексивности и пониманию собственного устройства — необходимое условие успешности управления (Дин, Писарев, 2016: 121).

Аналитика управления, по мнению автора, не говорит о том, какие режимы являются хорошими и правильными, а какие нет. Она показывает, как они работают, выявляет присущие им формы рациональности и мышления, практики рационализации, а также связь между тем, как мы познаем себя и как управляем и бываем управляемы.

Дин пишет, что «фокусировка на понятии управления — это ... попытка поставить вопрос об эпистемологических и технических условиях существования политического, проанализировать исторические а priori, с помощью которых мы конструируем политику как область мысли и действия, и изучить инструментальное оснащение, словарь и формы разума, посредством которых мы это делаем. <...> Исследование правительности — своего рода критика политического разума — в той мере, в какой оно намеревается изучать некоторые из прежде невидимых условий, при которых мы можем мыслить и действовать политически» (Дин, Писарев, 2016: 146).

Правительность, исследованию которой в современных обществах и посвящена книга, — это «то, как мы думаем об управлении другими и собой ... в более узком смысле это различные способы мышления об управлении в современном мире» (Дин, Писарев, 2016: 536).

Четвертая, пятая и шестая главы посвящены тому, как происходила трансформация стратегий управления: от заботы папской власти — к появлению полиции; от представлений о божественности власти — к европейской теории суверенитета; от напряжения между сложившимся в Средние века пониманием власти как господства над подданными и появляющимся в Новое время гражданином с политическими правами и обязанностями — к теориям трансформации или «смерти» социального.

При этом в своих рассуждениях о папской власти, о появлении так называемого «светского папства», полиции и дисциплинарной власти, в размышлениях об основных чертах государственного интереса и изменениях стратегий и техник государственного управления, о том,

что такое биополитика и как она связана с появлением «населения» и трансформацией представлений о суверенитете, Дин почти полностью повторяет рассуждения Фуко. Это же касается его рассуждений о либерализме, о производстве знания об обществе, конституирующем само это общество, и об управлении безопасностью.

В седьмой главе Дин использует аналитику управления для анализа феномена «авторитарной правительности» XX в., в котором он также видит типичные черты. Авторитарная правительность, как и «хорошая полиция» XVIII в., стремилась к «детализированному регулированию подданных власти» (Дин, Писарев, 2016: 358), однако «гарантия этого регулирования в авторитаризме XX в. имела форму научного знания о непрозрачных процессах, конституирующих население, а не о прозрачности и обозримости вещей, подлежащих управлению. Несмотря на то, что авторитарная и полицейская формы правления схожи в том, что жизнь населения в них связана с силой государства, лишь в XX в. возвращение жизни населения попало в зависимость от запрета на жизнь для тех, кто признан недостойным ее. Там, где полиция использовала техники суверенности, чтобы реализовывать право на смерть, авторитарная власть связывает осуществление суверенитета и его инструментов смерти с властью над жизнью уже на уровне населения и рас» (Дин, Писарев, 2016: 359). Дин видит в авторитарной правительности одну из свойственных XX в. стратегий контроля риска, которые, по его мнению, являются следствием трансформации правительности, произошедшей в начале XX в. и связанной с появлением рефлексивного управления, которое больше не является правлением властей над обществом.

В XX в., пишет Дин, управление осуществляется посредством «множества агентов, вводимых в игру разными стратегиями управления. Управление стало, если угодно, более множественным, рассеянным, оптимизирующим и уполномочивающим. Однако оно странным образом и более дисциплинарное, строгое и карательное. Национальное государство берет на себя не столько направляющую и распределительную роль, сколько координационную, посредническую и профилактическую» (Дин, Писарев, 2016: 409). Это — новый режим существования социального, когда власть уже не управляет обществом, потому что уже не мыслится в терминах разделения между государством и обществом и их противостояния. Социальное переопределяется, пишет Дин, оно «должно принять форму рынка», а «задачу национального управления можно рассматривать как задачу управлять, не управляя обществом» (Дин, Писарев, 2016: 411).

С этим предположением автора связан и предпринятый в девятой главе набросок исследования риска как новой рациональности управления и страхования как «вычислительной рациональности, в которой содержатся представления о риске» и которая является попыткой «сделать невычислимое вычислимым» (Дин, Писарев, 2016: 432).

С этим же представлением о переопределении и переструктурировании социального связаны и рассуждения Дина о том, что социальное «пало жертвой собственного успеха»: «...именно успех либеральной и социальной форм управления в создании населения, способного на ответственность и автономию, позволяет управлять при помощи устремлений и выборов индивидов и групп. Поэтому есть некоторая справедливость в утверждении, что рефлексивное управление больше не стремится управлять при помощи общества. Однако это не значит, что рефлексивное управление больше не стремится преобразовывать общество. Социетальное преобразование — в сердце этого управления. Впрочем, теперь оно пытается добиться этого преобразования не через управление процессами, а при помощи управления самими механизмами, техниками и агентностями управления» (Дин, Писарев, 2016: 458). Таким образом, общество меняется из-за трансформации механизмов, которыми оно управляется, подобно тому как попытки исследовать рациональные способы воздействия на свое или чужое поведение меняют само это поведение.

В свою очередь, исследование того, как мы управляем собой и другими, предпринятое Мишелем Фуко, Митчеллом Дином и другими политическими теоретиками, представляющими власть и механизмы управления как постепенную трансформацию практик и техник правительности, таким же образом непоправимо изменило ландшафт политической философии и теорий управления конца XX – начала XXI в. Последствия этого нам еще предстоит увидеть.

ЛИТЕРАТУРА

Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / под ред. С. М. Гавриленко ; пер. с англ. А. А. Писарева. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

Петтит Ф. Республканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева ; предисл. А. Павлова. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.

Marey, M. D. 2017. “‘Republicanism’ and ‘Governmentality’: two ways of thinking about government” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 1 (1), 113–122.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY, EXECUTIVE SECRETARY OF “PHILOSOPHY. JOURNAL OF HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS”

“REPUBLICANISM” AND “GOVERNMENTALITY”: TWO WAYS OF THINKING ABOUT GOVERNMENT

REFERENCES

- Din, M. [Dean, M.] 2016. *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh* [*Governmentality: Power and Rule in Modern Society*] [in Russian]. Ed. by S. M. Gavrilenko. Trans. from the English by A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom “Delo” RANKhiGS.
- Pettit, F. [Pettit, Ph.] 2016. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [*Republicanism: A Theory of Freedom and Government*] [in Russian]. Trans. from the English by A. Yakovlev. With a forew. by A. Pavlov. Moskva [Moscow]: Izd-vo Instituta Gaydara.

Юдин Г. В. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 123–133.

Григорий Юдин*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ**

ХАБЕРМАС Ю. СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО КАТЕГОРИИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА / ПОД РЕД. М. БЕЛЯВВА ; ПЕР. В. ИВАНОВА. — М. : ВСЬ МИР, 2016

Юрген Хабермас принадлежит к небольшому числу больших мыслителей, которым удалось увидеть, как их политические идеи воплощаются в жизнь и меняют мир. Попав довольно рано под влияние Теодора Адорно, Хабермас не воспринял от своего учителя главного — пессимистичного настроения, с которым тот смотрел на социальную жизнь после Второй мировой. Хабермас увидел в устройстве послевоенных капиталистических государств перспективу постепенной демократизации евроамериканских обществ, которая в конечном счете трансформирует сам капитализм и очистит пространство для эгалитарных отношений взаимного признания и уважения между людьми. Чтобы предложить для этой перспективы теоретические основания, Хабермасу потребовалось осуществить сложный синтез критической теории с прагматизмом, теорией речевых актов, психологией развития и теорией систем.

Для леволиберальной идеологии с ее верой в прогресс и правовое государство, но в то же время в солидарность, коллективность и диалог, Хабермас стал главным авторитетом. Успех леволиберального политического проекта в последней четверти прошлого века стал теоретической победой Хабермаса. Рационализация политики, принципы инклюзивности и толерантности, публичный диалог как основание политической жизни — все эти принципы находят последовательную разработку в его трудах.

Тем более удивительно, что когда Россия выбрала европейские и североамериканские образцы в качестве ориентиров развития, философия Хабермаса не стала частью нового канона. В сравнении с работами либеральных экономистов или философией Карла Поппера Хабермас

*Юдин Григорий Борисович, к. филос. наук, старший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», gregloko@yandex.ru.

**© Юдин, Г. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

по-прежнему остается в России относительно неизвестным за пределами узкого круга специалистов, — это по-своему характеризует возникший в России четверть века назад либеральный проект. Игнорировать Хабермаса было невозможно — однако на русский, как правило, переводились его небольшие сборники статей или лекций, второстепенные для самого автора и недоступные без понимания оснований его теории. В то же время его сложно написанные, требующие от читателя хорошей подготовки фундаментальные труды до последнего времени оставались недоступны на русском языке. Первым прорывом здесь стал перевод книги «Проблема легитимации позднего капитализма», выполненный Т. Дмитриевым (Хабермас, Воропай, 2010). И вот теперь русский читатель получил перевод «Структурного изменения публичной сферы»¹.

«Структурное изменение» занимает в биографии Хабермаса особое место. Во время написания этой книги, которая стала его второй, кандидатской диссертацией, Хабермаса фактически выдвинул из Института социальных исследований глава Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер, в результате чего Хабермас перевелся в Марбург и защитил в 1961 г. работу под руководством Вольфганга Абендрота (книга вышла годом позже) (Specter, 2011: 32–33). Из всех работ Хабермаса эта в наибольшей степени может претендовать на статус «классической», ведь именно с нее началась особая традиция философских и социологических исследований публичной сферы, основывающаяся на введенных в этой книге понятиях. Более поздние и столь же влиятельные проекты Хабермаса являются во многом попыткой решить те проблемы, которые были поставлены в «Структурном изменении», — и в силу этого оказываются более «партийными» и подверженными критике. В то же время благодаря «Структурному изменению» открылось поле исследований, в котором сегодня успешно работают, в том числе, и многие активные критики Хабермаса.

Заслуга Хабермаса состоит в том, что он предлагает разветвленный словарь для анализа и апологии публичной политики и демонстрирует, почему в публичную политику сегодня имеет смысл инвестировать. Эту задачу Хабермас решает параллельно с вышедшей незадолго до этого работой Ханны Арендт *Vita activa* (Арендт, Бибахин, 2000), с которой он вступает в полемику. Оба автора начинают с реконструкции поли-

¹ Впрочем, перевод этой книги на английский (а всего она уже переведена более чем на 40 языков) также сильно запоздал и появился только в 1989 г., вызвав волну интереса к концепции.

тического смысла публичности в условиях античности, однако Арндт рисует картину поглощения политического социально-экономическим, и структуры управления буржуазным обществом оказываются для нее враждебными публичной жизни: этот философско-исторический аргумент используется для политической диагностики в «Истоках тоталитаризма» (Арндт, Борисова, 1996). Хабермас, напротив, полагает, что в условиях преодоления абсолютизма сформировалась «буржуазная публичная сфера», которая, хотя и пришла в упадок во второй половине XIX и особенно в XX в., все же может рассматриваться как прообраз широкой демократической публичности.

Центральный аргумент книги — противопоставление «репрезентативной» и «буржуазной» публичных сфер (§ 3). С точки зрения Хабермаса, в XVII–XVIII столетиях в силу развития индустриально-капиталистических тенденций возникает разделение между публичной властью с одной стороны и частными подданными — с другой. В этот момент меняется сам смысл публичной сферы: если в условиях абсолютизма она функционирует как пространство репрезентации господства, то теперь это зона управления общими интересами. Общие интересы, однако, отсылают не к *res publica*, но к расширению частных интересов, к необходимости организовывать экономические условия частной деятельности. Именно поэтому для Арндт расширение частного до публичного оказывается точкой подавления политического и торжества социального: «приватное имущество перестает быть частной заботой и начинает становиться общественным интересом. Социум возник в сфере публичного впервые в образе организации владельцев, которые однако теперь уже не на основании своего богатства требовали себе соразмерного права голоса в публичных вопросах, но, наоборот, сошлись, чтобы в целях приобретения еще большего богатства потребовать снятия с себя всякой ответственности публично-политической природы» (Арндт, Бибахин, 2000: 88). Но, в отличие от Арндт, Хабермас не останавливается на этом и усматривает еще одну происходящую в этот момент важную трансформацию: в самом деле, сначала «публика» с ее растущими частными интересами становится просто коррелятом власти, однако затем осознает себя как полноправного партнера-оппонента власти и начинает действовать проактивно, превращаясь в политического субъекта². Именно так появляется буржуазная публичная сфера: она

²Здесь очевидно влияние на Хабермаса еще одной вышедшей накануне книги — «Критики и кризиса» Райнхарта Козеллека, где утверждается, что критическая практика

вырастает из «литературной публичной сферы», где развились площадки для дискуссии (салоны, периодические издания, переписка и т. д.). Иными словами, публичная сфера появляется в результате усиления буржуазии как раз там, где, следуя логике Арендт, она должна была оказаться окончательно заблокированной.

Теория Хабермаса открыла поле для множества философских споров о природе публичной сферы, ее границах и принципах функционирования (Calhoun, 1992; Benhabib, 1996; Fraser, 2014; Cohen, Arato, 1992). Для теории коммуникации и медиа «Структурное изменение» стало базовой моделью, объясняющей политическое устройство массовой коммуникации и роли и стратегии основных акторов, а также позволяющей анализировать эффекты технологий (см., напр.: Thompson, 1995). В политической социологии одной из наиболее актуальных является дискуссия о соотношении публичной сфер и гражданства в постсекулярном мире, поскольку усиливающиеся религиозные разногласия ставят под вопрос возможность формирования единого дискурсивного пространства между всеми гражданами (Somers, 1993; Calhoun, 2008; Braidotti, 2014).

Диссертация Хабермаса интересна еще и тем, что она по-прежнему, через полвека после появления, предлагает наиболее основательную теорию общественного мнения. Подавляющее число социологических работ, имеющих дело с общественным мнением, скатываются в одну из двух крайностей: либо в овеществление общественного мнения, некритичное отношение к результатам опросов как к очевидной репрезентации общества; либо в скептицизм по отношению к опросам, который не дает увидеть их место в современной политике. Хабермас в §§ 12–15 прослеживает генезис понятия «общественное мнение» и его политических функций. Благодаря этому в §§ 21–22 он оказывается в состоянии увидеть пагубные для публичной сферы последствия того, что общественное мнение сегодня оказалось неразрывно связано с индустрией массовых опросов. Его политико-философский анализ остается непревзойденным: абстрагируясь от методических проблем измерения общественного мнения, Хабермас задается вопросом о политических

изначально является демонстративно неполитической, однако ей имманентно присуща экспансия. Путем постепенного, но неостановимого расширения сферы своего анализа она как бы обходным маневром заходит на территорию абсолютизма и, в конечном счете, приводит к его краху (Koselleck, 1959).

предпосылках трансформации буржуазного общественного мнения в цифры опросов.

Ноты ностальгии автора по буржуазной публичной сфере легко угадываются в книге. Хотя в соответствии с предлагаемой теорией возникшая в Новое время публичность была изначально обречена на распад в результате демократизации общества и усиления «четвертого сословия», именно буржуазный образец станет впоследствии для Хабермаса нормативным ориентиром. Публичная сфера была проникнута духом коммуникативной рациональности и эпистемического равенства — однако в то же время была закрытой, выступала инструментом классового господства буржуазии и не могла вынести наступления массового общества. Хабермас пытается разрешить это противоречие между делиберативным потенциалом буржуазной публичной сферы и ее очевидной элитарностью с помощью идеи постепенного расширения и очищения публичной коммуникации, которая стремится к рациональному образцу и в пределе к нему приближается. Это особенно очевидно в наиболее спорной его книге «Фактичность и значимость», где идея народного суверенитета осмысливается как нормативный идеал (Habermas, 1998). Тоска по образованной и уважаемой публичности, разрушенной массовым обществом, выдает в Хабермаса наследника Адорно и Хоркхаймера.

Наиболее активная критика подхода Хабермаса обращена именно к идеализированному образу буржуазной публичной сферы. Историки подвергли предложенную картину генезиса публичности внимательному разбору с разных сторон, после чего обнаружилось, что буржуазный диалог был далеко не таким эгалитарным, каким он представлен в книге³. Представители феминистского подхода указали на исключение женщин (Young, 2000), а теоретики постколониализма — на то, что обратной стороной буржуазной публичной сферы выступает не только классовое, но и колониальное господство (именно по этой причине рациональная буржуазная дискуссия не институционализируется в бывших колониях даже после их освобождения) (Fraser, 2014). Известная книга Оскара Негта и Александра Клуге дала основания говорить о множественности публичных сфер: пролетариат вырабатывает собственную публичность, функционирующую по иным законам и выполняющую иные политические функции (Negt, Kluge, 1972). Наконец, сильную критику избыточной рациональности публичной сферы предлагает

³Часть этих упущений Хабермас признал в предисловии к переизданию 1990 г., которое представлено в переводе.

Шанталь Муфф: сведение демократической политики к аргументативной практике противоречит агонистической природе политики. Это приводит к исключению масс и господству специалистов-технократов, чревато выплеском подавленных эмоций в форме ксенофобии и насилия и играет на руку праворадикальным движениям. Впрочем, стоит отметить, что предлагаемая Муфф в полемике с Хабермасом концепция «агонистической публичной сферы» в своих ключевых элементах основывается на «Структурном изменении» (Mouffe, 2000).

Ставки этих дискуссий вполне понятны изнутри российского контекста. Все чаще звучит диагноз, в соответствии с которым ключевой барьер для демократической политики в России состоит в том, что здесь отсутствует публичный язык и систематически подавляется публичная сфера (Kharkhordin, 2016; Беляева, 2011). На чем может быть основано укрепление публичной сферы? Как должен регулироваться доступ к ней? Каковы этические основания для исключения оппонента? Каковы формальные правила ведения дискуссии (скажем, на телевидении)? Что дозволено, а что не дозволено для обсуждения? Как дискуссия должна соотноситься с законодательной деятельностью? Как публичная сфера может противостоять давлению и контролю извне? От этих вопросов в сегодняшней российской ситуации никуда не деться, и концепция Хабермаса по-прежнему остается наиболее разработанным инструментом для их решения.

Можно только приветствовать стремление издателя (а также поддержавших перевод Института имени Гёте и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям) сделать текст «Структурного изменения публичной сферы» доступным для российского читателя. Однако классический статус книги означает, что к переводу предъявляются серьезные требования — а здесь издание дает немало поводов для огорчения. Хабермасу в принципе не слишком везет с русскими переводчиками: многие вышедшие сборники его статей вызывают у русскоязычного читателя подозрение, что немецкий философ завоевал себе славу умением никогда не формулировать идеи ясно и ни одну мысль не доводить до логического завершения. К сожалению, перевод «Структурного изменения» этого опасения не развеет.

Главное, что требуется от переводчика, — адекватная передача понятий в соответствии со сложившейся традицией. В данном случае целый ряд переводческих решений вызывает вопросы. Ключевой термин *öffentliche Meinung* почему-то переведен как «публичное мнение», так что неискушенный читатель может и не догадаться, что держит в руках

книгу с теорией общественного мнения. Это неожиданное решение сопровождается коротким, но удивительным комментарием переводчика и редактора, из которого мы узнаем, во-первых, что «публичное мнение» и «общественное мнение» — это два разных термина, а во-вторых, что Хабермас опирается на первый из них (с. 50). Это само по себе тянет на сильное научное утверждение, но поскольку развернутого комментария не предлагается, остается предположить, что это просто неудачная попытка выйти из затруднения, которое создает русский термин «общественное мнение», не совпадающий с французским и английским аналогами (Каплун, 2008) (при том, что немецкий, заметим, также с ними не совпадает). Впрочем, «общественное мнение» неожиданно вернется на с. 270, что дополнительно увеличит путаницу. Зато уже на с. 52 переводчик неожиданно жертвует «публичным» и специальным примечанием зачем-то переводит *res publica* как «общественное дело», что прямо идет вразрез с теорией Хабермаса.

Другое странное решение — перевод *Räsonnement* как «резонерство» вместо очевидного «рассуждение» или близкого кантианскому духу текста «использование разума»⁴. В результате на с. 78 можно прочитать: «Медиум, коммуникативное средство этой политической дискуссии, своеобразен и не имеет исторических аналогов — публичное резонерство». Не стоит пугаться: Хабермас вовсе не хочет сделать загадочное заявление, что резонерство — это медиум. Он всего лишь имеет в виду, что политическое противостояние впервые стало вестись посредством публичного рассуждения. Такие сомнительные терминологические выборы встречаются в тексте перевода регулярно.

Даже если отвлечься от терминологии, прозрачность текста для русского читателя удастся сохранить не всегда. Если в некоторых частях текст выглядит читабельным, то в других он, безусловно, написан не по-русски. Уже подзаголовок книги, «Исследования относительно категории буржуазного общества», дает понять, что чтение будет нелегким испытанием. Неопределенный артикль (*eine Kategorie*) стоит в оригинале неспроста и обозначает, что эта книга — исследование *одной* категории буржуазного общества (а именно, «публичной сферы»). Есть и немало других препятствий: на с. 183, например, можно увидеть, что «Публичное мнение частных лиц, объединившихся в публику, больше не имеет базиса, чтобы быть единым и истинным. Оно падает обратно

⁴Обращение к русскому переводу «Философии права» также дало бы «рассуждение» (Гегель, Столпнер, Левина, 1990: 320).

на уровень субъективного мнения многих». От натужной метафоры падающего мнения легко избавиться, тем более что в оригинале ее нет (*zurückfallen*). Речь о том, что общественное мнение частных лиц, собравшихся в публику, утрачивает основания для единства и истинности и в результате сводится к субъективному мнению множества.

Вероятно, некоторые спорные решения переводчика можно было бы увязать в какую-то целостную систему, если бы научный редактор предложил собственную логику чтения книги, расставил акценты и продемонстрировал свой взгляд на текст. Однако за исключением кратких постраничных сносок никаких комментариев в книге нет. Более того, непонятно, проводилось ли вообще научное редактирование, так как в книге отсутствует даже вводная статья, что удивительно для работы такого масштаба и значения. Издательство «Весь мир» выпускает не первую книгу Хабермаса, фактически уже существует серия — однако у нее даже нет редакционной коллегии.

На сегодняшний день русскому читателю «Структурного изменения» можно посоветовать как минимум вооружиться при чтении параллельным немецким текстом или хорошим переводом на какой-либо другой язык: это существенно повысит шансы понять непростую книгу. Работу по встраиванию переводов Хабермаса в конвенциональный язык философии и социальной науки еще предстоит совершить. Наверняка и другие ключевые работы немецкого мыслителя в обозримое время появятся на русском языке; хочется надеяться, что использование хорошо известных принципов и институтов переводческой работы позволит сделать эти тексты по-настоящему доступными для отечественного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова ; пер. с англ. И. В. Борисовой. — М. : ЦентрКом, 1996.
- Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни / пер. В. В. Бибихина. — СПб. : Алетейя, 2000.
- Беляева Н.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 3. — С. 72–87.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнер, М. И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.
- Каплун В.* Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и

- власть: опыт развития и взаимодействия / под ред. А. Сунгурова. — М. : РОССПЭН, 2008. — С. 333–345.
- Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. — М. : Праксис, 2010.
- Calhoun C.* Secularism, citizenship, and the public sphere // *Hedgehog Review*. — 2008. — Vol. 10, no. 3. — Pp. 7–21.
- Cohen J., Arato A.* *Civil Society and Political Theory*. — Cambridge, MA : MIT Press, 1992.
- Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political* / ed. by S. Benhabib. — New Jersey : Princeton University Press, 1996.
- Fraser N. et al.* *Transnationalizing the Public Sphere*. — Cambridge, Malden : Polity Press, 2014.
- Habermas and the Public Sphere* / ed. by C. Calhoun. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 1992.
- Habermas J.* Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1998.
- Kharkhordin O.* The Past and Future of Russian Public Language // *Public Debate in Russia* / ed. by N. Vakhtin, B. Firsov. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016.
- Koselleck R.* *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*. — Freiburg, München : Verlag Karl Alber, 1959.
- Mouffe C.* *The Democratic Paradox*. — London, New York : Verso, 2000.
- Negt O., Kluge A.* *Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit*. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1972.
- Somers M.* *Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy* // *American Sociological Review*. — 1993. — Vol. 58, no. 5. — Pp. 587–620.
- Specter M.* *Habermas: An intellectual biography*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
- Thompson J.* *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. — Stanford : Stanford University Press, 1995.
- Transformations of Religion and the Public Sphere: Postsecular Publics* / ed. by R. Braidotti et al. — New York : Palgrave Macmillan, 2014.
- Young I. M.* *Inclusion and Democracy*. — Oxford : Oxford University Press, 2000.

Yudin, G. B. 2017. "Book Review: Habermas, J. 2016. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft, trans. by V. Ivanov. Ed. by M. Belyaev. Moscow: Ves' mir" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 123–133.

GREG YUDIN

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCHER, LABORATORY FOR STUDIES IN ECONOMIC SOCIOLOGY,
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

BOOK REVIEW: HABERMAS, YU. [HABERMAS, J.] 2016. STRUKTURNAYA
TRANSFORMATSIYA PUBLICHNOY SFERY: ISSLEDOVANIYA KATEGORII
BURZHUAZNOGO OBSHCHESTVA [STRUKTURWANDEL DER
ÖFFENTLICHKEIT: UNTERSUCHUNGEN ZU EINER KATEGORIE DER
BÜRGERLICHEN GESELLSCHAFT] [IN RUSSIAN].

REFERENCES

- Benhabib, S., ed. 1996. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. New Jersey: Princeton University Press.
- Braidotti, R. et al., ed. 2014. *Transformations of Religion and the Public Sphere: Postsecular Publics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Calhoun, C., ed. 1992. *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- . 2008. "Secularism, citizenship, and the public sphere." *Hedgehog Review* 10 (3): 7–21.
- Cohen, J., and A. Arato. 1992. *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Fraser, N. et al. 2014. *Transnationalizing the Public Sphere*. Cambridge and Malden: Polity Press.
- Habermas, J. 1998. *Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats* [in German]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Kharkhordin, O. 2016. "The Past and Future of Russian Public Language." In *Public Debate in Russia*, ed. by N. Vakhtin and B. Firsov. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Koselleck, R. 1959. *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt* [in German]. Freiburg and München: Verlag Karl Alber.
- Mouffe, Ch. 2000. *The Democratic Paradox*. London and New York: Verso.
- Negt, O., and A. Kluge. 1972. *Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit* [in German]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Somers, M. 1993. "Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy." *American Sociological Review* 58 (5): 587–620.
- Specter, M. 2011. *Habermas: An intellectual biography*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thompson, J. 1995. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford: Stanford University Press.
- Young, I. M. 2000. *Inclusion and Democracy*. Oxford: Oxford University Press.
- Arendt, Kh. [Arendt, H.] 1996. *Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism]* [in Russian]. Ed. by M. S. Kovaleva and D. M. Nosov. Trans. from the English by I. V. Borisova. Moskva [Moscow]: TsentrKom.

- . 2000. *Vita activa, ili o deyatel'noy zhizni [Human Condition]* [in Russian]. Trans. by V. V. Bibikhin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Belyayeva, N. 2011. "Razvitiye kontsepta publichnoy politiki: vnimaniye 'dvizhushchim silam' i upravlyayushchim sub'yektam [Development of the Concept of a Public Policy: Attention to 'Motive Forces' and Operating Actors]" [in Russian]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, no. 3: 72–87.
- Gegel', G. V. F. [Hegel, G. W. F.] 1990. *Filosofiya prava [Grundlinien der Philosophie des Rechts]* [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Kaplun, V. 2008. "Chto takoye Prosveshcheniye? Rozhdeniye publichnoy sfery i publichnoy politiki v Rossii [What is Enlightenment? The Birth of Public Sphere and Public Policy in Russia]" [in Russian]. In *Publichnoye prostranstvo, grazhdanskoye obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeystviya [Public Space, Civil Society and Authority: Development and Interaction Experience]*, ed. by A. Sungurov, 333–345. Moskva [Moscow]: ROSSP·EN.
- Khabermas, Yu. [Habermas, J.] 2010. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma [Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus]* [in Russian]. Trans. from the German by L. V. Voropay. Moskva [Moscow]: Praxis.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

ACADEMICAL LIFE

АНОНС VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ШКОЛЫ ФИЛОСОФИИ НИУ ВШЭ
«СПОСОБЫ МЫСЛИ, ПУТИ ГОВОРЕНИЯ //
THE MODES OF THINKING, THE WAYS OF SPEAKING»

С 26 по 29 апреля 2017 года в Москве на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» пройдет конференция «Способы мысли, пути говорения // The modes of thinking, the ways of speaking», уже в восьмой раз собирающая специалистов по логике, философии, истории философии, политической и социальной теории, феноменологии, истории, которые будут обсуждать различные способы конструирования философских проблем и преломление их через язык говорения; искажения, возникающие при переводах с древних и новых языков; историю понятий и их восприятие в традиции и современной науке.

В этом году конференция будет самой масштабной за все время своего существования: она включает в себя три пленарных заседания и семнадцать секционных, на которых выступят более ста пятидесяти участников из разных городов России, а также из Великобритании, Германии, Италии, Испании, Франции, США, Канады, Индии и Нидерландов.

Структура конференции включает в себя несколько тематических блоков, а работа будет проходить на русском и английском языках.

На пленарном заседании первого дня (26 апреля) будут обсуждаться проблемы народного суверенитета, государства (как феномена и понятия) и империи. С пленарными докладами выступят Ричард Бурк (Университет королевы Марии, Лондон), Роджер Берковиц (Бард колледж, США), Артемий Магун (ЕУ СПб), Святослав Каспэ (НИУ ВШЭ).

На заседании второго дня (27 апреля) планируются доклады Алексея Юдина (ВГБИЛ, Москва), Светланы Панич (ПСТГУ, Москва), Марии Штейнман (РГГУ). Этот пленар будет посвящен памяти Н. Л. Трауберг, а основными его темами будут теология и литература, вера как категория осмысления реальности.

Пленарное заседание четвертого дня конференции (29 апреля) будет самым насыщенным, его докладчики — Аллард Тамминга (университет Гронингена, Нидерланды), Екатерина Кубышкина (Париж I Сорбонна), Сильвер Бронзо (НИУ ВШЭ, Москва), Николай Милков (университет

Падерборна, Германия), Паоло Валоре (Государственный университет Милана, Италия) — будут говорить о проблемах соотношения логики, языка и действительности. Общим для всех пяти докладов является использование мета-уровневого подхода в логике, семантике и онтологии: ключевыми здесь будут вопросы о соотношении различных видов логических исчислений, о принципах выбора критериев существования для различных типов сущего, а также об их представлении в обыденном языке и в языках научных теорий.

Тематика секционных заседаний и круглых столов даст возможность для диалога представителям самых разных научных направлений.

Первый день конференции, 26 апреля, помимо пленарного заседания, включает в себя следующие мероприятия:

1. Секцию «Public Space in Early Modern Political Culture» (модератор А. Zerolo Duran, рабочий язык — английский). Основным понятием, вокруг которого будет построена дискуссия на этой секции, станет понятие публичного пространства. Что это такое и каким оно бывает? Прежде всего, разговор будет идти о европейской культуре раннего Нового времени, хотя будут привлекаться и иные, казалось бы, совершенно современные сюжеты.
2. Секцию «Gods and Men In-Between: Philosophy and the Sacred in Antiquity and Early Christianity // Между богами и людьми: философия и сакральное в античности и раннем христианстве» (модератор О. В. Алиева, рабочие языки — русский и английский). В рамках секции будут обсуждаться методы интерпретации сакрального текста, инициационные ритуалы и религиозная метафорика у философов, образ философа как «божественного мужа», философская проблематика у Отцов Церкви. В целом, речь будет идти об отношениях между сокровенным и рациональным в античности и раннехристианской литературе.
3. Секцию «Рецензия. Рецепция. Реакция» (модератор Н. М. Долгорукова, рабочий язык — русский). Секция будет посвящена истории рецензирования в академической культуре XIX–XXI вв. Докладчики рассмотрят практики научного рецензирования в разных академических традициях — современной, дореволюционной и советской периодике, романтической и аналитической философии. На основании рассмотренных примеров будут обсуждаться ключевые функции рецензии и ее институциональная специфика.

4. Секцию «Понятие и образы „революции“ в российском интеллектуальном пространстве XIX – начала XX века» (модератор А. А. Тесля, рабочий язык — русский). Цель секции — проследить как историю понятия «революция» в русском интеллектуальном пространстве, так и образное его наполнение — на протяжении более чем столетия перед тем событием, которое вошло в историю как «Русская революция». На секции предполагается говорить о том, как реальное наполнение понятия «революция» существенным образом менялось во времени, как возникшие в иных интеллектуальных традициях интерпретации переносились в российский контекст, переосмыслялись, и каким образом российские интеллектуалы формулировали собственные подходы к пониманию данного понятия и помещали его в различные понятийные и образные ряды.

Второй день конференции (27 апреля) откроется упомянутым выше пленарным заседанием и также продолжится работой секций и круглых столов:

1. Продолжит свою работу секция «*Gods and Men In-Between: Philosophy and the Sacred in Antiquity and Early Christianity // Между богами и людьми: философия и сакральное в античности и раннем христианстве*».
2. Также в этот день пройдет секция «Общее дело: Республиканская традиция с древнейших времен до начала XXI в.» (модератор К. А. Соловьев, рабочий язык — русский). В рамках данной секции предполагается рассмотреть следующие вопросы: республика как форма управления и репрезентации в условиях политической архаики; идеал республики в монархическом государстве; монархическая республика и республиканский монархизм; транзитная республика — политические формы в условиях революции; модели республиканизма; современный опыт республиканской теории и практики.
3. Секцию, посвященную политико-философской тематике (модератор В. Л. Каплун, рабочий язык — русский), в первую очередь составят доклады, посвященные идеям Ханны Арендт, Поля Рикёра, Мишеля Фуко, Антонио Грамши. Докладчики будут говорить о проблемах свободы мысли и действия, морали, об осмыслении понятия и роли государства в разных политико-философских традициях.

4. Круглый стол «XXI век — проблемы социума» (модератор Т. Ю. Сидорина, рабочий язык — русский) соберет исследователей, занимающихся самыми разными проблемами: теориями справедливости, историей университетов, феноменологией, сетевыми взаимодействиями и прогнозированием рисков. Они будут говорить о самых важных и актуальных проблемах, которые обсуждаются в современных социальных теориях.
5. Круглый стол «Кантовское явление, его онтологический и эпистемический статус» (модератор Г. И. Чернавин, рабочие языки — русский, английский) будет посвящен обсуждению специфики (природы) трансцендентального идеализма, природы кантовского явления (феномена) в рамках основополагающей для трансцендентальной философии триады: вещь-сама-по-себе (Ding an sich) — явление (Erscheinung) — представление (Vorstellung). Целью круглого стола является осмысление произошедшего в [пост-кантовской] философии «трансцендентального поворота».

Третий день конференции, 28 апреля, будет включать только секционные заседания:

1. Продолжится работа секции «Понятие и образы „революции“ в российском интеллектуальном пространстве XIX — начала XX века».
2. В секции, посвященной континентальной философии (модератор Д. В. Новиков, рабочий язык — русский), соберутся специалисты по философии Хайдеггера, Делеза, Деррида и Ницше и обсудят самые разные способы встречи и взаимодействия философских понятий и концептов.
3. Секция «Университетская культура в Средние века и раннее Новое время» (модератор О. В. Ауоров, рабочий язык — русский). В центр внимания участников этой секции попадет университетская культура Европы Средних веков и раннего Нового времени как особый тип осмысления и, как следствие, особый язык проговаривания основных проблем гуманитарного знания. Сюжетный спектр докладов очень широк — от права до философии и филологии; всех докладчиков будут объединять культурная среда, в которой жили и говорили их герои, а также их способ продумывать и прорабатывать свои теории.
4. В секции «Война и террор: на осколках Модерна» (модератор А. Д. Куманьков, рабочий язык — русский) выступят с докладами участники НУГ по философии войны (Школа философии НИУ

- ВШЭ) и обсудят проблемы, связанные с различными интерпретациями понятия и феномена войны, террора; самоидентификацией врага и партизана; суверенитетом внутренним и международным.
5. Секция «Early Modern Philosophy and Science» (модератор Д. Н. Дроздова, рабочие языки — русский и английский) будет посвящена рассмотрению различных аспектов формирования научного дискурса в раннее Новое время.

Четвертый день конференции, 29 апреля, откроется пленарным заседанием и продолжится также работой секций и круглых столов:

1. Участники секции «Epistemology and philosophy of science» (модератор И. А. Карпенко, рабочий язык — английский) планируют обсуждать широкий спектр вопросов, связанных с понятиями «научного закона» и «научной теории» — от классической проблемы эссенциализма в логике и эпистемологии до философских оснований современной физики.
2. На секции «Communication, action, and normativity» (модератор В. В. Горбатов, рабочий язык — английский) будут разбираться проблемы нормативности в контексте современных теорий действия и коммуникации. Участники секции обсудят вопросы обязательности, интересубъективности и моральной значимости различных форм языковой и неязыковой деятельности.
3. Секция «Философия сознания» (модератор Ю. В. Горбатова, рабочий язык — русский) будет посвящена преимущественно двум принципиальным вопросам: проблеме тождества личности (субъекта) и так называемой «трудной проблеме» сознания. Здесь будут обсуждаться как экспериментальные достижения современных наук о сознании, так и традиционные философские аргументы «от представимости» (в число которых, среди прочих, попал и онтологический аргумент Ансельма, получивший неожиданную интерпретацию в терминах современной нейронауки).
4. В рамках секции «Искусство и повседневность в контексте философской рефлексии» (модератор М. Морозова, рабочий язык — русский) работа участников сфокусируется на анализе культурных практик, которые зачастую считаются вторичными, иллюстративными, пропадают из поля исследования философии. Под культурными практиками понимается освоение и осмысление человеком мира, выраженное в разнообразных формах социокультурной коммуникации: от литературных текстов и прочих видов

искусства до практик существования в городском пространстве. Искусство и повседневность предлагается осмыслять как самодостаточные источники для рефлексии, исследуя также их связность и взаимовлияние. Работа секции фокусируется на рассмотрении подходов исследователей XX века, особо акцентируя ценность междисциплинарного взаимодействия.

5. Также секцией «Феномен в трансцендентализме Канта и феноменологии Гуссерля» (модератор С. Л. Катречко, рабочий язык — русский) продолжится работа кантовского семинара.

Для того, чтобы попасть на конференцию в качестве слушателя, нужно написать письмо ответственному секретарю мероприятия — Марии Дмитриевне Марей — по адресу mdyurlova@hse.ru с указанием полного ФИО. Мы приглашаем всех интересующихся, программа конференции этого года обещает много интеллектуальных удовольствий!

